

Литературной студии Волжского университета имени В.Н.Татищева - 10 лет!!!

Литературная студия в Волжском университете им. Татищева существует уже давно – с осени 2006 (примерно 1 ноября) года, когда идейным вдохновителем и первым ее руководителем стал филолог и поэт Алексей Аристов, ныне проживающий в Петербурге. Основной задачей сам автор проекта считал объединение всех творческих сил вуза.

Много событий вместили в себя эти восемь лет: три изданных сборника прозы и стихов «Между строк» (1-й выпуск) – 2008 год, и «Между строк» (2-й выпуск) – 2010 год, «Между строк» (3-й) – 2014 год, выступления на сцене ВУиТ, презентации литстудии в литгостиной ДКИТа, участие поэтов и прозаиков в литературных фестивалях России, публикации участников литстудии ВУиТ в серьезных российских литературных журналах и т.д.

Каждую субботу уже много лет в 13.00 студийцы собираются в кабинете 215, где обсуждают классическую зарубежную и современную русскую литературу. Перечислим некоторых авторов, которым только в последние 3 сезона было уделено особое внимание: Э.По, О.Бальзак, Ф.Ницше, С.Бенецкий, Р.Брэдбери, Д.Китс, Т.Элиот, М.Лермонтов, Л.Толстой, Вадим Леванов, Сергей Жадан, Екатерина Боярских, Г.Аполлинер, Ф.Кафка, В.Маяковский и др. Вторая половина занятия всегда – литературные игры, викторины, упражнения, творческие конкурсы, выразительное чтение собственных сочинений в стихах и прозе. В студии побывали гости-литераторы из Самары, Сызрани, Жигулевска и других городов.

Первый состав студии: Алексей Чиков, Валерий Трубин, Светлана Аристова, Дима Денисов, Дмитрий Перегудов, Татьяна Бочкарь, Сергей Сумин, Кристина Власова, Любовь Уколова, Наталья Идрисова, Дарья Муранова, Валерия Пишугина, Анатолий Глущенко, Ольга Смирнова, Дана Хакимова и др. Все это были люди самых разных возрастов и профессий, увлеченные творчеством, поэзией. Руководители студии: Алексей Аристов (ноябрь 2006 года – август 2011 года), Кристина Власова (сентябрь – ноябрь 2011 года), Сергей Сумин (с декабря 2011 года по с.д.).

За прошедшие годы в литстудии ВУиТ прошло около 350 заседаний. Часть из них (около 30 заседаний) – сольные номера. В литстудии выступали с авторскими концертами и творческими вечерами именитые поэты России: Александр Уланов (Самара), Виталий Кальпиди (Челябинск), Эдуард Учаров (Казань), Василий Чердаков (Сызрань), Алина Лаврова (Жигулевск), Сергей Щелоков (Самара - Тольятти), Галина Булатова (Казань - Тольятти), Елена Карева, Айвенго (Тольятти), Лариса Сони́на (Челябинск), Вика Сушко (Самара - Москва), Дмитрий Сопыряев (Ульяновск) и др.

За 2006-2016 гг. через литстудию ВУиТа прошло около 120 человек. Некоторые из них приходили на 2-3 заседания и больше не появлялись, некоторые задержались на долгие годы. На середину 2016 года в общем списке литстудии ВУиТ 22 человека; постоянных участников семинаров - 14 авторов в

возрасте от 14 до 54 лет: Лера Стрюкова, Роман Бровченко, Сергей Пиденко, Елена Шустрова, Татьяна Бочкарь, Вячеслав Трошин, Степан Рыкунов, Дмитрий Перегудов, Мария Тарадова, Марина Мельник, Ильдар Листопадов, Матвей Кукшев, Скам Свамп, Станислав Богданович.

В данном сборнике «Между строк» представлено творчество не только членов литстудии, но и преподавателей вуза, и студентов, пишущих стихи самостоятельно. Все это вместе может дать достаточно объективную картину того, что происходит в ВУиТ сейчас.

Сергей Сумин, руководитель литстудии ВУиТ.

Татьяна Бочкарь

Выпускница Волжского университета имени Татищева. Поэт, критик, член литстудии ВуиТ.

Два порыва

Эта роскошь изумруда
 в чёрном бархате оправы...
Псевдосвятостью кагора
 окроплённая любовь.
Робкий поцелуй Иуды –
 целомудрия отрава –
И надеждой, и позором
 нежно наполняет кровь.

Этот щедрый дар порока –
 сладкий яд прикосновенья...
Претворяю я нетленность
 вечных истин и идей –
Милосерднейше-жестоко –
 в изумруда оскверненье,
Чтоб чужую драгоценность
 подержать в руке своей.

Плачут свечи. Блещут очи,
Отражая свет огня.
Изумруд огранки ночи
В цепких пальцах у меня.

Стыдно, Дева Пресвятая,
Горько мне, но это так:
Жизнь тебе навек вверяя,
Не смогла... разжать кулак.

И теперь молю:
 – Помилуй!
Жертва есть, возжжён огонь –
Дай лишь, Боже правый, силы,
Помоги разжать ладонь,

Чтоб отныне – и по праву –
Драгоценный сей кристалл
Не души моей оправу –
Лик Пречистой украшал!

ХРУЩЁБАМ РОДНОГО ГОРОДА

Так было дешевле и проще –
Поставить жильё на поток:
Стандарт на этажность и площадь,
На кровлю, фасад, водосток...

Так что ж не даёт мне покоя
Хрущёвка – как все, ну точь-в-точь?!
Туда улетела весной
Моя повзрослевшая дочь.

До вожделенного покоя
Теперь уже подать рукою.

Но душу сковывает ужас,
Когда в декабрьской седине
Не мудрости – безумья признак
Я вижу: слякоть, грязь и лужи.
И нераскаянности призрак
Является все чаще мне...

Христос воскрес –
 и вот из мёртвой прели
Восстал живой росток:
 растоплен лёд оков.
В свой час в ряду исшедших окажусь ли я?

Христос воскрес –
 в лазурной акварели
Витиеватость строк
 устава облаков.
Но где твоё свидетельство, душа моя?

Плач белой птицы

Ой, подружка любимая,
Стала я молодежию,
Мне в сторонку родимую
Не летать вольной птицею.

Уж ты, матушка, смилуйся:
Не ждала его, не звала.
Гордым взором пленилася,
Чёрной гладью его крыла.

Ах, сестра, не брани меня,
Белых птиц я покинула.
Шум дубрав позабыла я,
В скалах голых загнула.

Ты пойми, родный батюшка:

Уж супруг мой угодливый,
Для малых-то дитятушек
Он родитель заботливый.

Не отринь, братец, горьких слёз!
Муж с добычей на зорюшке
Ко дитяткам в гнездо принёс
Бела пуха да пёрушков.

Пощади, муж мой, не казни!
Страхом смертным объятая,
От тебя во лесной тени
Наших деток я спрятала.

Что ж я, детки, наделала!
Вмиг, лишь солнышко скроется,
Ваши пёрушки белые
Чёрной кровью омоются!

О поэзии Татьяны Бочкарь

В современной лирике нарратив не в моде. Искусство повествования, сюжет для нынешних поэтов скорее повод презрительно сморщить нос и – о, ужас! – бросить обвинение в графоманстве. Тем не менее, рассказ в поэзии существует, и умелый автор спокойно пользуется им, как художник применяет кисти и технику в зависимости от замысла.

Татьяна Бочкарь вполне умело рассказывает историю в рамках традиционного поэтического приема, и внимательному неспесивому читателю найдется о чём подумать, читая стихи этой подборки. Тем более автор не стесняется вести разговор с высокой степенью доверительности на весьма непростую тему личной веры духовного преодоления житейских и личностных искусов.

Но лучшим, на мой взгляд, стихотворением в этой подборке является отличная стилизация народной песни в духе женского плача «Плач белой птицы» – трагичная песенная повесть, которая бы не прозвучала фальшиво в любой подборке русского деревенского фольклора.

Сергей Пиденко

РОМАН БРОВЧЕНКО

Прозаик, член литстудии Волжского университета имени В.Н.Татищева.

Чужой демон

Ohne Dich kann ich nicht sein, ohne Dich.
Mit Dir bin ich auch alien, ohne Dich.

Чёрный мопед мчался по шоссе с невообразимой для него скоростью – сто десять километров в час. Водитель был матёрым профессионалом – он объезжал машины со страшной виртуозностью. Никого это сильно не удивляло, но тем не менее прохожие с восхищением оглядывались на пилота. Его в этом городе знал каждый.

Он был настолько уверен в себе, что остался в одном лишь чёрном костюме, закрывшем всё его тело, кроме головы, шеи и кистей рук, однако это была самая обычная ткань, неспособная остаться целой или прикрыть тело при падении.

Для порядка ему наперерез выехали две машины дорожной полиции. Но ни один из водителей не стал перекрывать дорогу, они только пугали. Тот, кто рискнул бы сделать это, – тот крайне рисковал жизнью. Прохожие неодобрительно посмотрели на полицейских, не изменив маршрут своего движения ни на йоту. Полиция лениво поплелась на небольшой скорости за безумным мотоциклистом. Неожиданно жёлтая машина на дороге влетела лоб в лоб в полицейскую, ехавшую по линии разметки – одной стороной на своей полосе, другой – на встречной. Отлично, одним меньше.

Погоня продолжилась. Второй экипаж ехал, выжимая из двигателя всё, что возможно, но не был в состоянии догнать мопед. Мотоциклист обернулся. Да, он успеет убежать, но на смену этому экипажу придут ещё десятки, а то и сотни таких же. Надо разобраться с этим, разобраться немедленно – здесь и сейчас. Керуно поставил таймер на бомбе на десять секунд и спрыгнул с сиденья. Мотоцикл только ускорился. Сам же Керуно – таково имя безумца – прыгнул на капот догоняющей его машины.

В рации внутри машины подала голос рация.

«Патруль сто тринадцать. Приказываю не оказывать Керуно никакого сопротивления ни в коем случае, даже в критическом».

Полицейские обречённо переглянулись и посмотрели в глаза приближающейся смерти. Прекрасно известный им... А кто он, Керуно? Он не человек, это точно. Не такой, по крайней мере, каким человека представляют здесь, в этом городе. Он – главный из всех Творцов – тех, кто определяет

правила жизни всего мира. И полицейские, разумеется, об этом знали. Они бы и не посмели ничего сделать, ибо его гибель – гибель всех.

Бывший мопедист быстро достал два пистолета, выстрелил и прыгнул. Машина проехала под ним, и он упал на асфальт. В следующую секунду раздался взрыв мопеда. Полицейские, не получив ни царапины, сочли за лучшее ничего не делать, ждать, пока опасность минует.

Больше его никто не потревожит. Керуно забрался в ближайшую машину, что увидел. По чистой случайности она оказалась его любимого красного цвета и его любимой марки. Так что Творец остался полностью доволен. А это значит – мир продолжит существование.

Ещё какое-то время.

Ах, если бы только существование мира зависело только от его обитателей...

В кармане у Керуно зазвонил телефон. У него срочные дела в других мирах. Он мгновенно испарился.

Мир осветился ярко-красным светом, испепелившим сначала каждого, кто в нём был, затем смёл здания и развеял их по ветру. Потом этим красным ветром сдуло всё что только возможно. Осталась голая выжженная земля.

Я дослал первый патрон в казну своего громадного пистолета как можно незаметнее – он был в двадцати метрах от меня и о чём-то думал, так что, скорее всего, не заметил лягга.

Честно – не знаю, что на меня нашло! Зачем мне он? Ничего ценного с собой он не несёт. Я не жесток, а откуда этот пистолет – понятия не имею. Впрочем, откуда я сам и кто я, – тоже не могу вспомнить. Скорее всего, я просто неприятен сам себе. И в чём эта неприязнь проявилась здесь – ума не приложу.

Кто я? Этот вопрос встретил абсолютную тишину в моём сознании. Не стоит начинать новую жизнь с нападения, я отменил старое решение. Может быть, существует средство, предупреждающее исполнение преступных намерений, сейчас оно сработало? Честно, не верю в это.

Решение не отменялось. Что происходит?!

Будущая жертва подошла ближе. Пять шагов. Нет, нельзя!

Тело самостоятельно выскочило, держа оружие на изготовку.

- Пошёл отсюда, – неведомое существо заговорило моим ртом. Что, чёрт возьми, происходит?!

Человек молчал. Нет, это не молчание загнанного в угол человека. Этот человек просто не ожидал подобного. Он слушал. Моя левая рука поднялась, откидывая полы пальто. Я взглянул на открывшееся зрелище, и шок сковал всё, что во мне осталось. Проще сказать, чего у меня там под пальто НЕ обнаружилось. Оружие всех мастей, что только можно вообразить. Как можно унести столько? Я стоял замерев – секунду. Но этого вполне хватило несостоявшейся – и, кстати, непонятно чьей – жертве. Герой, чёрт подери! Я не заметил, когда он начал двигаться, но тут уже делать хоть что-то стало

абсолютно бесполезно – это существо оказалось очень быстрым. Оно выхватило оружие у меня из рук.

В омуте памяти всплыло его имя. Керуно. Откуда я его знал? Всё подстроено.

Я уже не пытался контролировать ситуацию. Даже если бы контроль над телом и вернулся бы, то ничего это не дало бы. Вскоре Керуно оказался стоящим надо мной. Он держал в руке мой пистолет, наведя на меня. Оказывается, внутри ещё что-то трепетало – я это понял, когда абсолютно всё внутри замерло. Не хочу... Я же младенец...

– Я знаю, что ты сделала это не по своей воле. Тебя заставили. Ты – марионетка. Ты – ничто.

Я ждал выстрела, смысл слов до меня дошёл позже. Керуно прыгнул в открытое окно здания, к которому я лежал ногами. Или... Если его слова правдивы – а врать ему незачем, – то лежала. Я лежала ногами к окну, куда направился он.

Прежде чем встать, я ощупал себя. Вернее – ощупала. Здесь стоит такой мрак, что мало что можно увидеть. Грудь оказалась мягкой и большой. Руки – тоньше, гораздо тоньше, чем у Керуно. Тут я пошёл на крайние меры. Нет, посередине тела не оказалось ничего, что выдавало бы меня за мужчину. Вот те раз...

Итак, теперь я с уверенностью могу сказать. Я – женщина. Не знаю, какого возраста, но чувствую себя вполне здоровой и молодой.

Я встала. Где же кавалер, который подаст руку даме, помогая подняться? Сама же и спугнула... Дура!

От этого слова меня сильно покорило, но я понимала, что заслужила его. Ненавижу... Моя левая нога оказалась онемевшей. Но это нестрашно. Потеря оружия тоже нестрашна. Я надеюсь...

Итак. Куда мне идти? Кто я и зачем это сделала? Подойти и извиниться? Так он же не подпустит. Почему-то во мне стала просыпаться симпатия к Керуно. Он ушёл с явным настроением больше меня не подпускать. И я не знала, кто же он такой. Крайне глупо. Я даже имени своего не знаю.

На улице – ночь, фонарей очень мало. Всё прошло очень тихо – в переулке, за углом, без долгой борьбы и громких криков. Никого – это я поняла, когда оглядела улицу. Никого.

Было решено узнать о себе хоть что-то, найдя хоть одного знакомого.

Ага, знакомого... Как же. Только зайти домой к подруге, будучи упакованной по полной, – я ещё помнила содержимое внутренних карманов пальто. Выход один – догнать единственного человека, который сейчас точно не спит. Керуно. Бедный малый. Сколько ему испытаний выпадет за сегодня!

Я снова нашла место стычки и пошла за ним. Я испытывала два странных ощущения. Первое, снаружи, – это то, что я прекрасно чувствовала следы. Как овчарка. Я могла бы учуять его даже в море, в этом я не сомневалась. Хм, какая самонадеянная.

Второе ощущение оказалось гораздо более неприятным. Это чувство, когда знаешь, что мышцу вот-вот сведёт судорогой... Только сейчас – гораздо сильнее. Это чувство относилось не только к мышцам. К мыслям тоже. Я чувствовала, что скоро вновь потеряю контроль над собой, если не добежу до него. На этот раз потеря контроля обещала быть очень болезненной. Судороги, сумасшествие – на грани всего этого я балансировала. О нет!

Так что я старалась бежать как можно быстрее. Я срезала углы, где могла. Керуно оказался быстр не только в схватке, но и здесь, на дистанции. И теперь я снова оказывалась проигравшей. Ощущение усиливалось. Это очень неприятно – терять контроль.

Моё сердце забилося очень часто. Пожарная лестница. Это очень плохо. Только тут я обратила внимание на свои каблукы. Тут же почувствовалась боль. Ноги стёрты.

Я потратила на осознание боли и отчаяние целую секунду! Я стала на целую секунду ближе к накатывающему безумию!

Туфли отправились в карманы пальто, сама я – наверх. Оттуда шёл приятный запах, почему-то ассоциирующийся у меня с зелёным цветом. Где-то вдали загрохотала гроза. Настигающая меня волна паники стала ещё ближе! Нет-нет-нет-нет-нет! В ногах прибавились силы, руки стали хватать ступени всё быстрее и быстрее. Нет. Я не успею. Я оглянулась и увидела под собой десять этажей. Руки ослабли, но я смогла удержаться. Надо идти ещё быстрее!

Волна сумасшествия оказалась всего на метр ниже меня. Тело стало роботом, оно стало хвататься за трубки абсолютно безошибочно. Но даже этой скорости не хватило, чтобы удовлетворить требования измерения абсолютного безумия. Оно настигло меня.

Я снова стала наблюдателем в своём теле. Тело взлетело! Как ракета! Оно облетело здание поверху и донесло меня до угла, за которым скрывался Керуно. Каким-то новым зрением я смогла увидеть, что он только что зашёл туда.

Так как контролировать свои движения не приходится, стало возможным оглядеться по сторонам. Это странная ночь. Без луны, но с миллионами звёзд. Нет, правда – с миллионами. Я не видела тёмных пятен на небе, больших, чем мой указательный палец в толщину.

Я закрыла глаза. Желания наблюдать за собственным безумием не было вообще. Если бы можно было закрыть уши и перестать чувствовать кожей, я бы с удовольствием сделала это. Однако у человека отсутствуют такие системы.

Я быстро и бесшумно побежала на другую сторону прохода. Безумие отступило, приблизив меня к цели. Удивительно. Я бы сказала, что меня влечёт к нему, но вот... Меня скорее тащит к нему. Тащит неведомая сила и я не знаю, что с этим делать.

Сорвав остатки оцепенения, я побежала в сторону вокзала с зелёными окнами, находящегося слева. Но, как и следовало ожидать, я снова лишилась управления.

Я зловеще выскочила перед человечком. Он дёрнулся и попытался заговорить со мной.

- Что ты здесь делаешь?

Я прошлась из стороны в сторону, загораживая ему поход вперёд. Как тигра в клетке.

Моего оружия у него не оказалось. Когда руки на секунду согласились слушаться меня, я пощупала себя. Ничего под пальто у меня не оказалось. Я же была упакована по полной!

Я открыла глаза в попытке дать ему понять свой ужас от происходящего хотя бы взглядом.

Он оказался весьма красив. Встретясь мы при других обстоятельствах – и я бы, возможно, попыталась бы его очаровать. Он высок, худ, но не тощ. Красивый нос с горбинкой, светлые глаза, абсолютно ясные, чётко различимые даже в ночи. Почему-то я была уверена в том, что у него мускулистые руки, как будто видела его раньше. Возможно, и видела.

Керуно запаниковал. Он посчитал лучшим убежать назад. Как только он отвернулся, я вспорхнула ввысь, и он пропал из моего поля зрения. Но это не дало ему повода оборачиваться – он ничего не услышал.

Сверху я смогла разглядеть город. Лабиринт. Какой архитектор строил эти здания? Здания были разной высоты и совершенно не сочетались друг с другом. Огромные деловые центры в сотню этажей соседствовали с домами средневековой постройки – из камня, даже не из кирпича. Проходы между зданиями оказались узкими повсюду. В этом промежутке можно было бы разлечься поперёк прохода, но не более. Это место очень необычно, сюда многие хотели бы приехать, но не жить здесь.

Сзади меня прогремели небеса, и полился дождь, размывая внизу землю. Бежать будет тяжело, но эта сила, что контролирует меня, обладает безупречной координацией и двигается очень грациозно.

Я прислушалась к ощущениям. Я совсем не устала, хотя бежала за Керуно минут десять и карабкалась по лестнице этажей тридцать. Руки совсем не болят. Почувствовала, что стало совсем холодно, – я попала в облако. Раньше я не замечала того холода, что был в этом бесконечном ноябре. Но греться не хотелось, да и возможность уже упущена – тело контролирую не я.

Я мягко приземлилась, смягчив падение коленями. Керуно видно не было, но я чувствовала его – он очень близко, десять метров, он за углом. Я ненадолго получила свободу. Перед новой волной безумия я растёрла руки и лицо, чтобы хоть как-то согреться под этим холодным ливнем. Волосы намокли, и я со всей возможной скоростью сделала из них хвост. Времени хватило только на это, но я уже не жалею. Как будто я давным-давно такая, как будто это началось десятилетия назад. Уже привыкла и приноровилась. Какой я была раньше?

Из-за угла выползла его спина. Я, уже в оцепенении, подошла к нему и почти схватила его за плечо, но увидела, что он дёрнулся, и наваждение убрало мою руку от него, всё тело затихло. Я попыталась продолжить движение, но ничего не получилось. Получилось только задержать её отход и дёрнуть руку. Ответ последовал без задержек: страшная боль полыхнула по всему телу.

Тело что-то сказала, но из-за оглушающей боли я не почувствовала, что именно. Ни ушами, ни губами. Что ответил Керуно – тоже осталось загадкой. Вот я дурёха! Зачем я задержала руку?

Я что-то сказала и побежала. Но саму меня боль не отпускала ещё долго. Я ничего не помнила и не понимала. Единственное, что я знала, – я двигаюсь в какую-то сторону.

Мир вокруг задрожал. Под каждым камнем как будто взорвалась бомба. Мир перевернулся по кускам, безумная сила направила меня вверх с огромной скоростью. Я поднялась на сто метров за три секунды, продолжая ускоряться. О нет, меня расплющит в бумажный лист! В одно из этих долгих мгновений, в которые моё тело возносилось в верхний ад, я почувствовала разом всю перегрузку, которая давила на меня всё время полёта. Дальше я влетела в Небесный Ад. Там абсолютно не было воздуха, боль в каждой точке тела, каждый мой атом готовился взорваться, как атомная бомба.

Боль заполнила весь мир, и я закричала, поборов безумие.

Только через несколько секунд я заметила тяжёлое дыхание сбоку от себя. Справа. Ой, то есть – слева, я вечно путаю. Ощущения были намного приятнее. Только тут мне было позволено открыть глаза. Мы лежали в мягкой тёплой кровати, укрытые толстым зелёным одеялом, тихая комната с неярким, душевным светом. Покой. После всего случившегося я была бы довольна, если бы не одно но. Я была всё так же безвольна, как и во сне. Мои руки обняли лежащего рядом мужчину и стали его поглаживать. Какой-то части меня это было просто противно. Другая обострила чувства и искала в нём – моё, не моё?

Фу!

Даже мой нос не посмел скривиться, ни один мускул не повинуется.

Безумие полезло и в голову. Нет! Иди отсюда! Между мной и силой началось жестокое противостояние. Я поставила щит, закрывающий меня с ног до головы. НО несколько пальцев я не успела прикрыть. После непродолжительной борьбы я всё-таки смогла закрыться полностью и безумие прекратило давление.

Я защищала только свой разум, тело так же продолжало лежать, улыбаться и гладить чью-то голову. Сила временно отступила. Стало возможным задуматься. Кто я?

Судя по тому, что я вижу, – я человек. Это очевидно. Но кто же рядом со мной? Только что я его преследовала, только что напала на него, но теперь я лежу с ним в обнимку.

Что произошло в промежутке между этими двумя событиями? Несвоевременный вопрос. Где я?

В следующий миг безумие снова ударило в меня, из глаз посыпались искры. А потом и искры исчезли, вместе со звуками – я поняла, что они были, только лишившись слуха, – и другими ощущениями. Я потеряла способность думать. Это совсем плохо. Я не успела среагировать. Пришлось долго и упорно возвращать себе чувствительность.

Прошли часы, если не дни.

Первое, что я услышала – свист воздуха. Потом вернулась внутренняя чувствительность: я летела вниз. Скользила, сидя на чём-то. Глаза, вернувшись, показали мне жёлтую трубу. Аквапарк!

Я летела вниз с каменным лицом. Борьба со мной лишила безумие каких-либо сил очеловечивать моё поведение, хотя я чувствовала страх и восторг от падения и непременно закричала бы. Я продолжила своё освобождение. В какой-то момент я смогла произвольно пошевелить мизинцем, потом – рукой.

Плюхх!

Приятный мужской голос раздался у меня в голове.

- Может, перемирие? Доплывём до бортика и выберемся хотя бы?

Я задумалась на секунду. Почему-то безумию нужно моё тело и рисковать им, даже ради полного контроля, оно не стало. Предложение мне показалось вполне разумным, и я согласилась плыть, согласуя движения наших рук. Хотела бы я посмотреть на то, как мы плыли, если бы я не была занята подготовкой к новому волевому усилению. Я сосредоточилась на плавании.

Мы с безумием тут же договорились о временном перемирии и сохранении статуса-кво. Надо было доплыть до борта бассейна. В моём распоряжении была левая рука, у безумия – правая. Как-то не очень удобно.

До борта оставалось всего пять метров. Я собралась с мыслями. Прощупала слабые места в безумии. Оказавшись там, я первым делом захвачу вторую руку и дыхание. Три метра до борта. Один... Я в последний раз отвела руку назад и уже приготовилась выбраться вверх. Я была полностью уверена в своей победе.

Правая рука не ушла назад. Мало того, безумие использовало мою правую руку, чтобы развернуться. Далее оно заставило мои ноги со всей силой толкнуться от борта. Нет!

Моя левая рука стала всё менее подконтрольна мне. Нет! Я отбила её обратно, но её перехватила правая, более сильная.

- Ты думаешь, я позволю тебе контролировать хоть что-то? Ты в тюрьме. Здесь ты не контролируешь ни один аспект своей жизни. Кроме мысли. И вот, ты утратила эту привилегию. Немедленно прекрати попытки побега, или ты погибнешь. Прямо здесь и сейчас.

- Что я сделала? Кто ты такой?!

Мою щёку сразила жестокая судорога. Вместо пощёчины. Дыхание всё ещё было остановлено, что под водой было жизненно важно. Безумие не спешило убивать меня.

- Отныне ты принадлежишь мне и никому другому. Полностью. Целиком, навечно и без остатка.

Собравшись, я отбила его руку. Отбив ее, я почувствовала, какое сильное желание сдерживалось врагом. Я рванула вверх с огромной скоростью, но невозможно победить того, кто живёт внутри тебя. Но моя голова продолжала оставаться под водой, безумие, что скрывалось во мне, не оставляло попыток завладеть моим сознанием.

- Мы можем до бесконечности бороться, дорогая. Но проиграешь в итоге ты.

Даже угасающим от кислородного голодания сознанием я смогла уловить в его интонации неуверенность.

- Иди к чёрту.

Я не желала делить своё тело с кем-либо. Единственное исключение – мой ребёнок.

Ни одна из моих многочисленных попыток вдохнуть или обрести полный контроль над телом – ни одна из них не имела успеха. За эти секунды все, что я помнила о себе, пролетело перед глазами. Я бы хотела назвать это «Вся жизнь», но жизни той я не помню вообще.

В итоге я захлебнулась. Меня вытащили из воды. Керуно требовал от меня ожить, бил по щекам, давил на живот. Я уже не могла удивиться его присутствию. Кто со мной говорил в моей голове – не он ли?

Я умирала. Медленно и мучительно. Схватка длилась, видимо, очень долго. За это время мой мозг успел начать отмирать. Я теряла способность понимать окружающий мир, всматриваясь в пространство, чтобы различить первые признаки появления меня в мире ином. Я умирала, но чувствовала, что могу лежать здесь и не вставать столько, сколько мне захочется. Я победила. Демон не вселится в меня никогда. Он остался без тела. И я свободна.

Огонь охватил всё вокруг. Деталей я не смогла различить. Да, боль, но небольшая. Я всегда представляла себе смерть совершенно иначе. Как ускользящий мир. А не гибнущий.

Я снова стояла. Зима. Пересечение двух улиц. Я знала, что это находится в двух кварталах от дома моей лучшей подруги, город я знаю прекрасно. Но... Что я здесь делаю?

Если есть лучшая подруга – надо идти к ней.

Сработал датчик на Керуно. Я чувствовала его, как будто он был отдельным сигналом наряду со зрением, слухом и остальным. Я точно помешалась. Возникает второй вопрос: а кто же он такой?

Итак, я помешалась на нём, пыталась навредить ему – я уверена, что очень ревнива – и он... Решил... Жестокое наказание это. Вселить в меня демона. Значит, я проклята...

Нет!

Моя сущность взорвалась отчаянием. Керуно уже подошёл близко.

И вот я увидела его. Демон не заговорил со мной – я просто его изжила и могу теперь делать всё, что хочу.

Однако не посмотреть на него, не приглядеться к объекту, который меня преследует, – было выше моих сил. Женское любопытство не дало бы мне спать, всю ночь мучая вопросами.

Он красив. Он высок. Довольно неплох. Можно было бы ревновать, если бы он был моим. Но я осталась абсолютно спокойна, увидев его, ничто внутри не всколыхнулось. Я ожидала увидеть настоящего адского демона, но страшно разочаровалась, увидев фарфоровую статуэтку вместо жестокого тёмного бога.

Он явно меня отметил, но подходить не спешил. Ждал первого шага, слабак... Я решила, что больше не подойду к нему. Если это метод произвести впечатление, то Керуно должен понять, что он не имеет ни одного шанса на успех – я никогда не буду с тем, кто контролирует каждый мой вдох и может спокойно мной пожертвовать.

Я пошла по улице, задумавшись. Что это было? Где я? Ведь я утонула только что!

У меня по коже прошли мурашки. Неужели это и есть тот свет? Всего лишь заснеженный город?

Я абсолютно не помнила план города, я не помнила номеров зданий и названий улиц. Единственное – я помнила, что на какой-то момент... Я чувствовала подругу. Я шла по зову инстинктов, а город всматривался в мою душу миллионами глаз-окон, провожая меня на тот свет мерцанием неоновых огней.

Абсолютно безлюдный город. Где я?

От глупости одной мысли я бессильно стекла на пол одного из подъездов, в который в очередной раз зашла погреться. Я умираю. Где-то далеко, даже не в аквапарке. Аквапарк определённо был сном, а где я была до этого – неизвестно. Говорят, что наша психика склонна забывать слишком болезненные вещи, избегая ненужных страданий. У меня серьёзные проблемы. Может быть, мне к врачу?

Я выпала из времени на неопределённый срок, но ничего не пропустила. Если время – это расстояние между событиями, то времени не прошло абсолютно: здесь вообще ничего не может происходить. Ведь на самом деле я умираю в реальности, от которой я закопалась очень глубоко.

Однако, подумав, я решила всё-таки сходить к врачу. Он местный и знает или помнит что-то недоступное мне. Самое главное – понять, кто же такой этот Керуно.

Или же я просто ненормальная.

Выйдя из подъезда, я легко нашла больницу. Я бы с удовольствием списала эту лёгкость на нереальность происходящего, но с собой я решила быть честной: я видела эту больницу до того, как войти в подъезд погреться.

Разобраться в кабинетах не оказалось сложной задачей. Я знала это слово: «Психиатр». К сожалению, мне туда. Абсолютно пустые коридоры, полный порядок повсюду при этом. Мне было очень одиноко здесь. Хотя от места это не зависело. Не хватало того, что будет греть меня изнутри.

Я постучалась в дверь на третьем этаже и тут же вошла. В кабинете сидело трое: врач с лысиной, сестра, стоящая около кушетки, и ещё один врач, чуть постарше, но его голова в волосах недостатка не испытывает. В окно бил мертвенно-зелёный свет. Какое-то незнакомое чувство захватило меня полностью. Гнетущее, но неизвестно, чего оно хочет. Второй врач попрощался и быстро вышел, освобождая кабинет.

- Итак?

Хм. С чего начать? Я рассказала ему всё, что знала и помнила.

- В общем – я не знаю, кто я, и о себе ничего не помнила, и даже не знала, где я сейчас нахожусь.

- Вы не спите, это точно. Вы находитесь в своём мире. Во-первых: вы заходили погреться, а сильно ли вы мёрзнете во снах? Второе: вот вы осознали, что это сон, – почему же вы не просыпаетесь?

- Я не помню, как это бывает. Я не помню, каково это – спать. Я не помню ни одного своего страха. Я себя вообще не знаю.

- Интересный случай. Что ты ещё помнишь?

Переход на «ты» меня сильно смутил. Я не поддавалась панике от понимания незнания ситуации. Он нереален. Хотя аргументы он приводит логичные.

- Ты чувствуешь человека, верно? – я сразу поняла, о чём он, но не стала соглашаться. – Ты чуешь его всюду, он вон там – он указал рукой в сторону окна. Туда, где я тоже улавливала его присутствие.

Ситуация ещё больше запуталась. Я решила не рассказывать лишнего и даже отрицать правду.

- Ничего я не чувствую.

Мир окрасился безысходностью и отчаянием. Это чувство вдавило меня в стул, на который я села. В этот момент из человека, которого я считала врачом, выплыла совершенно другая сущность. Я заметила рябь на его лице, руках и даже на волосах. Он преобразился.

- Каждый из нас его чувствует! И ты тоже, я знаю! Ты угроза для мира. Ты несёшь нам смерть!

Кажется, мы уже начали путаться, кто из нас кто: кто врач, а кто – пациент. Человек передо мной продолжил превращение, рябь стала просто невыносимой. Он напомнил мне какое-то знакомое чудовище... Как будто из старого кошмара. Но не моего.

- Вернись к нему, пока не уничтожила мир! Ты не безумие прогнала, ты стала безумной!

Он достал пистолет из кармана. Я уже начала ему верить. Да, я не сплю – любой человек уже давно проснулся бы из-за смерти и ужасов. Кажется, мне придётся подчиниться. Взбрыкнуть я всегда успею.

- Ты уже пять раз поставила наш мир на грань уничтожения! – голос стоящего напротив меня уловника перешёл в рык. Рябь всё ещё не утихала. - Тебе не страшно, ты переживёшь этот мир, а вот мы... - он шевельнул дулом пистолета, приказывая мне развернуться. Пришлось повиноваться.

Он вывел меня на улицу и сразу направил в сторону, в которую указывал Компас – чувство, определяющее место нахождения Керуно. Холод отступил, снег стал более тёплым. Мы прошли до конца улицы – метров сто пятьдесят. Я заметила на снегу следы, которых ранее не было. Здесь был кто-то третий. Чтобы отвлечь от следов психопата, который не так давно прятался под маской врача, я завела разговор.

- Кто такой Керуно?

- Ты знаешь.

- Нет, не знаю. Я же сказала, что ничего не помню.

- Он творец.
- Творец чего?
- Он здесь главный. Мы все созданы служить ему.
- Тут я поняла, что я очень нетерпелива.
- Говори понятнее! Зачем ты меня ведёшь к нему?!

Вдалеке раздался тихий хлопок, как будто кто-то сильно нажал на насос. Сзади меня что-то тяжело шлёпнулось и шаги сзади стихли. Огромное облегчение. Подойдя к трупку сзади, я увидела весьма неаккуратную дырку у него под носом.

Керуно думал, что спасает меня? Зачем он это делает?

Я подняла оружие и мгновенно исчезла с улицы – мало ли что может прийти в голову существу, притворяющемуся человеком. Хозяину мира. Я просто убежала от него в ближайший вход в здание. Это оказался продуктовый магазин. Ни одного продавца, ни одного покупателя, всё аккуратно убрано, свет оставлен включенным. Интересно знать, сколько же сейчас времени? Я быстро ушла от кассы, чтобы затеряться среди стеллажей.

Когда я в последний раз ела? Я нашла на полке разогретые пирожки, но не ощутила должного голода, дикого желания наброситься на еду, возникающего после двухдневного – именно столько прошло времени для меня – перерыва между приёмами еды. Возможно, я заинтересовалась пирожками из-за незнания дальнейших шагов или попросту от волнения. Чёрт, это неприятно осознавать.

Нет, это не воровство – было... Вообще непонятно, где я. Я только обрадуюсь охранникам или полиции, ведь снаружи лежит труп. Я оглянулась. А, кстати, где он?

Улица опустела, мертвец исчез. Нет, его не занесло снегом. Не осталось крови на снегу. Всё осталось прежним, кроме исчезнувшего трупа. Где же я?

Я прошла ещё несколько шагов, чтобы зайти в зал через другую кассу.

Проблемы ожидали меня здесь. Целых двадцать больших, оскаленных, безумных проблем. Полусгнившая одежда, тронутые сыростью и червями лица – целых двадцать голодных мертвецов. Они обернулись на меня. Мне понадобится две секунды на принятие единственно возможного решения.

Бежать! Я выстрелила из пистолета в одну голову, в другую – и побежала. Керуно уже спустился, я точно знала. Надеюсь, он всё ещё при оружии.

Как же давно я не бегала так! Быстро, грациозно! Хм. Скорее всего, я никогда так не бегала. Страх придал ума, и я вспомнила, где живёт подруга. Бежать километров пять. Что же, сегодня я могу всё. Зомби побежали за мной, дав мне небольшую фору, с полминуты. Я не теряла времени и неслась со скоростью едва ползущей машины. Сзади слышались выстрелы, но попаданий рядом со мной не было. Значит, не я была целью. Я побежала ещё быстрее, ноги уже начали заплетаться. Через километр появились первые признаки усталости. Только здесь до меня дошло, в насколько хорошей форме я была. Я начала сдавать, но остановиться не могла. Сзади донеслись звуки работающего мотоцикла. Керуно. Я развернулась и, помня о своём недавнем спасении, прострелила только заднее колесо. Я не хотела видеть его, терпеть его

постоянную погоню за мной. Он преследовал меня в каждом видении. Реальном или галлюциногенном – это не столь важно. Он меня преследует. Но сейчас он спас меня и заслуживает более мягкого наказания. В конце концов – он же местный бог.

Однако я почувствовала негодование, тоску и досаду. Примерно это должен чувствовать человек, которого столкнули с пути уже почти на финише. Значит, связь между нами ещё более плотная. Так, всё ясно.

Я даже не помню имя подруги. Как я добралась – не знаю. Кажется, у меня включился второй компас – я знала, где она находится. Я вошла в квартиру на пятом этаже. Хм, а хорошее жильё! Паркетный пол, обои такого же древесного цвета. Всё так... По-домашнему, как бы это сказать. Я чувствовала себя дома. Саму женщину я не увидела, но её немного писклявый голос раздался из комнаты посередине.

- Привет. Проходи на кухню, садись.

Я так и сделала. Надо быть жёстче. Ведь она всего лишь предполагаемая подруга. При этом я даже не могу уверенно сказать, где я. Ушки на макушке. Я села на кухне. Две чашки чая, печенье. Либо здесь есть ещё кто-то, либо меня ждали. Разумеется, я подумала о втором в первую очередь.

Вошла она. Красивая. Роста небольшого, но это компенсируется красотой. Если бы я была мужчиной, то могла бы и клюнуть на неё. Тёплый халат, мягкие тапочки, хорошие щёки – всё это к себе притягивало. В ней чувствовался покой, теплота, надёжность.

Я опомнилась и вышла из прострации.

- Привет. Ты меня ждала? – я встала.

- Разумеется, ждала.

Она подошла ближе и слегка меня приобняла.

- Почему? Ты знала причину, по которой я приду? – я села.

- Просто проведать меня – разве не повод прийти?

- Слушай... - Я села и стала нервно тереть пальцами воображаемую зубочистку. – Я не знаю, кто ты.

На какой-то миг её спокойствие было нарушено, но она вернула его всего лишь за мгновение.

- И я не знаю, кто я.

Она села на табурет рядом. Её чашка осталась на другом конце стола, она села именно ко мне. Вдруг моя правая рука оказалась в её мягких ладонях. Она посмотрела на линии, поводила по ним длинным ногтем указательного пальца. И тут же перевела взгляд на мои глаза.

- Тебя зовут Айе. Собственно, меня – Аяпитль, – её серые глаза дружески бодали меня. – Ты должна вернуться к Керуно. Ты точно знаешь, кто это.

Чтобы продолжить разговор, я решила несколько приврать.

- Нет. Не знаю.

- Конечно знаешь. Ты чувствуешь его, как и все в этом мире. Ты же знаешь, где он сейчас. Он вон там. – Аяпитль указала носом в ту сторону, где он находился. – У тебя как будто компас, настроенный показывать на него.

Врать не имело смысла. Я уже взорвалась и выдернула ладонь.

- Да кто же он такой?! Все его чувствуют, все считают его едва ли не богом! Никто не говорит, кто он!

- Он и вправду бог, Айе!

- Я его видела. Я видела, как он боится! Зачем ему стрелять в людей, если он может остановить их силой мысли?!

- Он не знает, что он бог, Айе. И не должен узнать, иначе уничтожит всё, что у нас есть, и, скорее всего, нас заодно.

- Как?

- Силой мысли.

- Но почему?

- Ты не знаешь, кто ты такая?

- Не знаю.

- Ты помнишь, как ты сюда попала?

- Да, я убежала от врача в магазин, потом пошла к тебе. Но мысль понятна.

Я отвернулась от подруги. Я сплю. Но почему же я не просыпаюсь?

Похоже, мне дали снотворного. И очень немало. Я не могу проснуться.

Спокойно. Должен быть выход. В конце концов – просто переждать некоторое время. Пусть даже год в местном времени – за этот срок в реальном мире пройдёт не больше двух суток. И очень важно не сойти с ума.

В кошмаре любой твой выбор становится ошибкой. Я бы проснулась ночью, испугавшись, что день — это мой забытый сон. Когда ты просыпаешься, мир кажется размытым. Все, что было понятным во сне, не имеет смысла наяву. Ни сюрреалистического спасения, ни простых волшебных выходов. Ты просыпаешься – и оказываешься в совершенно ином мире. Старый мир рушится.

- Ты поняла.

Это был полувопрос-полуутверждение.

Я кивнула.

- Значит, Керуно – мой кошмар? Почему я ничего не могу вспомнить?

- Моя дорогая. Ты только что появилась. Ты должна вернуться к Керуно, пока он не понял всего. Ты ничего не можешь помнить.

Повисла пауза. Вопрос так и рвался с языка, но едва ли я имела намерение озвучивать его. Мы, две подруги, впелись друг в друга глазами, пробивая плоть.

- Почему?

- Потому, что тебя не было. Никогда. До сего дня.

- То есть? Как не было?

Аяпитль грустно отвела взгляд, но тут же перевела его обратно.

- Айе. Не ты творишь этот мир. А Керуно.

Кажется, я начала понимать... Это невозможно!

- В кошмаре любой твой выбор становится ошибкой. Когда ты просыпаешься, мир кажется размытым. Все, что было понятным во сне, не имеет смысла наяву. Ни сюрреалистичных спасений, ни простых волшебных выходов.

Она точно повторила мою мысль. Это только подтверждает то, на что, как я подумала, намекает подруга.

- Но я не вижу ни каких сюрреалистических путей спасения. Я даже не могу проснуться!

- Теперь я чувствую, что ты точно всё поняла. Да, Айе. Керуно – творец этого места. Этого мира.

По её лицу пробежала лёгкая рябь. Про чай можно забыть, да он мне и не нужен. Ведь я во сне.

- Человек здесь он? А мы две – всего лишь его демоны?

- Хм. Поправка. Демон – только ты. Меня он воспринимает только как деталь обстановки. Да, дорогая, мы – духи, заселяющие его мир. Если он поймёт, что мы нереальны, то нам конец.

Именно. Я уже не могу даже отчаяться.

- А мы хотим жить. Даже если жизнь для нас есть только здесь, – её тон стал несколько угрожающим.

Керуно приближался. По лицу Аяпитль пробежала рябь. Скоро придётся бежать и от неё.

- Ты – демон этого мира. И сейчас ты – первый человек после Керуно.

Во мне заварилась настоящая злость. Я переделаю этот мир, создавший меня. Я осознала, что я – ничто, всего лишь несколько импульсов в нейронах Керуно. Однако одна вещь мне осталась непонятна.

- Почему ты это мне рассказала?

Аяпитль задумалась и это замедлило рябь на её лице.

- Потому, что ты – моя лучшая подруга.

Именно этого ответа я и ожидала.

- Ага. А значит – ты со мной?

- Нет.

Проекция подруги моего прототипа в больной голове затряслась мелкой дрожью, но свою принадлежность не меняла. Я почувствовала, что перетянуть её на свою сторону не получится и оставила эту затею.

- Беги! Он идёт сюда!

- Я не уйду, пока ты не скажешь...

- БЕГИ!

Безумный огонь в глазах тени человека заставил меня немедленно выскочить на улицу, стремясь убежать от владельца мира, что нёсся сюда во внезапно наступившей ночи. Он летел в пяти метрах надо мной, но не чувствовал меня. Это дало мне шанс убежать, которым я и воспользовалась.

Проблема. Я не знаю, что происходит. Как же запутанно...

Что запутанного в том, что я не существую реально? Керуно где-то спит, посапывая себе в подушку, а я извиваюсь, как ёж на сковороде.

Кстати, кто я есть? Ведь я – Айе в глазах Керуно. То есть, я – и то и другое?

Какой ужас... Я – это и есть он. Поэтому я его чувствую. Поэтому его чувствуют все здесь.

Я вышла из города в небытие, и продвигалась, прокладывая себе дорогу своим воображением. Я почти ушла из его мира, больше он меня не тронет.

Все боятся, что я изменю этот мир и они погибнут. Когнитивный диссонанс от моих действий разбудит Керуно. Погибнут все, в том числе и я.

Я остановилась, размышляя: уничтожить мост к городу или нет. Я уже начала это делать, но... Тут я вспомнила миллион картин, которые видело моё тело, пока я была в безумии. Я была там вместе с Керуно и... Он явно был счастлив в эти моменты.

Продолжать жить – это значит, продолжать быть с ним.

Нет.

Я должна умереть. Срочно. Быстро.

И пусть вместе со мной погибнет весь этот мир. И пусть погибнет разум, породивший меня. Ничего не останется здесь. Я уже переживала это раньше, но теперь пора сделать всё, чтобы больше сюда не вернуться.

Я создала пистолет. Нет, я не знаю, как он работает. Но в этом мире принципы внешнего мира не действуют. Он убьёт, когда я ему прикажу, - это самое важное.

Я – человек, а не кукла. И это исходило из меня самой. Плевать на мой прототип, сгори он синим пламенем. Осталась я, одна я. В чужой голове. Хотела бы я быть пулей.

Я очутилась рядом с Керуно, за его спиной. Я посмотрела ему в затылок. Он будет мной пользоваться, если я не погибну. Пора попрощаться с собой.

Однако я – ничто.

Бог обернулся и посмотрел на меня. Я нажала на спуск. Мир взорвался и я ощутила покой. Безмятежность. Туман и исчезновение. Смерть духа.

Прощай, постылый разум...

О рассказе Романа Бровченко

Когнитивный диссонанс... Приключения разума, меняющего телесные оболочки, фланирующего на грани жизни и смерти и в конце концов сводящего счёты с самим с собой... Фрейд здесь не при чём, речь идёт о чем-то большем, нежели атавистические влечения в постмодернистской упаковке, хотя её глянец нет-нет да и ослепляет читателя, речь идёт о блуждающих духом в этом странном мире, полном опасностей и неумолимой привлекательности, но скорость мысли не позволяет геро(ине)ю остановиться взглядом на и сделать осознанный выбор между добром и злом, между мистическим Керуно и немистической смертью, и эхом разносится диссонанс разлетающихся осколков бытия...

Юрий Ващенко

Кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Волжского университета имени В.Н.Татищева.

Юрий Сергеевич Ващенко родился в небольшом старинном сибирском городе Мариинске Кемеровской области 3 февраля 1952 года в семье служащих. Детство прошло в г. Анжеро-Судженске, а среднюю школу закончил в г. Берёзовском названной области. Уже, будучи школьником, пробовал себя как в прозе (писал небольшие заметки в местную газету), а также писал и стихи. Любовь к литературе привела на филологический факультет Кемеровского пединститута, который он окончил в 1974 году. Затем служба в армии и переезд семьи из Сибири в г. Тольятти, в котором и живёт до сих пор. В 1996 г. закончил юридический факультет одного из московских вузов, а в 2002 г. защитил диссертацию. Публиковался в местной печати, в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1994 г. вышла его первая книга прозы «Жизнь по Фрейд», а в 2007 г. издательство ВУиТ выпустило его вторую книгу «Кислотный дождь». Сейчас он готовит к изданию свою третью книгу. Наряду с прозой и написанием пародий публикует свои научные труды, как в юридических журналах, так и коллективных сборниках. Их у него опубликовано 75. Так что успехи на ниве юриспруденции у него гораздо заметнее, чем в литературе. Вот так и живёт: душой и сердцем в литературе, а головой весь в юриспруденции: устал от права, бежит в литературу и наоборот. Словно неверный муж от жены к любовнице бежит.

Немного лингвистики и партийная дисциплина

Это было в Кабуле (в Афганистане), в начале 80-х годов ещё прошлого века, пожалуй, самого кровавого в истории человечества. Шла очередная война, теперь уже с моджахедами, в которую Советский Союз вляпался по недомыслию и авантюре нашего старческого политбюро.

В одном из районов Кабула, где жили мы - советские специалисты - и афганские мушаверы (чиновники), по ночам постреливали, и огненные ленты трассеров вспарывали сухой раскалённый воздух ночного города. Мы, распаренные жарой, с соседом сидели на балконе блочной пятиэтажки старого микрорайона столицы, построенного ещё нашими строителями, и комментировали очередные всполохи, пока несколько шальных пуль с визгом не оцарапали блочную панель соседнего балкона. С тех пор охота наблюдать пропала. Наш многочисленный контракт состоял из учителей русского языка как иностранного, который мы преподавали практически во всех школах афганской столицы. На работу мы все (это касалось мужчин) ездили вооружённые пистолетами марки «Макаров», которые, пристёгивая, крепили на поясе брюк и прятали под рубашкой. Милитаризация сознания (кто как не мы) и ношение оружия были непременными атрибутами уже прошедшего кабульского времени. В строго отведённые дни и время ездили на зелёный рынок «Шахринау», шли в дуканы, где покупали дублёнки и джинсы для последующей их перепродажи уже в Союзе. Нас время от времени выдёргивали то в торгпредство, то в посольство, где, разомлевшие от жары и безделья, гэбэшники проводили с нами инструктаж по части нашей безопасности, которая по странным стечениям обстоятельств только и была в наших руках. Мы, как собачки Павлова, вырабатывали у себя условные рефлексы, на случай если нас начнут шантажировать или, не дай бог, вдруг захотят похитить. В качестве такого плохого примера приводили похищение руководителя контракта геологов, который никого не слушал, ничего не боялся, и его среди бела дня выкрали. Говорили, что за него потребовали огромный выкуп, у нас как всегда денег на это не было (видимо, такой статьи расходов не было предусмотрено), поэтому и прислали в кожаном мешке его голову. С каждым годом вся эта история обрастала новыми ужасами и подробностями. Как всё это произошло на самом деле, никто толком не знал. Но по любому раскладу выходило, что, что бы с нами ни случилось, виноваты будем в этом только мы сами. Каждые полмесяца у нас проводились партсобрания, где в повестку дня обязательно включался вопрос о нашей безопасности и членов наших семей. Лучше «перебдеть, чем недобдеть!» – вот этим и жили, разнообразя свою жизнь игрой в волейбол и преподаванием русского языка.

Первые два года я работал в лицее Революции («лиса энкилоби»), альтернативой которому были немецкий и французские лицеи, построенные и переданные в дар правительствами этих стран. На фоне нашего лицея они смотрелись дворцами. В городе также действовали вузы: в политехническом институте были советские преподаватели, а вот в университете, который построили американцы (и где в то время уже не было ни одного американца), работали сами афганцы, но преподавание там шло только на английском. Помню, ещё в первую ночь, когда мы только прилетели и нас едва расселили,

ночью из первого подъезда соседнего дома, выскакивая на улицу, стали громко кричать женщины. Стеная и заламывая руки, наглухо одетые в паранджу, они метались чёрными тенями по стене дома под слабо освещённым фонарём. Как мы потом узнали, это привезли с банкета ректора университета, которого так заботливо отравили его сослуживцы. Афганская экзотика была замешена на суровых реалиях жизни, которую мы по молодости лет понимали ещё как-то отстранённо, словно это происходит не с нами, а с какими-то другими шурави (советскими). Только лучшего времени в моей жизни никогда не было, да и вряд ли уже будет.

Учительствовал я в двенадцатых классах, где были одни девчонки, возраста они были где-то примерно восемнадцати-двадцати лет. Одетые в одинаково длинные чёрные юбки и такие же чёрные кофты с длинными рукавами, с непременно белым газовым шарфиком на голове. Поначалу они все казались мне на одно лицо. Со временем научился их различать, но, боже, как мучили меня эти фурии. Мне в то время едва перевалило за тридцать, средний возраст афганских мужчин, за которых они после обязательного калыма выходили замуж, и очень часто своего жениха невеста лицезрела только на свадьбе. Не знаю, кого они видели во мне, но уж точно не преподавателя. По афганским меркам, девчонкам давно надо было выйти замуж, рожать детей и вести домашнее хозяйство. Какого чёрта им русский язык был нужен! Но человек живёт в мире условностей, которые насаждаются в обществе и преподносятся в виде ценностей, ради чего он укрощает свои желания и принимает навязанный стереотип как должное и обязательное. Поэтому все афганцы учили русский язык для продолжения учёбы уже в Советском Союзе, в тех вузах, куда их потом направляли. И главное - это была возможность сделать себе карьеру, выбиться из нищеты, просто уцелеть и хоть на время забыть эхо войны, которая постоянно напоминала о себе в столице Афганистана. Конечно, мало кто считался с желаниями и выбором самих абитуриентов, так как действовали разрядки на будущих специалистов и всё было заранее расписано.

Занятия в нашем лицее проходили в огромном каменном двухэтажном караван-сараяе, стоявшем на берегу грязноватой реки Кабулки, которая протекала в центре афганской столицы. Сам город, втиснутый в ущелье двух гор - Асмаи (Поднебесная) и Шир-Дарваза (Молочная река) - веерообразного Гиндукуша, уже давно был перенаселён афганцами, чьи домики, как гнёзда ласточек, лепились на этих горах и давали хоть какой-то кров и тепло. На афганском календаре шёл 1361 год. Эпоха раннего средневековья, наложившая свой отпечаток на всё. Другая культура, религия, которая заранее предписывала правоверным, как пройти свой жизненный путь, начиная с рождения и кончая смертью. Жил человек, умер (или убили), погоревали в день похорон, а уже завтра о нём никто и не вспоминал. Даже после смерти, когда рыли могилу для умершего, женщин хоронили более глубоко, так как по законам шариата, в основе которого лежал адат (правило поведения), они не могли лежать в земле на одном уровне с мужчиной. Это к вопросу не столько равноправия, замешенного на отношении к женщине, как очередного мифа и заблуждения, которого по

наивности и простоте называют традицией, покоящейся на мужском шовинизме, идущего из средневековья.

Мы проходили имена числительные, выучили названия дней недели, выстраивали диалоги и как-то очень быстро учили друг друга: я их русскому, они меня языку дари. Вернее, правильно было сказать кабули-дари, так как сам язык имел более двадцати территориальных диалектов, хотя в его основе лежал новоперсидский литературный язык – фарси.

Другим государственным языком был пушту. В Кабуле даже имелась академия языка пушту («Пахто Талына»). Сам дари как язык был очень близок к разговорному таджикскому, а второй государственный язык – пушту (очень сложный и непонятный) – был языком кочевников-пуштунов, из которых состояла армия и многочисленное чиновничество. В иерархии народностей Афганистана они считались белой костью. Всего в Афганистане проживало порядка тридцати народностей, каждый со своей культурой и языком. Самая грязная работа: ношение в огромных бурдюках воды или чистка сточных канав – выполнялась хазарейцами – потомками Чингисхана, который намного позже Саши Македонского прошёлся со своей конницей по стране и оставил после себя потомство, попавшее уже в касту неприкосновенных. С монгольскими скулами и узким разрезом улиточных глаз, они резко отличались от тех же пуштунов и таджиков, которые, несмотря на смуглые лица, выглядели вполне по-европейски, и в них текла кровь воинов Македонского. Но одно только, что ты смотришь на меня как хазареец или говоришь, как хазареец, по сути своей звучало уже как оскорбление.

На занятиях на стенах, увешенных наглядными пособиями, мы разбирали сюжетные картинки, пересказывали их содержание, слушали аудиокассеты, смотрели наше документальное кино, словом, погружались в язык. Уровень языковой подготовки у девчонок тоже был разный: от очень хорошего знания и практически с нуля. Но старались все. Мне и самому было интересно говорить на их языке, чему лицеистки были очень рады и каждый раз хором меня поправляли, если я делал какие-нибудь грамматические ошибки. Веселились они от души. Вот о двух случаях, которые произошли со мной на занятиях, я и хотел бы рассказать.

Было 12 апреля, который считался Днём нашей космонавтики, на занятия я принёс портрет Гагарина, наглядное пособие - плакат, на котором корабль «Восток» облетал планету Земля. Выделяя ключевые слова, я несколько раз заставил лицеисток произнести слово «космос», от которого они поначалу впали в ступор, но затем так развеселились, что никак не мог их успокоить.

- Аром духтаро!.. (спокойно девочки!..), - взывал я к ним и к их совести, пока не почувствовал, как мой пистолет под джинсами, легко и плавно стал перемещаться к моему детородному органу. Только этого ещё мне не хватало. Я повернулся к классу спиной, запустил руку под джинсы и стал отлавливать пистолет у самого корня жизни, чтобы водрузить его на место, под ремень. После их оглушительного ора меня поразила тишина, которую я почувствовал, что называется кожей, а когда обернулся, то увидел, как девчонки столпились

позади меня и с каким-то напряжённым вниманием наблюдают за моими манипуляциями. Как же я разочаровал их, когда они увидели не то, что хотели, а всего лишь пистолет. И с криками: «Туфанча!» (пистолет) – облепили меня, и я к своему вящему ужасу почувствовал, как хватают меня их цепкие пальцы за все неудобопроизносимые места моей тогда ещё спортивной фигуры. Ну, заразы!.. Чувство было сродни тому, что я во второй раз лишился невинности и не знал, что делать и куда бежать. Выручил коллега, преподаватель биологии - афганец, который на шум заглянул к нам в класс. Лицеистки, с визгом и смехом, объяснили ему причины их бесноватого веселья. Рассмеялся и он и шёпотом поведал мне о том, что корневая основа слова «космос» означает детородный орган, но уже женский. Так уж совпало (или звёзды сошлись), что эти два начала, как «инь» и «янь», переплелись в этот космический день в одно единое.

Другим моим языковым проколом был всё тот же вездесущий мужской орган. Это было на занятии, посвящённом стройке. В качестве иллюстрации на картинке размещались башенный кран, недостроенное здание со строителями и самосвалы с подвезёнными ими стройматериалами. Дойдя до первоосновы всей стройки – традиционно красных кирпичей, я с выражением произнёс ключевое слово - кирпич несколько раз, и увидел, как некоторые из девчонок сползли на пол и зашлись в коликах от смеха. Почувствовав, что опять вляпался в очередной лингвистический эвфемизм, который следовало бы избежать (но как?..), я обратился к старосте класса Назефе, дочери замминистра иностранных дел страны, пожившей почти во всех столицах Европы и бегло говорившей, включая и русский, на всех европейских языках:

- В чём дело, Назефа?..

- Муаллем (учитель), вы всё говорите правильно, но зачем предлагать восточным девушкам столько много стройматериала, - притворно вздыхая, она показала на картинку.

- Кирпичей что ли?.. – стало понемногу доходить до меня.

После этих слов и она сложилась пополам. Хорошо, что прозвенел звонок, и я под рёв, в котором слышались восторг и смутно потаённые девичьи желания, вышел из класса. Уже дома обложился словарями, достал энциклопедический том, нашёл там про персидского царя Кира, имя которого стойко ассоциировалось у его подданных с мужским органом (ещё тот был сперматозавр), а вот вторая половина слова – «пич» – переводилась как «винт». Действительно, зачем афганским девственницам столько кирпичей. И я захохотал, пугая жену и маленького нашего сына, сам.

Вначале рассказа я упоминал о партсобраниях – неперемный атрибут нашего застойного времени, когда группы товарищей, связанные партийной дисциплиной и членством в КПСС, собирались для того, чтобы поделиться сакральными знаниями, которые были ведомы только коммунистам, и то, что называлось идеологией. Секретарём партийной организации у нас была завуч одной из московских школ, редкая и глубоко идейная стервоза. Я уже не помню, по какому случаю нас собрали и что мы там обсуждали, но накануне всех предупредили, что в центре Кабула неспокойно. Во время проведения собрания

на улице так грохнуло, что взрывной волной, где сидели мы, вылетели окна, и нас всех накрыло стекольным крошевом. Мужчины стали хвататься за пистолеты, словно за спасательные круги, и наш руководитель контракта, непробиваемый Серж Курочкин, заорал:

- Убратъ на хер... оружие, а то друг друга перестреляете!

- Спокойно, товарищи, не поддавайтесь панике, у нас на повестке дня ещё два вопроса, - под нервный смех собравшихся обрадовал всех наш секретарь,- продолжаем собрание.

Когда рвануло во второй раз, до неё дошло, что надо расходиться. Небольшой группкой мы вышли из подъезда дома, где размещался наш «красный уголок», и, обогнув здание, оказались под небольшим деревом. Кто-то из нас поднял развороченный кейс с небольшими пятнами крови, и когда мы увидели, как к нам бегут солдаты тсарандоя (афганская милиция), крича и размахивая автоматами, дошло, что мы стоим в эпицентре взрыва. На колючих ветках карагача было развешено то, что когда-то называлось человеком. Бедный афганский садовник из соседнего дома нашёл у подъезда кейс, из которого торчало сто афгани, потянул за эту денежную бумажную купюру, и тогда сработало взрывное устройство.

Пока я шёл до своего дома, в разных концах нашего микрорайона слышалась автоматная стрельба. То ли на нас кто-то напал, то ли тсарандоевцы решили поиграть в войну с душманами. Когда пришёл, смыл под душем стеклянное крошево, но жизнь никто же не отменял, и на следующий день она вошла в привычное для всех русло.

2013 г.

Как я проходил медкомиссию

Вы когда-нибудь в своей жизни проходили медкомиссию, устраиваясь на работу или получая водительские права? Длинный список обязательных врачей, узких специальностей, анализы, обязательная флюорография, УЗИ и электрокардиография. Всё это нужно оплатить, томясь и выстаивая очереди в поликлинике, с тем чтобы ответить на дежурный вопрос доктора: «На что жалуетесь?» - заранее подготовленным ответом: «Да ни на что». А попробуйте ответить что-либо не так или не в этом духе.

Труднее всего приходится работникам образования: им также нужно получить справку об отсутствии судимости, которая косвенным образом подтверждает, что вы чисты перед законом и детьми. Особенно это актуально стало в свете развёрнутой в последнее время уважаемыми слугами народа из Государственной Думы (в просторечии гадами) компании по борьбе с педофилией, которая у них всё время идёт с нарастающей амплитудой. А справка служит доказательством того, что вы половых преступлений против малолетних детей не совершали, никогда не были осуждены по данной статье и педофилом по природе своей не являетесь.

Так как я преподаю в некоторых вузах нашего города, то ежегодно прохожу эту медкомиссию тоже. Особенно умиляет меня получение справок от нарколога и психиатра, которые являются дежурным доказательством того, что вы также не псих и не алкоголик. За получение этих справок тоже надо заплатить медучреждению, затем показать работодателю или инспектору из отдела кадров по месту вашей работы. У нас документам и справкам все верят безоговорочно. Ну что у нас за законы и власть (говорю как юрист), если граждане живут в навязанном сверху бумажно-чиновничьем абсурде и при этом постоянно должны что-то кому-то показывать и доказывать. Не удивлюсь, если с нас скоро начнут требовать справку о лояльности, преданности и безграничной любви. Скажем, любовь к ближнему своему или к родине, - какое чувство перевесит? Особенно в период каких-нибудь очередных там выборов в органы власти.

С каждым годом список включённых в комиссию врачей всё время увеличивается. Так, к традиционным специалистам и терапевту добавились венеролог, стоматолог, онколог, уролог, проктолог и так и непонятый мною эндокринолог, который, едва взглянув на меня, написал «годен». Профильных наших врачей – психиатра и нарколога - следует проходить в последнюю очередь. Сначала пошёл к наркологу, так как он территориально близок к поликлинике, где я проходил медкомиссию. Традиционно занимая очередь к врачу, обратил внимание на объявление, которое висело на дверях его кабинета, что принимающий нарколог - подростковый. Вспомнил о своём возрасте и засомневался: сюда ли мне; пока раздумывал, пригласили. Полноватый, где-то уже под сорок лет, сидящий мужчина одновременно болтал по двум телефонам, мобильному и стационарному, и что-то ещё говорил медсестре. И так это у него всё лихо получалось, что я даже позавидовал: надо же, Гай Юлий Цезарь в халате, несколько дел в один присест. Когда врач закончил разговоры, он дежурно взглянул на меня:

- Пьёте? – с какой-то обезоруживающей радостью спросил доктор.

- А вы?

- Я... - смешался он и хмыкнул. – Ну, бывает.

- И у меня тоже.

- Много пьёте? – серьёзно и строго уточнил свой вопрос врач и очень внимательно посмотрел на меня, точно искал следы древнего порока человечества на моём далеко не свежем лице.

- Да временами так хочется накатить, - понесло вдруг меня, - а напиться, чтобы уши захрустели, не получается, возраст, видите ли, болячки...

- Ну да, от такой жизни поневоле запьёшь, - неожиданно и легко согласился он, - скрепляя сказанное подписью о моей профессиональной пригодности.

Зарядившись от такого приятного общения, поехал в психдиспансер. Там надо было выстоять две очереди - в кассу и в регистратуру - и занять третью - в осмотровый кабинет, попутно заполнив договор об оказании медицинских услуг. А что, неплохой тест для потенциального пациента палаты номер шесть. Где-то

минут через сорок захожу. Напротив меня, за столом, сидит монументального вида медсестра, суровая и раздражённая от наплыва посетителей.

- Присаживайтесь, - раздаётся вдруг откуда-то сбоку молодой и очень приветливый голос. Приятная миловидная женщина (видно, врач), улыбаясь, смотрит на меня и спрашивает:

- Жалобы есть?

- Неправильный вопрос, - съехидничал я.

- Что-что...

- Вы, как врач-психиатр, должны меня спросить: голоса слышите?

- Ах, простите, - улыбается она и подыгрывает мне. - Так как насчёт голосов, слышите?..

- А вы их сами слышите? Кстати, я первый спросил.

- У меня жалоб нет, - засмеялась врач.

- «Мне голос был», - душевно и с интонацией, характерной для всех поэтов, продекламировал я, - «он звал утешно, оставь Россию навсегда»...

- И давно они к вам так приходиться стали? – неожиданно влезла в разговор сидящая напротив меня с моими обходными документами медсестра.

- Это не мне, а Ахматовой.

- Какой ещё там Ахматовой?

- Ну... Анне Андреевне, - ответил я не совсем уверенно, словно какую-то тайну выдал. Даже почему-то стыдно стало, как будто вместе с Ахматовой родину продал.

- А вам они не слышатся? – не просекая мой юмор, с какой-то досадой уточнила свой вопрос медработник среднего звена.

- Пока нет.

- Ну вот и славно, юмор у вас есть, а это показатель вашего здоровья, - и докторша протянула мне справку о моём абсолютном душевном благополучии.

Вот так я и прошёл в очередной раз свою ежегодную медкомиссию, получив после прохождения как утешительный приз - с гербом и печатью - паспорт здоровья.

P.S. Примерно через неделю из отдела кадров вуза, где я работаю по совместительству, позвонили и сказали: сделайте ещё прививку на АДСМ. Боюсь обнаружить свою дремучесть, но хочу спросить медиков: а что это такое и сильно больно после укола не будет?..

Шёл, поскользнулся, упал и...

Вот с этого и начался мой день, когда я шёл на автобусную остановку. Декабрь – месяц коварный, зима ещё не устоялась, то подморозит, а то растает, в полдень и вовсе лужа, а к вечеру снова ледяной танцпол. Да и на работу идёшь, когда время впритык, под ноги не смотришь, а под лёгким искрящимся снежком каток.

Я подходил к остановке, спаренной по верху и внизу трубами, по краям её козырька лепились два киоска, а в центре, посередине, зиял проход, пройдя

который ты попадал (чуть не написал: в иной мир) в сонм спешащих, опаздывающих и прочих озабоченных жизнью граждан. В этот проход я и шагнул бодрячком, но земля, припорошенная для видимости молодым снежком, под которым змеилась ледяная корка, выдернула из-под меня этот большой магнит. Падал я замечательно нелепо, раскинув руки по сторонам в надежде за что-нибудь ухватиться. Ну хотя бы, как писал Джек Лондон, за облака. Упал на спину, но в последний момент ещё как-то умудрился сгруппироваться. Было всё – искры в голове и внезапные слёзы из глаз, которые вместе с болью запрыгали по моему удивлённому лицу. Стоявшие рядом на остановке подбежали, чтобы помочь мне подняться, но я попросил их этого не делать и осторожно начал манипулировать своим телом: пошевелил ногами, руками – вроде бы, ничего не сломал, боль тоже куда-то, истончаясь, уходила. С трудом, но всё же поднялся. Стоявшие на остановке, казалось, были разочарованы тем, что я не совсем расшибся и не поломался. Это было видно по настроению, которое менялось у людей, до недавнего момента так искренне желающих мне помочь. Запомнился почему-то один дедок. Подойдя ко мне, он буркнул, типа: под ноги надо смотреть; как эстафету подхватила женщина с размытым неопределённым возрастом на лице, из тех, у кого настроение меняется словно ветреная погода: она сначала улыбнулась, а затем сказала гадость по поводу моей неуклюжести. Как на птичьем дворе: петух прокукарекал, курица закудаhtала, и все странным образом возбудились.

Я пока терпел: зачем разочаровывать кого-то, пусть думают, что есть ещё те, кому хуже, чем им. Конечно, если бы я лежал с переломом и заходил от боли, меня бы жалели, наверняка бы вызвали мне скорую, тут же нашлись свидетели, уговорили, чтобы я подал в суд на обслуживающий и ненавистный всеми ЖЭК или управляющую компанию. Мы, как народ, дружно сплотились бы в этой всеобщей нелюбви к коммунальщикам, и им точно мало не показалось. Но не случилось, начавшаяся было интрига не завязалась, развязки за ней не последовало, и в воздухе повисло то, что не укладывалось в привычную схему: найти виновного и наказать. Правда, приносить себя в жертву я тоже не торопился, но меня доставал этот противный старик, который подошёл к месту, где я так лихо кувыркнулся, и всех, кто подходил к остановке, предупреждал обижено-злым голосом: «Мужик сейчас здесь навернулся, под ноги смотрите», - и, в качестве не вполне состоявшейся жертвы гололёда, показывал на меня, - вон тот, у кого вся спина в снегу.

Люди перепугано шарахались от заклятого места и от меня, как зачумлённого, жались к друг к другу, искренне удивляясь тому факту, что я ещё пока живой. Поначалу меня это забавляло, потом стало раздражать, а когда какой-то очередной умник стал меня учить, как следует себя вести на льду, я уже закипел. Всё кончилось тем, что я подошёл к организатору этого ледового шоу, который, войдя в раж, театрально живописал очередному зеваке, что на самом деле тут произошло, надвинулся на него своим почти двухметровым ростом и, кивнув на лёд, сказал ему: «Дед, исчезни». Старик просто испарился, а свидетели моего падения меня уже в упор не видели.

Морщась от боли в спине, я ехал на маршрутке и думал о том, что людям в равной степени нужен как хлеб, так и зрелище. А я их ожидания, сам того не ведая, обманул.

В жизни как – кто-то поскользнулся, кто-то упал, а есть и те, кто на это всё смотрит, учит и проповедует. Избавь меня, Боже, от лукавого и таких учителей.

2014 г.

Женщинам и девушкам по интернету, с кем общался или не общался и видел их размещённые ими фотографии.

**В отраженьях, отражаясь,
Сам пишу и забавляюсь.**

Ирине Дергант
Хватил стакан и в Абакан.
А мог и просто в Ватикан.
А в Абакане, как в стакане,
На дне ты истину найдёшь
И в заповедье попадёшь.

Хакасия звучит красиво.
Как у Есенина – Куросиво.
2012 г.

Л. Пономарёвой (Пони)
А пони те же кони
И бегают в загоне.
По кругу колея,
Такая жизнь моя.
2013 г.

Зое Ивашковой
Слушай, Зоя Ивашкова,
Слушай зайчик.
С днём рождения тебя,
Где твой мальчик?
Может, просто он ушёл,
(Не сказавши, отошёл?)
Как бы плохо ни бывало,
Плюй на всё, начни сначала.
С праздником в душе живи,

Наша жизнь как «се ля ви».

2014 г.

С.Дрокиной

И вот стою, в такой тоске
Я - пригвождённая к доске.
Тернистый мой и долгий путь,
Но как бы мне с него свернуть.

2015 г.

Оле Дарвиной

Сколько песен ты ни написала
Все равно их будет мало.
Ольгин дар и в нём вина,
Потому что Дарвина.

2015 г.

Лилии Юсубовой

Распалась связь времён
И буквы лезут в слоги.
Вот Ли – среди имён,
А Лия у развилистой дороги.
Лили у Сены, где каштаны расцвели.
Но самоценно Лилия,
Как на ладони линия.

«Что в имени тебе моём?» -

Говаривал наш классик.

Что ищешь в нём ты не найдёшь.

Накроется под медный тазик.

И букву «п» на «б» не след менять.

Раскосых глаз татарских линий.

Нельзя узнать их и понять

В колоде ты, как дама вили.

В них степь, ковыль

И небо голубое.

О, боже мой, но нету мне покоя.

2015 г.

Веронике

Ах, Вероника-Вероника,
Куда не глянь, сплошная Ника.
«Стройна, легка, полувоздушна»
И по всему видать, радушна.

2014 г.

Ирине

Я музыку люблю релакс.
В нём своё соло ведёт сакс.
Стою в развилке двух берёз.
Заплакать не хватает слёз.
Ну где же ты, судьба моя?
Приди ко мне, ведь Ира – Я.

2015 г.

Любе

Ах, Люба-Люба, какая ж ты голуба.
Я «восхищён и смят».
Красива от ушей до пят.

2014 г.

Анжеле

Какое долгое бедро
У свахи, у Анжелы.
Куда же тянется оно?
Живёт помимо тела.
Загар, морская белизна
И тайна соблазна...
Сказал бы я ещё о ней,
Да ладно...
Всё в ней сплелось-переплелось.
Нырять в сей омут, там небось
Увидишь русское авось.
2015 г.

Евгении

У Евгении сплошное благородство.
И это всё идёт от первородства.
Может чувств, а может тела.
Кто ко мне? Я захотела.
2014 г.

Марине

Собралась я в Кривой Рог,
Потому что Козерог.
В Криворожье всё кривое –
Люди, небо голубое...
Вот, святая простота,

Ну не надо мне туда.
Всё! Грузиться не хочу.
И поэтому молчу.
2014 г.

Натусику
Ах, Натусик-Натусик,
Ты почти без трусик.
К голове богатырской припадаешь
И одежду враз теряешь.
2015 г.

Валентине
Мы с тобою так похожи:
Ты стихаришь и я тоже.
Но у нас один изъян –
Мы от разных обезьян.
2016 г.

Нине Орловой (Ветошкиной)
Всё ведь проходит, но день ото дня,
Нина Ветошкина, помни меня.
Вспомни о том, то чего не бывало,
Что не случилось и что с нами стало.
Может быть, к лучшему, что не сплелось.
Жизнь развела или наше «авось»?
Но не вернуть наше прошлое, нет.
С ярмарки едем - вот весь ответ.
Чувства уходят, чувства не лгут.
Жаль, что за нами они не идут.
2016 г.

Светлане Ормонд
Где же Ор?
А там, где Монд.
Получается Ормонд.
Есть же Свет,
Где ходит Лана.
В нём твоя душа,
Светлана.
2014 г.

Анелии Ивановой – болгарской другарке.
Неля-Неля, Неля ми...

Ты меня с собой возьми.
Ну куда-нибудь туда:
Там, где небо и звезда,
Там, где музыка одна,
Где венчает сатана.
Я берусь за этот гуж,
Только что твой скажет муж?
1984 г.

О произведениях Юрия Ващенко

Три миниатюры, три зарисовки с натуры нравов, обычаев, особенностей разноликой, разноязыкой, разнохарактерной, разнокожей человеческой популяции, полные тонкого юмора иронические зарисовки, переносящие нас то в знойный, полный приятных (и не очень) неожиданностей и опасностей (иногда смертельных) Кабул, с привычной бюрократической партчиновной рутинной, переезжающей из страны в страну в месте с её типичными отечественными представителями, то в мрачные кабинеты отечественных медицинских мэтров, очнувшихся от рутинной бесчеловечной хмари с появлением автора, умеющего «развести» на улыбку любого замкнутого в мире то ли болезней, то ли больных, то ли их эквивалентов в медицинских карточках, и неожиданный, почти по Грибоедову шлепок от падения на льду, вызывающий такие разные эмоционально-интеллектуальные ассоциации соотечественников и изящное проникновение автора в этот мыслительный тигель... Миниатюра как тонкий скальпель врача, скребок реставратора, которым автор вскрывает и очищает лик человеческий... И не менее проникновенные, озорные, как бальзаковские рассказы поэтические экзерсисы, трогательные и смешные, мудрые и... юные, полные задора, приязни, человеческого неравнодушия... Мастер!

Мартин Иден

Кристина Власова

Выпускница Волжского университета имени В.Н.Татищева, поэт,
прозаик.

Охотник на спящих

Этим летним утром у подножья горы нашалила зима. Она укрыла собой всё: зелёные газоны, тротуары, густые кусты, крыши домов и даже спины спящих бродячих собак и кошек. Им от этого было только теплее.

В парке оставлял следы, медленно и размеренно бежал мужчина лет тридцати с двумя крупными собаками в намордниках и на поводках. Одна из них сбивала темп и попыталась снять намордник. Они перешли в шаг у ворот и прошли по безлюдной улочке к маленькому магазинчику.

Один чёрный джип не уступил дорогу на пешеходном переходе.

Немолодая женщина в фартуке под цвет вывески магазина вышла на улицу, поздоровалась, предложила не привязывать собак на улице, а завести в магазин. Мужчина так и сделал.

Радио передавало о курсах, погоде, далёкой войне, о близких, пропавших в снегах, каких-то разборках и происшествиях.

Люди в магазине радовались спокойной старой собаке. Один случайный сначала возмутился тому, что две громадные лохматые псины пришли в продуктовый магазин, но потом, когда ему продавщица сказала: «Стефани нашла моего мальчика...» (она безумно держала с собой фотографию взрослого парня и показала её) «Он заблудился там в горах. Только подумайте, что он бы до сих пор... простите», - она ушла, а девушка в такой же форме прекратила доставать из коробки разноцветные упаковочки с чаем и расставлять их по полочкам. Она подменила напарницу.

Турист посмотрел в добрые глаза Стефани и купил мяса для неё.

Лишь у дома местная знаменитость остановилась и сменила дружелюбие на взгляд волчий. Седой, как гора, незнакомец вышел из черного джипа. Эта машинка стояла дороже домика, в который хозяин собак пригласил гостя... Он предложил пройти жестом, словно не слыша, как тот здоровался, представлялся и объяснял, кто он и что ему нужно. Некоторые люди вообще имён не запоминают, но помнят, что делали и как. Для сведения, богатого человека звали Константин, а бедного – Андрей.

- Я не могу сейчас отправиться за вашим мальчиком, - сказал хозяин собак.

- Почему? Что нужно? Денег?

- И много их у вас?

- Вы не слышали меня? Я владею заводом, турбазами... У меня есть деньги.

- Ни деньгами, ни заводами вы удержать его не смогли, а вернуть и подавно не получится. Его позвала гора своим холодом потому, что тепла ему не хватало.

- Чего? Какого тепла? У него всё было! Я мог купить ему всё! Он мог отдыхать на лучших курортах.

- Сколько раз вы обняли его?

- Это лишнее.

- Вы когда-нибудь наказывали его?

- Никогда. Бить детей вообще нельзя.

- Я не о побоях говорю, а о внимании к тому, что он делал.

- Не нужны мне твои советы. Что тебе нужно, чтобы ты приступил к поискам немедленно?

- Погода, - он посмотрел на сына, играющего с собаками, и попросил вывести животных во двор.

- И сколько ждать?

- Не знаю.

- Да он и двух дней... - Константин приподнял подбородок, чтобы сдержаться.

- Хотя бы не дорога или химия. Ваш сын – герой.

Жена варила картофельное пюре и жарила мясо на кухне. Это было слышно по запаху. Она забрала продукты: «Мальчики, вам пора к столу и в школу».

- Я учителем работаю, - пояснил Андрей.

- И сколько зарабатываешь в этой глуши?

- Достаточно, - погладил по голове сынишку и обнял жену, - позавтракайте с нами.

- Мне некогда. Я уже собрал бригаду и вертолёт.

- Что? Вы решили накормить свежем мясом гору? Милая, передай Анне Павловне, что я прогуляю сегодня уроки.

- Папа, а чему ты научишь учеников? – усмехнулся мальчишка. - А можно и я прогуляю?

- Выбору... Свет, отведи его в школу сегодня... А вы, сэр, одеты не для спасательной операции.

- У меня важная встреча в Москве через три часа.

- Да бросьте, вы на неё уже опоздали, да и встреча с вашим будущим куда важнее... Или вы тоже пропали, но на другой горе? Спускайтесь, если ещё можете, здесь больше жизни и тепла, чем вам кажется. Хоть в гости заглядывайте. Это бесплатно!

Константин поспешил попрощаться и запереться в железной клетке машины. Он то ли устал, то ли всё же немного расстроено положил голову на руль, только этого никто не мог видеть за тонированным стеклом. «Нищета и пьянь», - буркнул он и хлебнул из металлической фляги с витыми узорами.

Учитель выбежал из дома с расстёгнутой курткой и развязанными шнурками. Он постучал в стекло: «Везите меня к вашим слёткам, если не хотите и их потерять. Гора просто так никого не пустит». Он на заднее сидение посадил собак и закинул инвентарь. Приводил себя в порядок в тесноте кабины.

Вертолёт не набирал нужной высоты, но вызывал лавины шумом пропеллеров.

- Вы так добьёте их, - возмущался учитель.

- А ты пешком с собаками ходишь на высоту?

- Да.

- Тебе бы понадобилось несколько дней.

Пришлось долго искать подходящий уступ, чтобы приземлиться. Ещё и псы бригады начали огрызаться друг на друга из-за собак Андрея. Вдобавок

ветер чуть не швырнул машину на скалы. С места посадки пришлось идти вверх несколько сотен метров. Новобранцы в этом деле задыхались с баллонами, а учитель спокойно уходил вперёд: «В приученном теле больше кровяных телец, которые эффективнее снабжают тело человека кислородом», - пояснил он.

Спасатели разбили лагерь, боролись с ветром, разметили всё сигнальной лентой, искали людей при помощи двух своих кобелей, электроники, инструментов, оборудования... Они сразу же нашли биппер, но не пропавшего.

- Почему ты не используешь кобелей, как все? – спросил бригадир.

- Поточу что кобели учуют мясо в нескольких метрах, а Сеша почувствует попавшего в беду детёныша за километры, - объяснил Андрей и спустил старую собаку с поводка.

Молодая псинка рвалась к кобелькам, но её тянул хозяин вслед за старшей. Та резко вздыбилась и ударила массивными лапами в снег, начала рыть и снова бить. Она заскулила, завыла, залаяла. Половина бригады, бросив размеченную территорию, ринулась на помощь к псине. И уже собака со своими лапками стала мешаться против мотыг и лопат.

Хозяин собак хвалил и успокаивал Стефани ласковым словом и поглаживанием, предлагал искать ещё в другом месте. Вторая псина начала втягиваться в игру. Хотя для старухи это всё было необъяснимо серьёзно, она словно пропавшего щенка нашла.

- Это не то, - сказал бригадир, держа в руках заламинированный кусочек бумаги.

- Какая разница?

- Этот пролежал здесь год, не меньше.

- Он тоже шёл к вершине и попал в беду. Его тоже ждут родители. Наверняка они тоже приходили ко мне, но я не могу найти именно того, кто нужен...

- Нам заплатали за поиски Александра Константиновича, - перебил бригадир.

- ...Никто не сможет. Стефани всех подряд находит. И я на чужом горе не наживаюсь. Бесчеловечно это, приятель. Бесчеловечно.

- И сколько она нашла живых?

- Одного.

- Интересно было бы поговорить с ним.

- Он перед вами.

- И сколько она нашла всего?

- Я не считал, не баранов головы собираю.

Стеша просила спустить напарницу. Она прижала вертихвостку к снегу за шиворот и заставила идти рядом. И в паре сотен метров приказала ей на своём, на собачьем, копать. Молодая радостно скакнула передними лапами в снег пару раз и с визгом провалилась. Бригадир вернулся к оцепленной территории, а Андрей побежал к собакам на снегоступах.

- Сюда! – крикнул он несколько раз.

Люди бросили свои приборы, привязали к вертолёту своих собак и ринулись.

- Слушай, продай собаку! – просил бригадир, когда его люди расширяли проход и нашли несколько человек, которые пытались выжить в пещере.

Молодая радовалась тому, что нашла спящего, но потом заскулила жалобно, поняв, что найденный уснул слишком крепко. Старшая обнюхала всех и залаяла очень тихо и глухо, чтобы не вызвать обвала.

- Трое дышат, - перевёл хозяин.

Часть из наёмников спустились в пещеру с факелами, аптечкой и специальными санями.

- Продай.

- Вы всё равно не поймёте её. Она меня учила два года.

- Собака? – усмехнулся бригадир. - Учила? Человека?

- Это мы воспринимаем животных как вещи, оборудование, элементы интерьера или транспорт. А для них мы – детёныши, которых нужно оберегать, баловать и воспитывать.

- Что за бред? Собака, во-первых, хищник.

- Не спорю. Но, нормальное состояние здоровой собаки – это мирный настрой. Остальное всё порождается страхом или болью.

- По-поему, вы слишком их очеловечиваете.

- Вовсе нет. Я ни разу не видел, чтобы животное работало над собой и понимаю, что даже Стеша, может напасть. Но самые дикие звери – это люди.

Спасатели первым делом искали документы или бирки у людей. Они вытащили выжившего только после того, как убедились, что он тот, кто нужен. Ради других они не стали напрягаться. Александр был очень ослаблен, но в сознании. Он тихо звал девушку, пытаясь сопротивляться или хотя бы вывалиться из саней, а молодая псина лезла лизать его лицо. Он обнял её.

Стефани осталась с другими двумя. Хозяин тоже. Он оказал выжившим первую помощь. Напоил горячеватым чаем:

- Что же вам дома не сиделось? К вершине потянуло слётков глупых.

- Холодно, - сказала девушка.

Хозяин собак налил чай из термоса в кружку и предложил бригадиру, который остался, словно начиная немного что-то понимать.

- Вы продрогли, пейте.

- Нет, спасибо. Я не могу забрать сейчас всех.

- Я останусь с собаками и этими замечательными людьми. Оставьте только немного припасов, - он поставил кружку на скалу, а сам налил себе чай в крышку термоса, - признаться, я думал, что и их убью, как других.

- Что? – удивился бригадир. - Что ты несёшь? Ты что, их убиваешь здесь?

- Да, - пригубил ароматного тепла охотник, - я убиваю их в сердцах родителей. Понимаешь, пока есть неизвестность, есть и надежда. Кажется, что они чудом спаслись и где-то живы. Найдя их... уснувших в горах... Я убиваю их. Они – люди, а я охочусь на них с собаками.

- Ты спятил.

- Я знаю, - улыбнулся он и выпил всё из крышки, - это чистейший горный шиповник. Угощайся. Тебе ещё нужно выдержать обратный путь.

Он выпил залпом, но ушёл поспешно:

- Я пришлю спасателей, - он сел в вертолёт, а когда винты заглушили всё, сказал, - вот чудик. Ни денег не берёт, ни о себе не беспокоится.

Он раздул горячие угли, поставил котелок.

- Стефани не дай им уснуть. Элпис, идём искать остальных. Их нужно вернуть домой. Их там очень ждут. Даже пропавших без вести годами ранее.

Он выбрался из пещеры и запустил сигнальную ракету в небо, потому что настоящие спасатели уже были в пути и ждали этот сигнал.

О рассказе Кристины Власовой

Русская литература полна сюжетов о взлетах и падениях, о бедных и богатых, униженных и оскорбленных, но я не знаю, кто в русской литературе сказал бы так просто, понятно, доступно и пронзительно ясно о равенстве: богатого звали Константин, а бедного Андрей!? Оксюмороны автора помогают понять непреходящую ценность человеческой жизни и ценность всего, что есть в ней, где животные проявляют больше человеческих качеств, чем люди, а люди учатся главному в своей жизни, они учатся делать выбор и отвечать за него, а люди... Люди иногда делают вид, что они люди, не очень скрывая убийственную суть охотника за спящими и беззащитными...

Мартин Иден

ЛЮБОВЬ ДЕНИСОВА

Поэт, прозаик, член литстудии Волжского университета имени В.Н.Татищева

А у сограждан...

У сограждан депрессуха
- Счастье тает, счастье зыбко.

Что ж от уха и до уха
На лице моём улыбка?

То весна, расправив крылья,
Солнце шлёт, как дань народу.
Пусть оно алмазной пылью
Дарит радость и свободу.

Солнца луч пусть будет в каждом,
Сам собой пророчит лето...
Игнорируя сограждан,
Я иду по парапету.

Ветер ноября

Я существую только для тебя...
Промозглый веет ветер ноября.
Змеёй голодной, лютою змеёй
Ползёт во сны.

Кошмары-сны – о, как они болят...
Одежды сбросив, мёрзнут тополя
Над охладевшею своей землёй,
Где ждут весны.

Лекарство

Любовь – лекарство от боли и лжи.
Мне это чувство важнее, чем жизнь;
И буду вечно я им дорожить,
Храня мечты.

Разлука – так режут сердце ножи,

А ты страданиям конец положи
И навсегда наши судьбы свяжи...
Мне нужен ты!

Шаг до звезды

Схожу с ума – о тебе все мечты
- От изощрённой твоей красоты!
Не только внешней... Родные черты
Ищу во тьме.

На ощупь двигаюсь, из темноты
Стараясь вырваться. Шаг до звезды.
Звезды, которой являешься ты...,
Один, заметь.

Луна

О, несравненная моя луна!
Что ж ты печальна, отчего одна?
Красавчик Месяц без тебя, увы,
Вползает в ночь.

Звезде не понята твоя беда.
Самодовольна, ведь она Звезда!
Деревья криками своей листвы
Лишь гонят прочь.

Лишь иллюзорен внешний твой покой...
Я прикоснусь к тебе своей щекой.

Признаться, вряд ли мы с тобой на «вы»

- Хочу помочь.

Госпожа Метелица

Госпожа Метелица

По дорогам стелется

Вьюгой белоснежною – не найти следа.

Госпожа Метелица,

Что-то мне не верится,

В то, что снег твой мягонький, в сущности, вода.

Снег в январе

Снег летит себе, кружится.

На снежинки грозной птицей

Смотрит старенький фонарь.

Смотрит в ночь... Мороз. Январь.

Я лицо себе умою

Белым снегом и зимою.

Несмотря на злое небо...

Небо плачет, растворяясь

В мелкой капельке дождя.

Как же можно, не влюбляясь,

Жить, друг друга не найдя?

Небо плачет, небо злится.

Грянут грозы по весне.

Видно, новой страницей

Этот мир открылся мне.

О стихах Любови Денисовой

Балансируя на парашюте своего одиночества, нахально провозглашая манифест полного «игнора» своих сограждан, автор старается держаться за крылья своей мечты, любви, как сущности бытия, как ипостаси вечной молодости, покрывающей мир алмазной пылью своего счастья, и тут же – боль снов, ощущение покинутости, замкнутости на самой себе, непримиримая амбивалентность бытия, но в этих крайностях - проявление неукротимой любви к жизни, скрытой, но рвущейся на свободу любви к близкому *ближнему*, который становится единственной звездой, и кроткое-гордое «заметь» призывает к любви другого, к любви, которая - единственное лекарство от тоски, от самого себя, от зимы, от одиночества под луной... **Заметь!**

Мартин Иден

Сергей Ермураков

Студент 3 курса Волжского университета имени Татищева. Факультет информатики и телекоммуникации. Увлекается литературой (фантастика, фэнтези, грязный реализм), музыкой (различные направления рока и метала). В искусстве предпочитает декаданс во всех его проявлениях. Пишет стихи около восьми лет.

Инь-Ян

Читай эти строки. Написаны ночью
Сонным беспечным поэтом.
Так мало времени в сутках, а впрочем
Речь здесь вообще не об этом.

Сумрачны дни наши, бренны деяния,

Завтра опять будет холодно.
Все наши беды - стихи без названия,
Прочтем и разделим их поровну.

Твоя половина - пейзажи лучистые,
Зелень и радуга в небе.
Льется тепло от тех строчек искренне
Фальцетом в мажорном припеве.

Моя половина где боль и отчаянье
В сожженных войной городах.
Здесь падшие души устали, терзаемы
Будто в паучьих силках.

Прочтем их - и встанут на место все камни,
Загладится каждый изъян.
Мы в своей разности главные, равные.
Я буду Инь, а ты Ян.

Солнцем осветишь души моей пустоши,
Прольешь исцеляющий дождь.
Сделаешь чай из Melissa и ройбуша,
И чуть с укоризной вздохнешь.

Я покажу тебе сколь они милые -
Демоны темных миров.
И научу любоваться могилами.
У вечности много оков.

Спи безмятежно, чудное солнце.
Нужно набраться сил.
Знай, я верну все тепло твое сторицей,
Особенно то, что ни раз не просил.

АРКАИМ

Четыре часа до Аркаима.
Шива, подай мне руку.
Стрелы летят в цели, но мимо.
На небе, у Высших, разруха.

Четыре часа до Аркаима,
Песнь открывает молитву.
Боже, ты проклял эти мотивы,

Я вижу твою куклу-вуду.

Вставлю иголку в самое сердце,
Чувствуешь новые ночи?
Рай не поможет нищим согреться,
Рай навсегда обесточен.

Три с половиной до нового мира
Через кусты, буераки.
Стрелы застрянут в свежих могилах,
Ницше был прав в своем страхе.

Пеплом покрыта дорога до дома,
Стертые гвозди в набойках.
На кораблях давно нету рома,
Но те же скрипучие койки.

Морем иль сушей до Аркаима
Несколько сотен мгновений.
Стрелы летят, и их черный ливень
Пока остается без целей.

Десять шагов. Мы просим. Мы просим!
Дошли, добрались до предела.
Даруй нам единственно новую осень!
Стрелы нашли свои цели.

Люди

Чего ты не сделаешь ради любви?
Первый бокал за здоровье лежащих
В теплой земле. Ты протяни
Руку когтистую каждому спящему.
В Новом Завете тысячи слов.
Выжми в ведро для помоев их цели,
Ложь, безрассудство и тонны оков,
В золото красятся мертвые стены.
Перетекает зелёная кровь
В серые руки, чьи вывески ярче,
Этой зимою пир приготовь -
В новом году ты не станешь богаче.
Новая цифра, старый итог.
Зимой никогда не становится проще.

В конце декабря изобилия рог
Кажется вам не наполненным, тощим.
Через неделю сядут за стол
Те же приспешники Дарвина, Будды.
Ну а весной, сжигая чехол,
Язычники ждут православного чуда.
Вера и праздники, каждому свой.
Единственны только одними аккордами.
Пусть донесется до вас этот вой:
Люди!
Перестаньте
Быть
Идиотами!

Фильм без людей

Ненавижу те фильмы, которые лечат.
Сценаристов, актеров кочующих станы.
Не люблю то, что брэнно, но всё ещё вечно,
И рассветов безликих дешёвые драмы.

Не люблю романтичность совковых иллюзий,
Пышно-брЕдовый лоск пожелтевших церквей,
Ненавижу места, где живут ещё люди.
Я хочу посмотреть этот фильм без людей.

Не люблю пелену препаратных историй,
Ложь лежащих под прессом бульварных статей.
Не люблю, когда Ужас мешают с lovestory,
Мне ваш страх первобытный рассветов милей.

Я люблю чистоту, мизантропию стали,
Теплый свет, исходящий от дымных печей.
Я хочу, что б к печам этим в очередь встали
Те, кто, разум прогнав, превратились в "людей".

Человек из закрытого города

Ты пришел среди ночи холодной,
Неумело сел в теплое кресло,
Водишь взглядом печальным, голодным,

Что-то шепчешь мне горько, но лестно.

Я сварил крепкий кофе без сахара,
Ты такого не пробовал смолоду.
Ну, рассказывай, лей свою патоку,
Человек из закрытого города.

"Я бы с радостью выложил карты,
Показал бы все фокусы, трюки.
Только... Когда вы писали на партах -
Черствый хлеб брал в иссохшие руки.

Посмотри на леса и парки,
Я так чисто дышал лишь в детстве,
Когда мать, была жива, в санки
Меня положила, и вместе

Отправились к водам суровым
Пока не загаженной речки.
Я вижу, костюм тебе в пору,
Я книжки читал при свечке.

Но это меня заносит,
Мой друг из другого мира,
Ты тоже не чай пьешь, а prozit,
И чтишь будто Бога Сатира.

Я вчера ощутил себя мертвым.
Есть вопрос, что для каждого ценен:
"А какого же, собственно, черта?"
И разбил все заборы и цепи.

Как я выбрался? Все очень просто.
Мертвецам не страшны преграды.
Взрезал жизнь откровением острым,
И не жажду ни чьей награды.

Дам совет тебе, гляну в воду,
Ты не слышал такого прежде:
Мы находим свою свободу,
Погребая в себе надежду."

Он отпил и продолжил тихо,
Чуть хрипя, словно мудрый старец:

"Хочешь жить - разбуди лихо,
Умереть - отруби палец.

И представь: так родным больно,
Тем, кому не писал годами,
С кем делил мягкий хлеб с солью,
А потом друг без друга рыдали.

Как, спроси меня, жить без надежды?
Я отвечу: вполне себе счастливо.
Вы построили крепости снежные,
Да на солнце глядите опасливо.

Я забыл тебе самое главное
Рассказать. Эх, дырявое темя!"
Тут он встал и походкой плавною
Подошёл ко мне. "Грустное племя,

Вы живете от койки до койки,
Все мечтая о семьях с детьми,
Среди этой огромной помойки,
Вы найдите себя для любви."

Он ушел, не прощаясь, согретый
Крепким кофе, вручную помолотым,
По-весеннему в зиму одетый
Человек из закрытого города.

Отряд

Вдоль моих улиц разных,
Застенчиво прекрасных,
Бежит дикая осень.
Бежит колоннами лиходеев,
У каждого в висках просесть,
У каждого разных змеев

Бумага и шелк

Печальные люди с бумажными лицами.
Их кости придуманы болью и птицами,
Их тени - полуденный сон паразита,
Их счастье просыпано в мелкое сито.
На окнах людей с бумажными лицами
Растет лишь гербарий и пряжа со спицами.
Их дети не видят безумные краски,
Бумажные лица скрывают с опаской
От глаз посторонних и слезы, и радость,
Стрельбу разрывными и патоки сладость.
Печальные люди с глазами из шелка
Поют очень тихо, поют слишком громко.
Плюют на создателя, ужин под вечер,
Скрепя воедино и сердце, и печень
Бездумными мыслями, соком по коже,
Поземкой покрыто семейное ложе.
Печальные люди с бумагой и шелком
Глядят на всех лисом, бывает что волком.
Укрылись мечтами и пылью на окнах -
Стереть отпечатки с бумаги и шелка.

О стихах Сергея Ермуракова

Крайне важно мыслить самому, пытаться мыслить самому, пытаться писать. Писать не ради славы, успеха или выигрыша, самолюбия, а писать – чтобы лучше понять – себя и мир. Именно этот процесс самопознания – важнейший в поэзии, и этот процесс можно наблюдать в произведениях Сергея Ермуракова.

Труден ли процесс самопознания, самовоссоздания? И да и нет! Слово, а к тому же поэтическое слово, обладает рядом страннейших свойств, одно из которых – энергия радости, огромное наслаждение творчеством. Поэт может в этом не признаваться, но читатель всегда понимает – это сделано с любовью, с радостью. Между тем тексты данного автора вовсе не являются невинными. Поэт явно стремится доходить в своих размышлениях до пределов – законов, логики, морали, искусства, всего того, что Ницше называл «человеческим, слишком человеческим». Темы его произведений загадочны, глубоки, порой таинственны. Например « Аркаим». Сделано ли это сознательно? Не уверен. Иногда слово диктует поэту свою волю, погружая его в мир глубоких размышлений, которыми он хочет поделиться с читателями.

Стихи Сергея Ермуракова интересны, в них чувствуется искренность, они яркие и самобытны.

Сергей Сумин

Герман Иванов

Студент 4 курса юридического факультета Волжского университета имени Татищева. Любит читать, увлекается жанром фантастики, коллекционированием монет и банкнот, музыкой.

Поэма

«Бал»

(футуристический уклон)

Глава 1

Ну, неинтересно жить на свете
Когда-то прямо на карете
Неслись к дворцу цари в жакете
За ними дамы все в букете ...
Пардон, всё заново начать
И снова рифму всё искать.
Придётся мне. И всё сначала
Я попытаюсь вдруг начать
Ну вот пардон и я отвлёкся
И снова в тему я не «вчёлся»
Простите мне мои слова
Но, что поделывать, господа?!
Такая мысль, как всегда.
Так вот, кареты были все из золота
Приселся в них и снова плата.
Такая вот жизнь-палата.
Палаты были в господах
Такие вот... все в орденах
Один господ когда-то мне
Дарил огниво – всё в огне
При чём огонь? Я сам не знаю
Такая рифма, господа.
Так вот и я опять отвлёкся?
...Давай продолжим, господа.
Сказал я снова и все люди
Уселись за столы и буди я на сцене
Все сразу аплодировали б мне,
Но вдруг, раздался звон часов,
А также звон колоколов

И сразу чай всем принесли
Раздали, выпили, ушли
А где же бал?
Понять бы мне
И снова думать о себе
Зачем же я сюда пришёл
Чай выпил и ушёл?
Но нет же я продолжу слово,
Меняя каждое ново слово
Так вот попили и сидим
Что делать думаем, едим
Вдруг к нам за стол присел педант
«Такой же старый, как Трабант»
Я отступился
И я вот думаю, а как же мне
Бороться с этим на уме.
Я вдруг спросил у всех гостей
И вдруг один мне отвечает
«Да брось же ты, садись за стол
С час чай привозят, снова стол».
Я думал уходить мне что ли?
Да передумал, ну на то ли
Мне жизнь дана
Чтоб я сидел прям у костра,
Но нет такого мне не надо
Желал бы я прям шоколада,
Подумал я и вдруг все понял,
Что мало всё-таки писал
И думал я, что мысли врал,
А мысль прямо в том глядит
И что-то вслух мне говорит,
Но я понять никак не мог
Зачем же мне весь этот толк?
И вдруг приносят чай горячий
Забитый сахаром до дна,
А сахар, весь как бы со дна
Поднятый. Весь как трава.
Но, вдруг, я вспомнил,
Как же так, всё нёс букет
А где же он?
Пропал, как снова весь... пардон.
Так вот же он
Лежит на поле,
Поднятый снова как к гондоле

И вдруг, часы все простучали
Двенадцать.
И, вдруг, я вспомнил
Мне ж пора!
И полётом, как всегда
Пронёсся к поднятой карете.
Я ехав думал, что творю
И снова думаю усну.
Уснул. Проснулся - полдень
«Где же я?» Подумал я вдруг я у костра
И вспомнил, я же дома
И снова думаю о ком-то
Который мне окончит стих
И я подумал: «Всё, давай,
Заканчивать пора,
Прощай!!!»

Глава 2

P.S.

И с бала я ушёл – да!, да!
Ну не понравилось – беда!
Домой пришёл я очень поздно,
Чай выпил, спать улёгся. Поздно.
Когда-то в прошлом не думал я о том
Что жизнь дана мне, но пардон...
...Пора б мне уходить, зачем?
Затем, что стал писать повтор
Ну не за чем мне этот тор.
Но я забыл вам предисловье
Всё в первой части написать.
Так вот оно лови читатель
Чтоб дальше рифму всё искать
Когда я утром снова встал
Я думал надо бы похвал.
Поехал я на этот был
И снова в пробку нову встал.
Читатель думает о том,
Какие пробки в время том.
Но всё же...
«Смех идет построже»
Сказал ямщик, ноя не понял
И сразу думать перестал

Без всяких в тО время похвал
Но вот подъехали и что же
«Никто встречать не хочет тоже»
Подумал я
Ну что ж пардон
И я пошёл на всякий тон,
Но, вдруг ко мне все подбегают
И дрУги, недруги, подруги
А дальше всё, что я писал
Всё в первой части обуздал.

Глава 3

На утро следующего дня
Проснулся я как-бы с пьяна
И думал: «Что же делать люди?»
Похоже вместе с вами буду.
Прощаться буду. Но потом
Подумал я, и вот вам том
Лови читатель, думал я
И всё же вместе господа
Давайте чай попьём – да!, да!
Кричали люди, как всегда
А я всё снова для народа
Сижу пишу свой новый стих
Не понимая, где тут гриф.
Сидел писал...
А чёрт же с ним.
И мне чудились Братья Гримм.
Причём они я сам не знаю
Такая мысль. Господа
Так вот друзья,
Сидел я прямо у костра
В то утро
Проснулся рано,
Но что же мне
Держать всё вместе на уме
Опять я оступился, други
Сидел я прямо – ко мне слуги
Бегут
И что-то снова мне несут
«Вам вот посланье!»
Что же друг
Давай читать.

«И снова лгут»
Подумал я
Открыл...
И вижу, господа...
...Такого нет ещё сполна
Ни у кого
Та вещь, которая лежала
Давала власти, и не мало
«И что же там?» Спройте вы
То были ...скипетр, держава.
Что у царя в то время «мало»
Было. Подумал я
Позвал я слуг
И Отдал им всё это, друг!
Отдал и всех же сразу отозвал.
Сидел я долго у костра
И день, и ночь, и день, и ночь
Так вот, друзья, помочь
Готов я так сполна,
Но, вдруг, подумал.
Ну нудно дело – помогать
Давай я лучше снова спать.
Улягусь. Подумал я и вдруг улёгся.
Прошёл и день, и два.
А мне заняться нечем, господа
Вот то-то Бал!!!
А бала нету!
Нигде, нет больше, господа.
Прощаться снова надо – да!
Давай пока, - я навсегда.

Глава 4

Но вот вернулся я друзья
Продолжить всё же повесть надо
Так вот на утро снова дня
Поснулся я
Как бы с пьяна
И вдруг же ко мне слуги снова
«Проснитесь же, проснитесь!!!
Ради Бога!!!»
«...Да что ещё?!»
«К Вам граф приехал
Снова злой. Зовёт вас.

Грозится расправой»
Пошёл я. Встретил
Боже мой!!!
Так мы с ним вместе с переправы
«Да как дела?, Да как же бой?»
«Какой же бой?»
«Да тот по Крымом!»
«Да проиграли мы опять
И всё же нечего сказать.»
«Да брось же ты
Пошли за стол
Там снова на столе манты,
Манты дымятся все от пара»
И долго мы вели тот разговор
И в памяти не сохранился он
Простор чудился после...
Я отступился...
Потом пошли мы все к камину
Чай пили. Ели сливу.
И тот же день я вспоминал с улыбкой...
...Так вот, друзья
Прощаться надо
И мысли нет
И тоже право
Всё остаётся, господа
Такая мысль, как всегда. 05.12.09

Глава 5

Ну вот, последняя глава друзья
Сижу пишу, ну что же боле,
Но вот опять и бал и сон
«...Есть разгуляться где на воле»
Меня всё это возмутило, что же
Похоже бал наскучил тоже
Ну что же делать, господа.
Сидеть писать всё новый стих
Где снова лОмается гриф
Нет, нет похоже всё! Друзья
Нет мысли больше, господа.
А если есть, пожалуй ныне,
То подскажите мне. Друзья
Чтоб я один в своей пустыне
Сидел писал не обратя
Вниманье. Всё же песне есть конец
И моей повести есть тоже.

Когда-то ныне сей певец
Пытался написать построже,
Но я его опередил
И что же
Мне похвалы достали тоже,
Но похвалы мне мало, други,
Но всё же вместо доброй слуги
Достали мне когда-то бал
И думал: «Надо бы похвал»
Пошёл я, вдруг, на этот бал
И всё что было бы со мной,
Пожалуй в повести иной
Я напишу
А пока что всё, друзья
Прощайте снова, господа.

О поэме Германа Иванова

Автор уезжает в карете своей фантазии, странно, и время переезжает вместе с ним с места на место, одушевляя феерию превращений сюжетов в свои противоположности, век минувший неявно соревнуется с веком настоящим, как и автор, который из прошлого, минуя настоящее, стремится оттолкнуться в будущее и улететь на огненном фаэтоне коннотаций туда, где он обретает действительное бытие, сущность, где его футуристическая реальность превращается в ирреальную трансценденцию его вневременного Я, и только стук копыт, факела и тень его кареты остаются флером от круговерти похождения его героя, наряжающегося в одежды сшитых им смыслов...

Мартин Иден

Вадим Карлов

доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Волжского университета имени В.Н.Татищева, кандидат юридических наук, федеральный судья.

Карлов Вадим Петрович родился 07.09.1964 г. уже в г. Тольятти, ранее именовавшемся Ставрополем-на Волге, который только за месяц до этого обрёл новое имя, и как представляется уже взгляду издалека, не только в связи с изменением географии места нахождения, но и в связи с изменением вектора своего развития, может быть поэтому, сохраняя духовную связь со своей родиной, поэзия автора, воспитанного на культуре ушедших эпох, отличается эпохальными мотивами изменений и преобразований во всех сферах деятельности и одновременно, интуитивно и образно выраженной связью с ментальностью высоких образцов культуры, с проникновением в эстетическую суть действительности, что позволяет придавать лексике новый, неповторимый свет, и создавать собственный язык, не повторяющий никого из ранее существовавших и ныне живущих поэтов, подтверждением чему являются два мощных по своей духовной энергетике сборника "Форма соучастия" и "Иносказание", автор не только передает образы языковыми средствами, но и вызывает работу тонких духовных структур читателя, который из прочитанного формирует своей собственный мир и свои собственные образы, свои собственные смыслы. В этом безусловно сыграли свою роль и профессиональная деятельность автора в качестве судьи, и его преподавательская деятельность, и его научно-познавательная деятельность, которая отменена степенью кандидата юридических наук. Таковы истоки и такова поэзия Вадима Карлова, наследника высоких духовных традиций и, одновременно, автора нового и неповторимого поэтического слова и слога.

ФОТОШОП

Возникла эррекция чувств,
густеет завистливый взгляд,
и грезится где-то триумф,
и снов воплощённых парад.
И в памяти сладкий дурман
зовёт на охоту любви,
и чувств напряжённых обман
потом зарисует Дали.
И экстэзи образов вновь
поднимет желаний волну,

пусть это не будет любовь,
а только паденье ко дну.
И сквозь преломления свет
почувствуешь плоти озноб,
эррекции мыслей эффект
и образов их фотошоп...

ЛЫСАЯ ГОРА

На Лысой горе
не бывать мне
в мой занятый век,
всего лишь адьюнктом
служу у неведомых сил,
и жизнь представляется
будто таинственный блеф,,
и мне не понять
его вздорный призывный мотив.
На шабаше ведьм
не испробовать сердца бальзам,
врачуя бесовскую муть
наложением чувств,
и словом волшебным
не вскрыть чудотворный сезам,
не выведать тайну
бесовских распутных искусств.
Но к Лысой горе
увлекает познания зов,
хочу окунуться в котел,
где кипящее зло
на кожу попав,
превращается в адскую дрожь,
и душу бросает
в забвения дерзкий озноб.
Но где этот путь
к неизведанной Лысой горе,
и где обитает
к кипящему злу проводник,
нам с ней не сойтись,
как охотнику с дичью в игре
с обманным названием
в слове бессмысленном жизнь...

РАЗНОБОЙ

Когда-то я учился быть собой,
И брал у встречных первые
уроки,
Не видя их душевный разнобой,
Скрывающий невзрачные пороки.

Казался мне вершиной жадный
ум,
Взыскующий лишь праздничной
добычи,
Хозяйственный, как княжеский
тиун,
Не знающий бессмысленных
приличий.

И мне казалось - был я тиуном,
И князем был, дьяком из приказа,
И ветреным несносным
болтуном,
И выходцем элитного ИнЯза.

Но вот вопрос, а был ли я собой,-
Смущает мои раненные мысли,
Давно в них воцарился разнобой,
Как впрочем и во всей прошедшей
жизни...

ПОЛНОЛУНИЕ

И снова полнолуние и свет,
Тревожит мою ауру сомненьем,
И будто бы я вовсе не аскет,
Но связан непонятным
принуждением.

Читаю откровения столпов,
А лунные скучающие блики
Страницы их проходят без
следов,
Как окна опустевшей базилики.

И аура мне шепчет - тут и там-
Повсюду ты находишь
разрушенье,
Так нужное несдержанным
мечтам,
Не знающим преграды
принужденья.

И снова полнолуние, и ночь
Мне дарит не присвоенные муки,
И в ауру вернувшаяся плоть
Берёт её сомненья на поруки...

ИДЫ

На первый день весны приходится
Илья,
На мартовские праздничные иды,
Когда ни снег, ни ветер, ни
друзья,
А только лишь не признанные гиды
В туманность незнакомых
городов,
Мерцающих приметами надежды
Влекут неудержимых чудаков,
Оставивших докучливые беды,
Как к прошлому бегущий
Одиссей,
Покинувший уснувшую Итаку,
Где курящий идиллию Морфей,
Покорный пробудившемуся
жанру
Трагедии, случившейся в тенях
На мартовские праздничные иды,
Когда вдруг возвращается Илья
Из плена затонувшей
Атлантиды...

СНЕГИРИ

Не прилетали снегири,
Зима, увы, прошла впустую,

И не звонили звонари
Сквозь полуоморось густую.

Скучал неубранный вокзал,
Стояли мрачные составы,
Как будто их никто не ждал
В пространствах мерзнущей
державы.

Какая странность, этих птиц
Хватилась грустная природа,
Ей не достало ясных лиц
Без стай пернатого народа.

Зима прошла, устали мы,
Ушла напрасная тревога,
Не прилетели снегири,
Не принесли вестей от Бога...

НОВЫЙ РЮБЕЦАЛЬ

Рюбецаль, недоступен твой путь,
Ты заложник неведанных гор
И богемская дальняя грусть
Не приходит в мой брошенный
двор.

Ты витаешь вдали от души,
Как забывчивый праздничный
дух,
Будто кто-то из меткой пращи
Запустил возбуждающий слух.

Я силезских не знаю лугов,
И с тобой я заочно знаком,
Мы с тобой избегаем богов,
Каждый с тайной своей обручён.

И я верю, гуманен твой суд,
Не столкнёшь с серпантина в
горах,
Не лишишь упоенных минут
Пребыванья в запретных лугах.

И я сам имярек Рюбецаль,
Добрых странников преданный
дух,
Прогоняющий жизни печаль
И наивных желаний пастух...

ЗИМНИЕ ПЕЧАЛИ

Живём в ожидании чуда,
Бездушное эго зимы
Январскую пестует стужу,
И снега бегут буруны,
Слепя заметенные окна,
С надеждой глядящие вдаль,
Где светится жизни икона,
Храня пробужденья эмаль,
Храня вековечные тайны
В сиротском и тихом краю,
Укрытой девической манной,
Как сад в недоступном раю,
И к нам простираются руки,
Стараясь укрыть от невзгод,
От зимней пытающей муки,
От эго, губящего плод,
А сумерки длятся густые,
Усоп деспотичный январь,
Раздав обещанья пустые,
Уже нас тревожит февраль,
И эго томится зимою
И рвётся в простывшую тьму,
Стремясь за иконой живую
В тепла и цветенья страну...

ПРОЕКТ

Проект любви создать мне не
дано,
Творение такой архитектуры
Лишь времени ушедшего клеймо,
В нем нет ни вдохновенья, ни
структуры,
А только мифотворческий пейзаж

В забытых экстатических
границах,
Где средний статистический
типаж,
Меняющий лишь тени в схожих
лицах
Не будет эпохально воплощён
В шедеврах Эрмитажа и Уффици,
Он призракгородских условных
зон,
Где запахи имбиря и корицы
Лишь только возбуждают
аппетит
В статичных «баухусных»
проектах
И тянут как невидимый магнит,
Скрываясь в незатейливых
эффектах,
К неясным очертаниям дворцов
В традициях барокко и модерна,
В архитектуру стройных сильных
слов,
В которых воплощён и слог и
мера
И зодчества любовный эпилог.

РЕКА

Реки бессонное начало
струит источник нежных вод,
стеклом искусственного Мурано,
встречая солнечный восход.
Её волна строкой рассказа
волнует глаз потоком слов,
как будто кистью богомаза
её раскрашен влажный кров.
А берегов речные травы
глядятся в зеркало воды
и ищут в образах опапы
свои цветущие следы.
Течёт река, душа природы,
как вечной жизни ипостась,
и каждый день свершает роды
и дарит в водах юный Спас....

О творчестве Вадима Карлова

Откуда приходит вдохновение? Что это – может, глоток свежего воздуха, или радость от созерцания прекрасного...? И уж совершенно точно – это энергетический поток, мощная сила слова, слова поэтического, живого, талантливого, не оставляющего равнодушным и открывающее волшебные двери во Вселенную настоящей и многогранной Поэзии!

Поэзии, которой нас одаривает Вадим Петрович, щедро впуская в свой внутренний мир. К его стихам невозможно просто «прикоснуться», в них надо «погрузиться», чтобы ощутить весь аромат букета фантазий, феерии чувств, ритм рифмы, прочувствовать необычность слога. И, конечно, насладиться мастерством тропов и поэтических метафор, которыми блещет каждое стихотворение, оставляя приятный и удивительный флёр ещё долгое время.

И ещё одна удивительная особенность присуща этому поэту – его стихи приглашают к прочтению не один раз, хочется вчитываться снова и снова, открывая для себя новые слова, значения и даже смысл, рисуя в воображении яркие образы, которые дарит нам сочная палитра его «фирменных» метафор!

Прочтите и почувствуйте сами многогранность произведений в его книгах «Форма соучастия» и «Иносказание», которые вобрали в себя все: от реалистического и сказочного до мистического и почти сакрального... И поверьте – это не просто интересно, потому, что вам посчастливится очутиться в «Италии при свете полной луны» и услышать «Легенду песочных углей», побывать «В городе Зеро» и восхититься «Северным сиянием», ощутить «Коралловую страсть» и почувствовать прохладу от полёта «Зимних бабочек»...и уж, что-что, а вот откуда приходит вдохновение...вы узнаете точно! Потому, что оно непременно коснётся и вас!

Алла Шаклеина

Матвей Кукшев-Перовски

Учащийся школы, журналист, поэт, член литстудии
Волжского университета имени В.Н.Татищева

Отрывок из реквием-повести

Чердачная кукла

Если ты возьмешь небольшой предмет в руку и зажмешь его в кулак, то не сможешь его хорошо рассмотреть или что-то с ним сделать. Так же твоя душа может быть сжата болью, страхом, обидой. Когда ты разжимаешь пальцы = отпускаешь боль, тогда ты можешь посмотреть на это все со стороны. Иногда нужно, чтобы кто-то другой отвел тебя в сторонку и показал, что происходит

Галарина

Память абсолютно уникальна. Каждый мозг словно бы старый чердак, который мы – люди всячески загружаем бестолковым лично для нас хламом и рухлядью. Но порой, среди всего этого барахла, мы вдруг изыскиваем что-нибудь, да и ценное.

Голый сад погружён в спячку. Даже статуи, и те безмолвны и не подвижны, впрочем, как и прежде. Сквозь сухие ветви проглядывает силуэт явной старушенции. Грузная особа в фетровой шляпе, с небрежными локонами, выющимися с каждым порывом ветра. Прямо перед нею бессильно семенит дворняга Мальчик (таково его имя в миру) с умнейшей Ломоносовской физиономией. Псина покорнейше плетётся, подметая гравированную дорогу, от чего пыль встаёт столбом. Мысли вихрем носятся из стороны в сторону, словно листья, и мозговой ветер не даёт сил сосредоточиться, а довольно неумело заgrimированные губы сами по себе бормочут под нос:

*«Мальчик маленькой, больной,
Он пришёл ко мне домой,
Он со мной и день и ночь,
Потому что он мне – дочь!»*

Таким образом, двое удаляются восвояси, где их вероятней всего ожидают очередные выкрутасы мадам Судьбы, что по обыкновению окажется коломбиной.

Фаина Георгиевна втиснулась в мебельный гарнитур на кривых козлиных ножках, обитый красной тканью, глубоко вздохнула и сфокусировалась на осмотре комнаты. Продолговатая зала набитая, то коробками из-под шляп, то стопками книг, весь пол полон огрызков от бывших угольных карандашей, гребешков, а в центре туалетный столик, на глади которого стоят часы. Не просто какие-нибудь там обыкновенные часы по сравнению с прочими. Их ажурные стрелки несколько позолочены, и при зажжении лампы, возможно, отчётливо приметить, как не худо они блестят, мало того, как солнечные зайцы, иль кролики наперегонки носятся туда - сюда, точно угорелые.

Взгляд её пал на циферблат, и её чуткое сердце забилося всё чаще, повторяя тиканье. Тик-так! Тик-так! Она уперлась в глаза, полные чувств. Стоило зеркальным векам сомкнуться, как всё прежнее было уже неминуемо позади, и она ясно разглядела порт, «Святой Николай» - старый пароход, на чьей громоздкой палубе близкие, загруженные наличием всяческой ручной клади отправлялись за границу, конкретнее в Турцию. Прощание длилось не долго. Юная Фанни заключила в объятия родную мать, взяв у неё взаймы ту любовь, которой ей так будет сорок лет не хватать, сошлась с остальными взглядом, пожалала ручонки. Казалось, всем им не требовался язык. Ведь они и без того осознавали ужас данной разлуки.

«Ты должна понимать, что далеко не маленькая. Ты совершила выбор добровольно, хотя куда уж там, самостоятельно», – подобные слова так и норовили стать произнесёнными, но как ни странно, дочь для мамы всегда будет малой девчонкой, едва ли обучившейся ходьбе. Довольно с них было молчания, суета и переполох одержали победу и, взявшись за потёртые ручки чемоданов, Фельдманы взошли на борт. Мгновение, громадный якорь подняли и пароход тронулся. Прощания не миновать. Пару-тройку секунд позже, в тщетной попытке глядеть в сторону относительно экипажа, Фаина вдруг обнаружила свисавшую над пурпурно-оранжевым горизонтом туманную вуаль. Одним мощным прыжком, она сорвала с головы своей котелок, и стоило ей провести им по воздуху, как тот выскочил, и дабы не птица, канул в плотную пелену мути. Пароход шёл по воде, а шляпа верхом на волнах следовала за ним по пятам. Начинаящая актриса неловко переступила с ноги на ногу.

- Вот и всё! – вздохнула полной грудью Раневская и зашагала. Она пыталась держать себя, но слёзы неумолимо шли рекой. Ощущение постороннего взгляда заставило машинально обернуться. Позади призраком ютился чувствительный татарчонок, на не удивление босой. Стоял он, как вкопанный, глядя в упор.

- Бери! – вытянул он, и утешающим видом протянул не доспевший персик, на вкус вероятно, сладкий как женщина.

Фанни вцепилась в плод, не обронив и слова, понеслась.

...Так как это не есть бытие чего-нибудь, то это есть бытие ничего.

Раневская, в апартаментах Цветаевой, не будучи парикмахерных дел мастером, постригала поэтессу. Местом расположения стала на редкость уютная прихожая. Дарованный персик был на угловом комодe возле лампы с абажуром. Кроме того, на грубой поверхности было установлено зеркало на подставке, в нем мелькало лицо Марины и чадившая свеча.

- О, Всевышний! Они на-гора зачислили меня в козлы отпущения, восторгаясь над моими Душой, Поэзией, Любовью, Смертью, Бессмертием, Унынием, Тоской.

- Собака лает – караван идет. Полагаю, я осталась одна одинешенька, - с дрожью прошептала Фанни. – Скорее сдохну как собака! Главное успеть смастерить ящик, а то не хватит копеечки и все, добро пожаловать в дырявый горшок. В ответ поэтесса молчала. Что она скажет хаусу за порогом? Глаза круглели из-за того, что невинных расстреливают, сбрасывая в ямы, живьем зарывают в сырой земле, прямо на кривых, еле горевших фонарях, виснут трупы, и их числу нет конца.

- Оставайся на ночь. Спокойней встречать кончину такой аудиейцией. Помирать, так достойно! Женщины погасили свет, и в лучших нарядах укутались под одним одеялом. Они уснули под звездным светом, глядя в потолок. Ей крепко снился сон. Она ясно видела, что сидела на полусогнутых ногах на старой дырявой крыше. Небо было до блеска голубым. Ледяной ветер ерошил её волосы, разнося всюду сладкий, дурманящий запах созревающих фруктов. Близ неё слетелись бескровные, кипенные, словом, белее бумаги голуби, в надежде, что авось и получат какой-нибудь лакомый кусочек. Ибо у Фанни ничегошеньки не имелось, их надежды были напрасны. Но по-настоящему, она лишь так думала. В её клетчатом френче с, казалось бы, бездонными карманами было весьма, чем поживиться.

С кривого карниза стекали тускло-серые капли. Капли дождя. Его свежестью и юношеством был прямо-таки пропитан, как голова всякой дурной мыслью, окружающий воздух. От чего создавалось странное ощущение присутствия на рыбалке. Не хватало только лишь удочек. Когда слепящие глаза, лучи светила, куском масла, катающегося по непомерно крупной сковороде, пронзали мрачные дождевые капельки, те переливались всеми оттенками радуги.

Вдали виднелись ярко-зелёные холмы, утыканые дачными домиками и благоухающими садами.

Неожиданно голуби разлетелись кто куда. Солнце сменилось серебристым полумесяцем и полыхающими звёздами. Снег крупными хлопьями повалил с неба. Зажглись фонари, на исхлестанных ливнями фонарных столбах, и при их ярком, струящемся свете, снежинки стали медленно укладываться на землю, прямо поверх ещё пахнувших цветов. В воздухе из неоткуда появилась большая, громоздкая металлическая дверь, в центре украшенная коваными шишечками. Раневская поднялась. Дверь тихонько приоткрылась и Фаина для начала сделала пару шагов. Шаг-два-три-четыре...

Рассвет. Фуфа встала первой, и, взяв персик, на цырлочках прокралась к двери, отперла ее и мигом на улицу.

Она ветром миновала путь, и вскоре оказалась у Черного моря. Теперь можно было оспорить, что море вовсе не черное, а кроваво-красное. Свежая алая кровь стекала с дорог города. Фанни не удержалась на ногах, она пала ниц, и сжимая пальцы в кулак забарабанила по мелкой щебенке. Ее худая рука была в крови, с нее кусками слезла кожа, но физическая боль ей была безразлична, когда наполняла душевная. Домотканое платье в горошек стало мокрым от крови, что безостановочно текла, и текла, а персик с виду уже совсем поспел, и явился данью для всех тех душ, унесенных в это время.

О произведении Матвея Кукшев-Перовски

Странный сюрреалистический рассказ (а точнее, отрывок из реквием-повести) с Фаиной Раневской в главной роли. Сюжет в нем вторичен по отношению к затейливому барочному стилю. Рассказ наполнен отсылками к историческим событиям, биографии Раневской и классической прозе.

Реальность здесь подвижна и неотчетлива, словно во сне. И заканчивается она аллегорией кровавого насилия. Сложно различить реальность, сон и посмертие. Введение в текст реальных исторических фигур каким-то образом делает его еще более ирреальным.

Как тут не вспомнить писателей-сюрреалистов начала XX века?

Ее худая рука была в крови, с нее кусками слезла кожа, но физическая боль ей была безразлична, когда наполняла душевная. Домотканое платье в горошек стало мокрым от крови, что безостановочно текла, и текла, а персик с виду уже совсем поспел, и явился данью для всех тех душ, унесенных в это время.

Дмитрий Перегудов

Ильдар Листопадов

Поэт, критик, член литстудии
Волжского университета имени В.Н.Татищева

Боюсь сказать не преданное слово,

Боюсь забитым быть камнями до конца,
Но не могу молчать всю жизнь до гроба,
Не разорвав порочного кольца.

Хочу спросить, зачем народ,
Трудясь в проклятье нищеты,
Молчит, идет в отвод
И тащит за собой цветы?

Менталитет? Судьба? Игра?
Злой умысел? Беда-хандра?
Мне тут сказали доктора,
Всему вина - директора.

"Они во всем в ответе...
Не нравится один, другой и третий..."
Когда же будет ветер,
Что переломит тренд столетий?

Все ждут, авось случится чудо:
Придет герой, и без проблем
Решит он все чужие худа,
Разрубит весь клубок дилемм.

Приходит избранный. И что?
- Теперь мы можем отдыхать.
- Что сделано? - Ничто.
- Ну что за мать! Опять!

- Ты виноват! - Нет, ты! - Абсурд!
Ведь нам работать сообща,
А вы устроили бугурт,
Философы, кремень ища.

"Что делать?" - спросит нежилец,
Предвидя свой последний миг.
"Что сделал?" - мыслит в тон мудрец,
Неся с собою стопу книг.

"Болтать - не строить", - скажет друг.
И я пойму его вполне:
Не будет счастья нам без мук,
Пока мы плаваем в вине.

Вам скептик скажет: "Все пустое", -
Надежду заживо храня,
Найдет решение простое -
С улыбкой спросит, как же я.

Понять не суждено и мне,
Забытому в бреду, в огне
Причину в том, что мы на дне,
А не в раю в своей стране.

Для чего мы живем?

Разума шаг созревает впервые,
миф обнажая под жгучие плети.
Если откроется замысел мира,
зеркалу явятся чуждые вести.

Как поколение иного масштаба,
учат свидетели близко рождённых.
Первые швы в заголовке романа
спросят про путь наш инерционный.

Первопроходец, собравший осколки,
сделавши вывод, пронзил сердце Бога.
Хвалят слова его с бубнами волки,
каждый по-своему мыслит дорогу.

Чёрная братия вписана кровью,
свойство быть правым добыв в непогоде.
Так, оценив важный фактор гнездовья,
можно предвидеть, к чему ты пригоден.

Тайна живого - на лентах-копирах,
спрятана в капсулы временем микро.
Длинной рукой обхватив, пассажиры
прავят скафандрами, даже всем миром.

Чтоб не уснуть от пороков-ошибок,
вовремя нужно менять механизмы.
Полон нещадности жизненный выбор.
Самосохранность - успех эгоизма.

Биоприрода машин изначально.
Жалобно смотрит на это провидец,

хочет пособничать рационально.
Всем бескорыстье его подарите.

Простятся мысли: "Каков же сценарий?
Сущность живого - диктатор ли воли?
Так ли наш род со зверьми солидарен?
Что мы недавно в себе побороли?"

За что мне даровано имя?

За что мне даровано имя,
моё первозданное Я?
Награду иль боль героизма
пророчила следом судьба?

Рутиною жизни закован,
и выброшен плавать в вине,
как если бы был избалован.
Мне имя - маяк в тишине.

Лишь стоит приблизится - камень!
Он краем неслабый отнюдь.
Годами избитый экзамен
не любит объятий ничуть.

Прощай же! Я знал, что так будет.
Рожденный уплыть уплывёт
на поиск затерянных судеб
под взглядом небесных высот.

А если закончатся силы,
зажгу одиноко свечу,
из сердца достану чернила
и в бездну вовсю прокричу.

Вечности бегущий крик

Ты - вечности бегущий крик,
не ведаешь истока вдохновения.
Лишенный стрел едва достиг
разумного сердцебиения.

В тени рассвета я - старик.

Прошепчут загодя потомки колыбельную.
Исчезнет в бездне проводник,
а следом - точка зрения.

Меня разбудит часовщик,
скрестив прямые параллельные,
чтоб новый ты опять возник,
как сила запредельная.

О стихах Ильдара Листопадова

Ильдар Листопадов поставил себе весьма непростую задачу: поставить «проклятые» вопросы и ответить на них поэтическим языком. *«Для чего мы живём?»*, *«За что мне даровано имя?»*, *«Кто виноват? Что делать? И доколе?»* Велик соблазн снисходительно улыбнуться этой попытке, тем более, что «вечные темы» требуют немалого поэтического мастерства, одной смелости в таких случаях явно недостаточно. И прозой-то дай Бог суметь выстроить убедительную аргументацию, а уж если приходится мятущиеся и мечущиеся мысли укладывать в прокрустово ложе ритма и рифмы...

Тем не менее, автор решился. Оставим в стороне претензии к стилю и форме. Дело в другом: насколько красноречиво эта путаница слов, понятий и образов отражает мучения человека ищущего, вопрошающего, равнодушного. Лирический герой этих стихов буквально изнемогает под напором лавины весьма болезненных проблем и вопросов, не разрешаемых походя. Ситуация красноречива и наглядна: человеку, не способному утешиться простыми житейскими радостями, в то время, как вокруг царит засилье несправедливости, предстоит жизнь положить на борьбу с липкой паутиной неразрешимых «зачем», «почему» и «доколе». Впрочем, как помнится, вопросу «на что человеку дан путь его» не одна тысяча лет. И всеобъемлющего ответа нет до сих пор.

Сергей Пиденко

Марина Мельник

Поэт, член литстудии Волжского университета имени В.Н.Татищева

1.

Боюсь, тебя не сделаю счастливым, -
Ладони сжала в кулачки.
Боюсь, не модная! -
В порыве мили за версты.

И проношусь, себя не видя -
Растворена в музыке слов,
И страхом лишь себя обидев,
Ношу в себе мечты, обрывки слов.

Ведомый помнит след дороги,
Ведущий воет от тоски.
А я бросаю вслед тревоги,
И ухожу к своей любви.

2.

Вечный спектакль

Когда святые маршируют,
То смертные поют,
И украшают головы венками.

Когда святые маршируют,
То грешники играют,
И верят,
Будет время,
Войдут они в святое племя.
А пока,
Пока репетируют.

3.

Благоразумное решение

Теперь, исполнив обещанье,
Я мимо телефона прохожу.
Не буду лучше звонить вовсе,
Чем твои цифры набирать,

Во время каучукового разговора
На каждом слове – умирать.

Я больше тебе не позвоню.
Не буду надоедать вопросами.
Я больше тебя не спрошу:
Как дела? Что хорошего?

И про плохое не спрошу,
Не расскажу, чем я жила.
Твою уставшую душу
Не буду просить, чтоб цвела.

4.
Поэт

Что за мука или горе
Быть поэтом на земле.
Звезды есть, и есть планеты
У поэта в голове.
Одиночеством дичает.
Вроде вместе, вроде врозь.
И живет, серо-алея,
Наполняя небом кровь.

5. Трава плакала со мной,
Отвечая улыбкой дождю.
Наклонись ближе к небу,
Природа говорит мне о жизни облаков.
Они, наверное, могут сомневаться,
Так же, как и я.
Они, наверное, могут влюбляться,
Так же, как ты.
Касание лишь силою любви
Способно меня спасти.

О стихах Марины Мельник

Бывает так, что бы не говорил человек, можно понять, что у него на душе, что он чувствует. Стихотворения Марины Мельник не стоит воспринимать разумом, их нужно прочувствовать. Легкая грусть проходит фоном по каждому из них. Где-то проявляется страх и тревога, где-то сомнение и переживание, где-то тоска и

одиночество, желание счастья и любви. Буквально в каждом слове можно обнаружить новый оттенок чувства.

Несмотря на преобладание минорных оттенков, отбросьте все предположения об упадке духа. Наоборот, это стихи о высоко духовном человеке, который стойко выдерживает все жизненные трудности, не теряет надежду на лучшее и верит в силу добра.

Многие сходятся во мнении, что жизнь часто бывает жестокой и несправедливой. Такие люди знают не понаслышке, что такое горе и несчастье, и поэтому стремятся к тому, чтобы сделать мир лучше. Или по крайней мере стремятся быть услышанными и понятыми. В этом случае стихотворения Марины могут дать необходимый отклик, и даже дать силы на преодаление жизненных трудностей.

«И верят, / Будет время, / Войдут они в святое племя. / А пока, / Пока репетируют.»

Ильдар Листопадов

Людмила Мыслицкая

Руководитель телестудии гуманитарного факультета Волжского университета имени В. Н. Татищева, ст. преподаватель кафедры журналистики. Руководитель телестудии гуманитарного факультета Волжского университета имени В. Н. Татищева, ст. преподаватель кафедры журналистики. Не углубляясь в подробности нашей жизни и воспоминания, надеюсь, красота очаровывает и вдохновляет многих людей, а проявляется у каждого по-разному. Как у Шекспира «Видеть и чувствовать – это быть, размышлять, это жить.»

Весна

В природе нет плохих моментов,
Она не терпит суеты,
Наградой нам и комплиментом — прозрачный воздух,

Щебет птиц и нежный цвет листвы.

Тепло приносит нам надежду
На созерцанье красоты цветов,
На звездопады ...
И на нежное дыханье вечеров.

Весна, весна, спешит к нам в гости
К истосковавшимся сердцам,
Венков красу вплетая в косы,
Неся любовь и нежность нам!

Другу

С Небес слетает звездный луч,
Чтоб путнику дорогу указать,
Глаза открыть и мудрость дать,
Где что найти, а что отдать.

Да пелена сомнения и суеты,
Обыденности и мифических стремлений,
Лишь закрывает ясность мысли,
Четкость действий и радости свершений.

О, путник, оглянись,
Остановись хоть на мгновенье ,
Отбрось сомненья и вновь на Землю опустишь,
Чтобы опять начать движение.

И с новой силой.
Чистотой и радостью творения,
Иди по жизни за лучом,
Лучом - Благословения!

Размышление

Застыло солнце
в нежности цветка,
И звук виолончели отразился
в потоке горного ручья.

На холст художника
легло многообразие цвета,

Оттенки человеческой души,
читаем мы в стихах поэтов.

Как в изречениях мудрецов,
найдем подсказку к гордости и чести,
Из уст младенца слышим мы призыв
о непорочной искренности, а не о лжи и лести.

Создатель лишь укажет путь,
А выбор наш - идти или свернуть...

Поздравление женщине

В столь значимый и теплый день
Хочу поздравить женщину,
Кто сердцу нашему милей.

Она и мама и сестра,
Хорошая подруга
И надежная жена.

Приветлива и благородна,
Добра, нежна, не вероломна
И к философии способна.

Там где она, всегда уют,
К ней в гости
С радостью идут.

Желать хочу ей
Долгих и прекрасных лет,
Любви и творческих побед.

Родным-пусть любят,
Друзья-пусть берегут,
А Ангелы по жизни пусть ведут.

ПУСТЬ СБУДУТСЯ МЕЧТЫ,
ИСПОЛНЯТСЯ ЖЕЛАНИЯ,
ЧТОБ РАДОСТЬ ВСТРЕТИЛ ТЫ,
А НЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ,
ГДЕ СЧАСТЬЯ КАРУСЕЛЬ
РАСКРАСИТ МИР ВОКРУГ,

И ДОБРЫЕ СЛОВА
ПРОИЗНЕСЕТ ТВОЙ ДРУГ!

Поклон А. Куинджи

Сумерки. И ночь своею
Лунною походкой
Ступает мягко по земле.
И свет дневной
по праву уступает место тишине.
И гомон птиц сменяется
на равномерный стрекот
Что убаюкивает малыша.
Раздольно квакают лягушки,
Беседуя о дне прошедшем - не спеша.
А светлячок зажѐг фонарь желаний
Напомнив нам - о бездне мирозданий.

О стихотворениях Людмилы Мыслицкой

В стихотворениях Людмилы Мыслицкой отчетливо чувствуется оптимизм. Я бы даже сказал — праздничное настроение, поскольку читаются они с торжественной интонацией.

Два из представленных в подборке являются традиционными поэтическими поздравлениями. Как правило, подобные стихи сопровождаются пожеланиями добра, счастья и других благ, и кажется, что у них обязательно должен быть адресат и подходящее событие, иначе пропадут. Да, таких стихов не мало, но именно их разнообразие позволяет не утратить вкус к поздравлениям, позволяет сохранить торжественность события. Красиво поздравить – это тоже искусство. Что касается остальных стихотворений, в них ярче виден индивидуальный стиль автора. Они направлены на воодушевление читателя, создание позитивного настроения, для чего используются теплые и приятные слова. Это своего рода напутствие перед тяжелой задачей. Слова, будто бы, идут от человека, преодолевшего многие трудности и познавшего радость в простых вещах, которые всех окружают, однако, которые не все замечают. В этом есть что-то философское и мудрое.

«А светлячок зажѐг фонарь желаний / Напомнив нам - о бездне мирозданий.»

Ильдар Листопадов

Александра Нестерюк

Студентка первого курса факультета среднего - профессионального образования Волжского университета имени Татищева. Специальность «Парикмахерское искусство». Занимается вокалом, изобразительным искусством.

Принимала участие в поэтических конкурсах ,первое "творение" было про Иисуса Христа.

Стихи пишет примерно с 7-8 лет.

Снимаю серёжки с брильянтами

Снимаю серёжки с брильянтами,
Смывая косметику, стразы ,
Превращаясь в простую девчонку,
С глазами словно топазы .

Оголяя белесые плечи,
на которые падает солнце.
Раскрывая созвездия встречи
И огонь растворится в оконце.

Расплетая дорогую причёску
На которую ты убила пол утра ,
Расплываясь в улыбке ребенка
Растегивая тугие бусы.

Наконец, ты снимаешь то платье
Которое ты так не любишь,
Смущаешься и краснеешь
"Не смотри, а то ты меня разлюбишь!"

Превращаясь в простую девчонку
Ты снимаешь все свои маски
Оголяя не только ручонки
Но и душу той синеглазки.

Выключая свет, ты ложишься в постель,
Такая беззащитная, нежная
Запах постиранных простыней,
Очертания губ твоих стержнем.

И я засыпаю поддаваясь тебе
Сложив все оружия на антресоль
Я безоружен, словно во сне
Ты моя женщина, ты мой покой.

Слово

Мы словом часто ранним человека,
Не замечая ни обид, ни слёз.
Ложась в постель и не сравнив завета
И думая, что это не в серьез.

Сказав "Дурак, ты ничего не сможешь"
Конечно...каждый может так сказать.
А словно после этого он...перестает дышать.

И будто валится из рук
Все его темы, старания напрасно.
Он верит слухам, "кто это сказал?"
Что он "Дурак", "Тюфяк" а может хуже.

А ему больно. Словно в той груди ,
Все его бабочки счастливые и чувства
Все сжалось... А ты его пойми
Зачем так жить? Он хочет быть кому то нужным.

А ты ложись и спи спокойно, Да
И ты не думай, что он плачет и не спит
Ведь ты же параллелен всех обид
И у тебя и вовсе нету важного.

3)А вами я без крайности больна

А вами я без крайности больна
И нету ни вакцин, ни мазей
Для сердца. Воля ли дана?
Моя и ваша. Вопреки ненастий.
Я буду ждать всегда вас и везде ,
На небе ,лунным светом озаря
Оставлю память, о себе во тьме
Что есть такая вот, Одна.

Январь

Проснувшись от грохота
Этих снежинок
Опять про себя обругал,

Ну не люблю я
красавицу зиму!
И этот снежный обвал.

Вот вроде..посмотришь
Ночные качели,
Красивые улицы сна.

Но как мне они до чертов надоели!
Когда же прибудет весна?!

Безумие

Мрачные тени вглянулись в снежное поле ,
Смотря на меня, стоящего в центре него.
Я не боялся так смерти, как страшного стоя,
Которое пронзительно смотрит
Чуть ниже сего.
И сквозь грохот снежинок, я слышу крик нечто,
Оно воет от боли и смерти любимых своих.
И в чем же тут смысл? Ведь неизлечимо
Я болен. Здесь все мы смертельно больны.
А снег - словно кровь,
Он ведь падает с неба.
Мне ведь говорили что на небе они,
Мрачные тени - они излечимы
Они могут любить, несмотря новостей
И в чем же тут смысл? Я падаю ниже,
Я словно цветок - завядший во тьме.
Я так одинок...а ведь сны говорили -
"поверь же в мечту, не смотря на людей"
Мне все равно на проблемы в природе "Вы загрязнение мир!"
Кому здесь равно?
Неважен и этот минор на работе,
Какой же есть смысл? Ведь все мы умрем.
Шагая по снегу, гремя грубым настом,
Холодными пальцами пытаюсь сгореть свою грудь.
Я на краю фальши, обрыва в обверженность
И мрачные тени тянут руку во тьму
Я чувствую дыхание, ледяные руки ,

Мне хочется назад, в теплую молву.
Но почему же сердце моё словно выстроганно?
Злым дровосеком, не верящим в доброту.
Я чувствую холодные женские пальцы, что то шепчет мне на ухо "Сделай лишь шаг, я оберну тебя в страх инновации, ты больше не будешь слоняться вокруг"
Я делаю шаг и словно лечу ,
Как будто прыжок с высоту в глубину.
Я чувствую, что погружаюсь во тьму
И женские руки я все же ищу.
Лёжа на дне людских ценностей ,
Я потерял самое важное в жизни своей.
Я не нуждаясь потребностей
Потерял сердце и сам превратился в зверей.
Под чёрной рубашкой больше не слышится биение сердца ,
Оно остановилось ещё лет 20 назад
Но кто же жил эту смертность?
Во время прохода, в чей то другой ад.

О стихах Александры Нестерюк

Причудливые ассоциации рождает деепричастная реконструкция ниспадающего шёлковым водопадом платья, стразы ловят в своих огранённых осколках прячущийся от посторонних глаз знакомый, но неизвестный доселе облик, телесный антураж, как одежды человека-невидимки вдруг исчезает и открывается прозрачный аллегорический пейзаж, словесность уступает непреклонному чувству и меняет форму, и поэзия превращается в жанр пластического искусства, на грани правды, на грани фальши, на грани вымысла, под грохот невесомых, падающих с непреодолимой необходимостью снежинок, куда-то вниз или вверх, не понять куда именно, но в бездну, в бездну, в бездну..., а чувства как ветер продолжают разносить по вселенной слова, нарушая законы мироздания и создавая новые законы и смыслы, они и не новые будто бы, но сочетание их в нетипичной транслитерации рождает чудо ...

Мартин Иден

Дмитрий Перегудов

Выпускник Волжского университета имени В.Н.Татищева, прозаик, критик

Хрупкость

1.

- Что же такое случилось? – спросил Ян Элдер, полевой оперативник Синклита, биолог по образованию и биохакер по призванию.

Он сидел напротив Ирмы Вэйлен в ее приемной на станции Глубина-5 и смотрел в ее холодные глаза, синие как океан.

- Зонд засек кое-что, - сказала Вэйлен. – Надо разведать.

Она положила перед Элдером несколько распечаток снимков океанского дна. Ничего особенного там не было – коралловые рифы, морские лилии, губки, рыбы.

- Что здесь такого? – спросил Ян.

Вэйлен указала Элдеру на небольшой разлом, окруженный разнообразной фауной. Трещина в горной породе выглядела очень глубокой. Ян снова поднял на Вэйлен вопросительный взгляд.

- Возьми следующую.

Ян взял еще одну распечатку. Тот же разлом, но гораздо ближе. Зонд заинтересовался им. Откуда-то из-под земли лился свет. Но это не было красноватое свечение лавы, да и местность не походила на горячий источник.

Нет, ровный белесый свет наводил на мысль о биоллюминесценции.

- Странно, - пробормотал Элдер.

Еще один снимок. Тоннель шел дальше вниз, а снизу лился свет.

- Разлом расширяется, - сказал Ян. – Он выходит в какую-то полость, в какую-то пещеру.

- То-то и оно, - кивнула Вэйлен.

- И что было дальше, Ирма?

Женщина пожала плечами.

- У зонда заканчивалось топливо, и его ИИ принял решение вернуться на базу.

Ян заметил цифры вверху пластикового листа. Координаты.

- Ты должен разведать все, - сказала Вэйлен. – Там может быть изолированная экосистема с эндемичными видами. Образцы могут стать полезными Синклиту.

- Я понимаю.

- Субмарина уже готова, ждет тебя. В ее автопилот уже внесены координаты.

- Ага.

- Удачи! – сказала Вэйлен напоследок безо всякого выражения.

А Ян уже шел по коридорам Глубины-5. Было слышно, как скрипит под чудовищным давлением корпус станции. Он знал сооружение, как свои 5 пальцев.

Переходы и отсеки Глубины-5 выглядели утилитарно – металл и пластик под холодным светом ламп. Только кое-где попадались изображения символа Синклита – красная сфера Сущности, которую обнимали витки двойной спирали.

На пару секунд Элдер задержался у очередной эмблемы на стене. Она показывала, что Ян служит чему-то большему, чем правительство или какая-то корпорация.

Красная сфера напоминала об идеальном мире, который настанет после исполнения целей Синклита.

Но работа не собиралась ждать. Элдер оказался в одной из шлюзовых камер станции, где облачился в зеро-комбинезон.

В кольцеобразном помещении открылся один из круглых люков, который вел в небольшую сферическую субмарину.

Элдер пробрался внутрь тесного пространства, уселся в кресло и защелкнул привязные ремни.

Когда люк снова автоматически захлопнулся и с шипением загерметизировался, приборная панель перед Элдером расцветилась десятками огней. На одном из экранов появились координаты, которые Ян уже видел на снимках.

2.

Огромный бронированный бегемот станции остался позади. Красные огни корпуса скрылись из виду, когда минисубмарина включила двигатели и устремилась в просторы Тихого океана.

Все внимание Яна было теперь сосредоточено на единственном иллюминаторе.

Субмарина двигалась у дна. Скорость увеличивалась, и пейзаж подводных джунглей смазывался, проносясь перед Яном за бронестеклом иллюминатора. Далеко-далеко наверху солнечные лучи пробивались сквозь толщу воды.

Ян сидел в кресле, погруженный в свои мысли. Он не заметил, как прошло время, и впереди показалась цель.

- Заданные координаты достигнуты, - возникла надпись на экране.

Элдер отключил автопилот и взялся за штурвал. Он начал спускаться в разлом, переведя камеры подводного судна в режим записи.

Пока все шло гладко. Только раз трещина сузилась настолько, чтобы ее края царапнули бронированный корпус. Стало очень темно, но откуда-то снизу лился свет, постепенно разгорающийся.

И тут пространство вокруг Элдера внезапно расширилось. Он оказался в гигантской пещере – такой огромной, что стены ее невозможно было разглядеть. Свод пещеры усеивали странные мешкообразные образования, дававшие тот самый свет.

- Действительно, биолюминесценция, - пробормотал Элдер в микрофон.

- Трещина ведет в обширную полость. Она километры в диаметре. Вижу сидячие организмы, похожие на асцидий, но неизвестного мне вида...

Светящиеся мешки были соединены между собой каким-то подобием грибницы.

И Ян заметил, что некоторые из них светят гораздо тусклее, а иные совсем потухли.

- Выпускаю сэмплер! – сказал Ян.

Из корпуса субмарины выдвинулся щуп и попробовал воду.

- Странно. В воде много отмершей органики.

На экране показались изображения микроорганизмов, которые Ян не узнавал.

Что-то было на дне пещеры. Элдер направил судно туда. А мимо проносились странные существа невероятных форм. Ян не смог бы отнести их ни к одному из известных типов.

- Действительно, уникальные существа, - сказал Ян. – Синклит получит свои образцы.

Приближался массивный объект конической формы. Он рос из дна, словно риф. Его гладкая поверхность была испещрена овальными отверстиями.

- Впереди объект, конус почти километровой высоты. Может, колония каких-то полипов... или город...

Открытие захватило Яна.

- Двигаюсь к объекту...

Когда аппарат приблизился, нечто появилось из овального входа. Некий огромный, с человека, моллюск мягких и нежных очертаний. Он был белесый, покрытый синими пятнышками. На переднем конце тела оказались хватательные выросты, 5 глаз и рот с радулой.

Существо безвольно уносилось течением, зародившимся внутри гигантской пещеры.

- Оно мертво, - прокомментировал Ян. – Что-то здесь не так. Посылаю зонд, чтобы собрал пробы автономно.

От субмарины отделилась юркая металлическая рыба.

- Это сообщество умирает. Попробую проникнуть внутрь конуса.

Одно из отверстий оказалось достаточно большим для судна. Ян проник в обширную камеру, заставленную предметами, которым нельзя было даже подобрать названия.

- Я уверен, что вижу продукты цивилизации, - произнес Элдер.

Внутри конуса оказалось множество помещений разного размера и назначения, соединенных тоннелями. И никого живого, только мертвецы.

- Не могу понять причину. Никаких внешних повреждений не видно. Может, болезнь из внешнего мира? Но трещина открылась уже давно, вокруг нее уже выросли рифы.

Субмарина еле протиснулась в одно из помещений, где Ян увидел объект хорошо ему знакомый, но здесь совершенно чуждый. На грибообразном столе лежала яхта, сплюснутая от давления. На корпусе можно было прочитать надпись кириллицей;

- БОЖИЙ ДАР.

Прямо под надписью виднелась пробоина.

А на другом постаменте, в полупрозрачных пузырях оказались замурованы мужчина, женщина и ребенок. Их тела тоже оказались неузнаваемо деформированы давлением, да и трупоеды изрядно поработали.

- Это лаборатория. Они исследовали что-то, проникшее в пещеру снаружи.

Яхта затонула где-то в Тихом океане, подумал Элдер. Весте с пассажирами. И упала прямо в трещину. Какова же была вероятность такого события?

Когда зонд вернулся с данными, Ян уже подозревал, что тот найдет. И не обманулся – во всех мертвых и умирающих организмах пещеры был обнаружен вирус, которому люди с яхты не придали значения.

Вирус, оказавшийся в этом, ином и таком хрупком, мире смертельной чумой.

Rhinovirus. Простуда.

О рассказе Дмитрия Перегудова

Авторы, пишущие фантастику, часто (если не всегда) обладают широкими научными знаниями. Эта особенность в сочетании с гибким творческим мышлением составляют талант настоящего фантаста. И Дмитрий Перегудов безусловно обладает этим талантом.

Уже с первого предложения рассказа озаряет разум слово «биохакер». Странное на первый взгляд оно тут же обрастает интересным, ранее не обнаруженным смыслом. И читатель затягивается в сюжет интригующим вопросом: «Чем же занимаются биохакеры?».

Рассказ строится на почти документальном описании миссии одного биохакера. Автор кропотливо описывает каждую деталь происходящего, их обилие делает рассказ очень убедительным. Каждая подробность вносится осмысленно, с определенной задачей. Что-то позволяет узнать характер героя, что-то придает

загадочности, мистичности, а что-то раскрывает технологические и научные аспекты. Рассказ содержит только одну линию повествования, но есть много возможностей для расширения и дополнения. Другой вопрос, стоит ли что-то еще добавлять; воображение читателя вполне справится с этим само. А концовка позволяет пережить состояние ученого, сделавшего открытие. Так и хочется после прочтения сказать с улыбкой: «Ах, вот оно что!»

«На пару секунд Элдер задержался у очередной эмблемы на стене. Она показывала, что Ян служит чему-то большему, чем правительство или какая-то корпорация.»

Ильдар Листопад

Сергей Пиденко

Поэт, прозаик, член литстудии Волжского университета имени В.Н.Татищева

*Размышления Афанасия Петровича Трудягина
о количестве и месте охранников в России,
высказанные хмурым утром одного из понедельников.*

Мне с утра сегодня кисло и погано так.
(После выходных, как я, страдают многие).
У меня есть на работе дверь с охранником,
Прямо скажем, не лекарство от изжоги.
Хмур и чуть не на зуб пропуск пробует...
– Проходи, – бурчит, – и грязь утри на роже.
– Ты сегодня злой какой-то, а с чего это?
Я сегодня на работе – мне положено.

В жизни всякого хватает – режь, да ешь его,
И не всякий день бывает с пользой прожит...
У меня есть на комодке жаба с денежкой,
Глина – глиной, ну, а вдруг когда поможет?
Не поможет, что ж – невелика потеря,
Я вон тоже не любому помогаю:
Хлопай крыльями, безмозглая тетеря,
Сам лети, от бед и лени убегая.

Развернул газету я с холодным завтраком,
Облупил яйцо, вчитался – мама родная! –
Пять миллионов дармоедов, тьфу, охранников –

Толстой задницей на стульях нашей Родины!
Пьют чаек, колбаску жрут, подсолнух лузгают,
Детективчик, телевизор – служба трудная!
Говорят, что отберут у них оружие...
Жалко – пчелкам, а кого кусали трутни-то?!

Пять миллионов! Да дверей найдется столько ли?!
Их бы бросить на Европу – все там вытопчут.
Но с охранниками надо осторожненько,
Не тревожить. И ходить вокруг на цыпочках.
Он, конечно, может круглый год бездельничать,
И ответственная спесь на круглой роже...
Но охранник – это та же жаба с денежкой,
Лодырь-лодырем, но вдруг когда поможет?

Где старушки были – божьи одуванчики,
Там сидит теперь мордатая орясина,
Для него, конечно, мал любой диванчик,
Но зато от храпа даже мыши прячутся.
Мы не знаем, что нам делать с нашей армией,
От ментуры и ГАИ в глазах мелькание.
Но пока стоят у двери эти парни,
Могут спать вполне спокойно их напарники.

*Как Афанасий Петрович Трудягин
сантехнику чинил.*

Раскудрить твою кадрили, утки-селезни!
Привалило мне забот в воскресенье.
Поднялся я на заре – солнце, ласточки...
Забегаю в туалет... Елки-мамочки!
Ну, не то, чтобы совсем наводнение,
Но подпортить можно чем настроение.
Я сейчас за телефон: ЖЭК, сантехника!
Говорят мне: охолонь до понедельника.
А подумать, обожди до той пятницы.
Рады б раньше, да куды с энтим пьяницей.
Я в досаде почесал ухо трубкою,
Стал у двери и послушал, как булькает.
Ну, не розами ж несет, сами видите –
Хоть амброзий лей в живот, что на выходе?
Я к соседям: мол, спасайте, сограждане!
Ну, пустили – раз, ну, два. Но не каждый же.

А когда жена от них возвратилась.
Выплеснула всё, что в ней накопилось.
Мол, и руки у меня – только щи хлебать,
Голова лишь для того, чтоб почесывать.
Двадцать первый на дворе век, опомнися,
Вон, в газете для услуг аж три полосы!
Руки, ежели, растут прям из задницы,
То хотя б до телефона дотянутся.
Я "Вечерку" в руки взял – вишь, что деется:
На любые возраста рукодельницы.
Скрасят будни и досуг, плоть порадуют...
– Да не тех тебе услуг, козлик, надобно! –
Мне жена по шее – хрясь! – ополовником,
Ты был сызмальства, кричит, греховодником!
Вон ведь пишут: и свое, и заграничное
Починяют, а тебе всё клубнички бы!
Ну, читаю, плиты, мол, холодильники,
Чинят разное – кто пол, кто будильники,
Кто с кувалдой, кто с шестом, кто с лечением...
Вдруг, смотрю: отец в шестом поколении.
Черный знахарь, белый маг, спец в заклитиях,
И КАНАЛЫ ПРОЧИЩАЕТ! С ГАРАНТИЕЙ!
Набираю, так мол, так, я с каналами –
Мне прочистить весь стояк до подвала бы.
Мочи нету: как вдохнешь, закачаешься...
...Молвит: с чистой ли душой обращаешься?
Как не с чистой, отвечаю, хоть вывернись,
А до пятницы, ей-богу, не вытерпишь.
Слышу: рад, мол, видеть эдакое рвение,
Но к сеансу нужен пост, очищение.
Соглашаюсь, яшень пень, то, что съедено,
Всё своё носить с собой, не к соседям же...
Он про это и про то с чувством треплется...
– Я на всё, кричу, готов, побыстрее бы!
Приезжает. По чести, не заждался я.
Важный, Господи прости, крест качается,
Цвета "персик" балахон, лапка птичья,
Волос в косы заплетен тоньше спичечки.
В левой – четки из костей, в правой – корешки.
Вот что значит: современные сантехники.
Вижу, носом покрутил, грозно супит бровь,
Крикнул: чуешь, как смердит божьих тварей кровь?!
Признавайся, жрал на днях некошерное?
– Да духовка у меня больно скверная.

И как раз вчера филе не прожарилось,
Даже кошка на него не позарилась.
А куда ж его девать, не выбрасывать,
Ну, и жрал, куда там лорду британскому.
Ладно, что там до филе – дело давнее,
Я ему на туалет – занимайся, мол.
Он лишь глянул и ко мне: где, не скажешь ли,
Тетка деверя сестры твоей бабушки?
Не блудила ли с троюродным дядюшкой,
Сам-то, вижу с детства к чистому тянешься.
Да вот с кармой у тебя дело гиблое.
Ясно вижу: у тебя чакры хилые!
Все каналы у тебя позагажены,
И дерьмо в твоей душе полной чашею.
И в родне, мол, казачок, чёртом посланный...
... Мол, не только унитаза у вас заср....
Вишь, как дело-то с дерьмом обернулось,
Тут пока засор пробьем – окочуришься.
В общем, плакали мои сбережения:
Шутка ль, карму чистить в трех поколениях!
Уложиться обещал к воскресению...
...Я сходил и вантуз взял на последние!

НАШ КОРВЕТ

Этой бури смятенье наш гордый корвет не страшит,
(Если нас не размажет, конечно, о стенки стакана).
Капитан в треуголке на мостике твердо стоит –
Он один, кто не путает здесь каберне с кабестаном.
– Капитан, я осмелюсь напомнить: здесь лоция врет,
А звезда над бушпритом – фольга от китайской тушенки.
Нас качает, поскольку за крысами гонится кот,
И штормит, если крысы несутся котяре вдогонку.

Что с компасом? Пустяк, затерялась куда-то игла,
Мы-то знаем, что север вон там... или, может, вот тут.
Это вовсе не ночь – Вам на нос треуголка сползла,
И совсем не рассвет – просто кок разжигает плиту.
Паруса? Капитан, мы пошили матросам штаны.
Вам вольно хмурить бровь, а команда совсем обносилась.

Если мы столько лет на мели, то зачем нам они?
Вон канаты совсем истрепались, а мачты прогнили.

Нам предписано якорь поднять ровно в семь пятьдесят,
И секунда в секунду по спутнику задан маршрут.
Но недвижим песок отсыревший в песочных часах,
А у солнечных – слеп циферблат, да и стержень погнут...
Вот с водой – незадача, и в трюмах еды никакой,
Но зато в погребце джина с ромом – полсотни галлонов.
Дайте знак, капитан, вся команда у Вас под рукой!
Мы готовы к отплытью, поверьте, мы просто *готовы*.

Нестройный хор из трюма:

После доброй кружки грога плыть легко по свету!
Эй, креветка, дай дорогу нашему корвету!

О подборке Сергея Пиденко

Иронически обыгрывая клише современного мира, писать о том, что печалит и раздражает тебя в мире. Именно так и поступают авторы, которых можно назвать авторами-сатириками!! Нужно сказать, что ранее эта тематическая линия в творчестве Сергея Пиденко встречалась крайне редко, но данная подборка – именно сатира.

Что же высмеивает автор? Над чем смеется? – как спросил бы Гоголь. Ну, смех тут над «ценностями», «идеями», «мировоззрениями» современных людей. Увлечение астрологией, эзотерикой, интернетом, потребительством, шопингом – все то, чему мы уделяем внимание – объект насмешек. В образе обывателя и философа Афанасия Петровича Трудягина воплощена своеобразная рефлексия над нынешней системой координат. Где-то смешно, где-то грустно этот «маленький человек», персонаж Сергея Пиденко повествует о драматической и сатирической составляющей частной жизни.

Что по прочтении? Воскликнем ли мы «Как грустна Россия!», когда прочтем эти стихотворения? Вряд ли!! Скорее, побежим чинить сантехнику, устраиваться в охрану, думать и проблемах ЖКХ... Действительно, задумаемся-ка о своем быте – а все ли хорошо у нас дома?

Сергей Сумин

Виталий Подсеваткин

Студент 4 курса юридического факультета Волжского университета имени Татищева, играет в музыкальной группе "FNKY Beats", увлекается автомобилями, оружием. Любит активный отдых.

Весна

Пора любви, цветов и
птиц.
Касаясь каждого, она
Стирает хмурь с унылых
лиц.
Гоняет прочь сомнений
мысли,
Стирая пагубную быль.
Страницу, на которой
так зависли,
Перелистнёт, вздымая
пыль.
Весна.
Пора страстей, тепла и
ласки.
Пусть её теплые ветра
Окрасят наши жизни в
краски,
Коиx не видела земля.
В этом году весной Ты
мне стала,
Твой запах, вкус и
пылкий взгляд.
И каждой встречи нам
всё мало,
Время летит словно
снаряд.

Привет

Да, снова ты в моих
мыслях.
Запала так сильно, что

никак не прогнать.
Холодный мой ум исчез,
испарился,
А моё сердце никак не
унять.

Логика? К черту!
Какая разумность, когда
лишь один поцелуй
Вскружил мою голову,
заставив бездумно
Мчаться в тот город
лишь за встречей одной.

Взаимость? Не знаю.
Понять тебя сложно,
даже увидев глубину
твоих глаз.
Одно лишь я помню,
прижавшись к тебе
осторожно,
Я слышал стук сердца
сильней каждый раз.

Расстояние, время -
большая преграда.
А что, если встать у неё
на пути?
Нас будет ждать
большая награда
Я верю, что путь этот
стоит пройти.

Зачем я пишу? И сам я
не знаю..
Ты ведь сказала мне всё,
извини.
Просто внутри я
фактически таю
От мыслей, от чувств и
жара в груди.

И снова привет..Да, ты
до сих пор в моих

мыслях.
Твой город, квартира,
кровать и часы,
Прогулка, проспект,
кафе, вино, чипсы,
Твоё тёплое тело и
сладкие сны.

О стихах Виталия Подсеваткина

Любовь.. Для каждого человека это Терра инкогнита, и каждый добирается к ней своею дорогой, а автор с нежной робостью отправляется в этой бесконечное и бескрайнее путешествие, как некогда Колумб на поиски Вест-Индии, он благодарен мирозданию за этот путь, и в милых мелочах открываются вдруг неисчерпаемые копи того вечного чувства, которое окрашивает жизнь человека в цвета радуги, когда каждый новый день приносит новые чудеса и открытия, взлеты и падения, бездны и небеса, и незабываемым становится каждое мгновение лета господня. Любовь, ты жизнь, ты судьба, ты вечность... Кто ты, любовь, кто я? Не знаю, но мы неразлучны, шепчет автор, уплывая в дальний путь на поэтической волне своего счастья...

Мартин Иден

Степан Рыкунов

Поэт, прозаик, студент гуманитарного факультета
Волжского университета имени В.Н.Татищева

Время огня

Он долго ждал своего часа. Века беспокойного сна, прерываемого короткими приступами бодрствования, когда он сотрясал все вокруг и рычал, и его голос эхом отдавался в дальних уголках света. Теперь же настало время проснуться окончательно. Встать во весь рост.

Какое-то время он не двигался, не понимая, что происходит. Он видел мир вокруг, бьющее о берега море, чистое небо в вышине. Весна подходила к концу, ночь была жаркой, несмотря даже на прохладный ветерок, несущий с собой запах морской соли. Он не двигался, чувствуя, прислушиваясь, убеждаясь, что это не очередной сон. Нет, все происходило на самом деле. Его разум был чист, темнота бессознания отступила по углам, не смея приблизиться к его ядру. Он прощупал воду под собой. Та была горячая.

Если бы он мог улыбаться, так и сделал бы. Волна облегчения омыла все его тело, и он задрожал от волнения. От радости. От предвкушения своего скорого триумфа.

Он вздохнул. Ядовитый пар покинул его легкие, спиралью поднимаясь к небесам. Он закашлял, и из одной из его пастей вырвался поток застоявшегося пепла. Он спал слишком долго. Должен был очиститься. Вернуть свои силы.

Вся грязь, что накопилась в тяжелом теле за века кошмаров и ночных ужасов, стекла наружу. Пар и пепел, грязь и камни, заслоняющие пасти могучих голов. Он дернулся, и трепет волнами разлетелся по воде. Где-то этот шум разбудит мирно сопящих в своих постелях людей, но дрожь земли будет слишком слабой, чтобы придавать ей какое-либо значение. Никому и в голову не придет, что это лишь начало.

Когда он закончил очищать себя, он чувствовал себя слишком усталым, чтобы продолжать. Он должен был отдохнуть. Просто расслабиться. Не спать. Всего несколько дней, этого хватит. По сравнению с долгим ожиданием, это - пустяк. Он замолчал и растянул щупальца своих ощущений вдаль, мягко касаясь вод и берегов ближайшего континента. Он смотрел на небо, такое безмятежное, такое красивое. Смотрел на солнце, своими лучами орошающее землю, дарующее жизнь всему живому. На луну, поднимающую и опускающую воду в цикле прилива, луну, издавна бывшую символом спокойствия и одиночества.

Он чувствовал их, видел их, касался их. А они ничего не подозревали. Вот он здесь, лежит посреди океана, восстанавливая силы, а его древние враги радостно ведут свои дела, даже не задумываясь, что он вот-вот воскреснет, вернется. Отомстит им всем.

Он помнил те давние дни, когда его сила заставляла богов дрожать, вынудила их объединиться с демонами и духами, с небесными светилами, чтобы хоть как-то противостоять ему. И даже тогда у них ушли сотни лет, чтобы его остановить. Усыпить. Погрузить на дно кипящего первородного океана, давно уже остывшего с тех пор.

Остывшего. Ненадолго. Они получили свою эпоху мира, насладились ею вдоволь. Вновь настал его час. Настоящий хозяин мира вернулся.

Он чувствовал бурлящую в его венах Старую Кровь. Снова услышал бледные отголоски бестелесных голосов, льющихся из-за пределов видимого и реального, зовущие его к действию. Но он должен был отдохнуть. Набраться сил. Уже скоро.

Сон чуть не охватил его. Похоже, он недооценил сковывающие его цепи, выкованные неизвестными в стародавние времена. Но он смог удержать себя в сознании, смог побороть их влияние. Ощущение холодного металла на его невидимых конечностях только придало ему сил, разозлило еще больше. Заставило рычать вновь. Оружие, созданное, чтобы не дать ему залечить раны, дало отдачу. Гнев расшевелил его кровь, разомкнул его веки, сотряс все его тело.

И он раскрыл пасти.

После его поражения, боги закрыли их, плотно и, казалось бы, навсегда. Но они недооценили силу существа, пылающего ненавистью и жаждой мести. Огонь внутри раскалил кляпы на его трех ртах, расплавил их, с силой вытолкнул, превратив в пыль и пепел. Стоило им разомкнуться, как две пасти широко раскрылись, закричав, разрывая воздух и выплевывая огонь и расплавленный камень. Он породил облако непроглядной тьмы, окружил им себя, словно мантией. Совсем, как раньше.

В этот момент боги очнулись. Заметили, что происходит. Испугались. Те из них, что держали власть над ветром, тут же атаковали, пытаясь уничтожить его барьер, разглядеть врага получше. У них получилось, и тьма вокруг рассеялась, но было уже слишком поздно. Освобожденные головы взмылись к небу колоннами пепла, собирая над собой тяжелые облака, которым в мире не место. Горячий дождь разрушения обрушился на его тело, стирая с него все, что было порождено богами и небом. Убивая животных, сжигая растения, оставляя за собой только почерневшие останки жизни и голый камень, серый и неустаннодвигающийся, повинувшись жестоким спазмам чудовища внутри острова.

Они ничего не могли сделать. Если хотя бы один бог подошел к великану, от него остался бы лишь прах и кости, разбросанные по океанам, поднимаемые титаническими волнами и несомые в далекие края, где живые еще не успели услышать о его возвращении. Облака, несущие его дары миру, растягивались все дальше, осыпая мертвыми дождями корабли и побережья. В головах людей зародились подозрения о происходящем. Животные начали убегать, пусть и тщетно.

А он все еще рычал и трясся, нагоняя ужас на небожителей. Смеялся, закрывая своими щупальцами вид солнцу и луне. И смех его раскатами черного грома разносился над горячим морем вокруг.

Один человек решил спуститься к нему. Осмотреть его массивное тело. Он сошел на берег с группой помощников и огляделся. Бродил какое-то время. Великан позволил человеку ходить по нему. Позволил ему составить сообщение для других. Предупреждение.

Тот человек, профессор, знаток подобных событий, никогда в жизни не

видел ничего подобного. Прибыв к острову, он увидел три колонны пепла, сливающиеся со стальными облаками, занавесом закрывающими небо. Сойдя на берег, он тут же заметил, что песок пляжа смешался с серыми останками выжженных камней. Когда-то здесь были леса, полные жизни и приятного ветра. Теперь же все пропало. Лишь серая пустошь протянулась от одного берега до другого, время от времени из-под сугробов пепла выглядывали почерневшие и искривленные жаром пни - последние останки растительности. И посреди этого хаоса возвышались три головы чудовища, без перерыва изрыгающие ядовитый дым, погубивший все живое на острове. Профессор недолго бродил по острову. Поняв, что делать здесь больше нечего, он поспешно вернулся на корабль и передал сообщение, которое послал ему хозяин острова.

"Не подходите".

Наконец, он ощутил, что время пришло. Кончились дни пепла и дыма. Настал час огня.

Снова он породил себе мантию, в этот раз - еще больше и гуще. Черная завеса каждые несколько минут вспыхивала алыми вспышками и ослепляющими голубыми молниями. Весь мир содрогнулся от голоса пробудившегося чудовища.

Боги ничего не могли поделать. Они просили помощи у ветров, у небес, но и те были бессильны. Им оставалось лишь надеяться, что остров замолчит сам, истратит свои силы.

Но тот и не думал замолкать. Он спал достаточно долго. Он чувствовал себя хорошо, как никогда раньше. Он был готов окончательно разорвать свои оковы. Показать миру, на что он действительно способен.

Час огня ознаменовался сильнейшим спазмом, какой он испытал за последнее время. Небо затряслось и уменьшилось от страха, горячее море, подталкиваемое его волей, поднялось на дыбы и галопом помчалось к другому острову, где еще жили люди. Жить им оставалось недолго.

Затем последовал второй спазм. Жидкий огонь вырвался из его пастей, стекая в океан и превращаясь в новую землю. Еще два водяных коня в страхе помчались к берегам, откуда еще не успели сбежать паникующие, хоть и не понимающие, отчего, люди.

Он дал им передышку. Позволил сообщениям распространиться по миру. Позволил живым испугаться и начать бежать. А потом он выпустил свою мощь.

Где-то, за дюжиной морей от него, моряки на кораблях резко упали на палубу, прячась от огня проплывающего мимо судна, прежде чем поняли, что они были одни во всем голубом океане. Это было лишь эхо яростного гиганта. Море бурлило, волны бежали во все стороны, тщетно надеясь спрятаться от счастливого гнева разрушителя миров. Серые облака и огненный дождь покрыли половину света. Высвобожденная им сила разошлась кругом, обогнула мир, выбила окна и сбила живых с ног, погасила огоньки душ. Мертвые заползли поглубже в свои земли, изо всех сил молясь своим тайным богам, чтобы пламя не достигло их, ведь они уже могли чувствовать жар, пробивающийся сквозь границу реальности. Едва слышимые голоса в его голове подбадривали его,

говорили, что такова его судьба. Он знал это, и потому продолжал.

Настал момент истины. Его тело было гораздо меньше, чем в прошлый раз, это так. Но у него была теория, требующая проверки.

Он сосредоточил всю силу, что еще таилась в его невидимом резерве, и вытолкнул ее через последнюю, третью пасть, до сих пор почти не участвующую в разрушении и хаосе.

Взрыв сотряс его тело. Первой на куски развалилась пасть, на которую пришлось давление древней мощи. Затем сам остров разверзся, бросая вверх кипящую воду, превратившуюся в первородную жидкость, в которой когда-то он топил своих врагов. Его тело разорвало в клочья, камни полетели на дно, не в силах выдержать его вес. Но даже несмотря на это, его план сработал.

В море неподалеку у людей лопнули барабанные перепонки. Они закричали, зажали кровоточащие уши. Больше они ничего не услышат.

В городе на соседнем острове с неба обрушился горячий пепел и камни. Люди кричали, бегали, паниковали. Почти все умерли.

Другие дожди сожгли леса на континенте. Некоторые из них так и не вырастут вновь.

Бесконечные волны нещадно били берега, смывая живых и мертвых, и лишь их останки найдут спустя несколько месяцев.

Сам мир в страхе съежился под напором безумной силы. Небо потемнело, обожженное первобытным пламенем. Солнце было покрыто кровоточащими шрамами. Луна замерзла, покрылась льдом. Даже когда серые облака исчезнут, невидимая завеса пепла не даст миру согреться, и тот еще несколько лет будет бледным подобием самого себя.

Природа кричала. Животные убегали. Растения увядали. Моря бурлили.

Природа кричала.

Он лежал теперь на дне океана, разбитый, разорванный на кусочки. Его тело было уничтожено, не выдержало его же силы. Но он был доволен.

Потому что он вернется. И теперь, освобожденный от оков, гораздо раньше, чем в прошлый раз.

Да, его новое тело будет еще меньше. Но это не важно.

Потому что, какими бы ни были его размеры, его сила всегда останется прежней. И вихрь разрушения вновь обрушится на кричащий мир, едва успевший оправиться от его прошлого пробуждения.

Под успокаивающий шепот далеких голосов он уснул. Ненадолго.

О рассказе Степана Рыкунова

In his house at R'lyeh dead Cthulhu waits dreaming...

Рассказ, конечно же, заставляет вспомнить Лавкрафта и других авторов weird fiction. Это словно «Зов Ктулху» написанный от лица Ктулху.

Повествует рассказ «Время огня» о некоем невероятно могущественном существе, погруженном в очень долгий сон. И пробуждение этого создания угрожает огненной гибелью всему нашему миру.

Правда, в рассказе этого не происходит – тело существа оказывается уничтоженным, не выдержав напора его жуткой первобытной силы. Но это не отменяет Апокалипсис, а лишь отсрочивает его. Герой рассказа еще вернется в новом теле.

Описания разрушений, вызванных его кратким пробуждением, заставляют вспомнить об атомном оружии и последствиях его применения. Это уже кошмар более поздней, чем лавкрафтовская, эпохи. Атомный Ктулху.

И этот ужас тоже спит так давно, что никто больше не верит в его огненное пробуждение...

Дмитрий Перегудов

Scum Swamp

Поэт, студент юридического факультета
Волжского университета имени В.Н.Татищева

SUTE

Люди мрут как мухи,
а всем вам плевать,
суицида звуки
вам мешают спать.

7.2.2016.

Зелёная лампа Тольятти

Бие алчешь араку барбер
баской бадог вдругорь пожух
батало боден и буява

оборотились в черногуз

20.1.2016

Тольяттинская поэзия

Трубку мира!
Труп кумира?
Труп, кум, Ира.

1.1.2016

Я хочу быть моральным уродом

Я хочу быть моральным уродом,
ваших церквей не замечать,
быть опасным для общества мощным патроном
и духовность уничтожать.

Я блюю от морали, её антиномий,
от нравственных качеств ваших богов,
от религий друг другу подобных,
философий безрясых попов,

от народа и их жалких кухонь,
разговоров про молодёжь,
про участок особенной суши,
про морали сакральную мощь.

24.12.2015.

Гигабайты жизни.

Я забыл все слова, в которые верил,
я забыл даже слово апологет.
Всюду роятся лайтовые в перьях,
их повседневность-с контактом инет.

Я разучился людей вызывать
на молчаливые встречи.
Надоела в опушке кровать.
Одинокая скучная вечность.

Видеть отказы в шестой строчке,

не надеясь на редкое "Да".
После такого ржавеют почки
и отказывает голова.

Подари мегабайты компаньям,
соглашайся на встречи со мной.
Каждое "Нет" - в мой разум удары,
у меня сотрясение, я больной.

23.11.2015.

Дюше Айвенго

Поэт, которому за сорок
адекватнее учителей,
он даже в шовинистский холод,
среди нацистских ксенофобных пней

своё весомое "Не надо"
со всем желаньем тишины
и миролюбием нам скажет.
"Ребят, живите без войны".

26.11.2015.

VI

Против секса и порки,
порнографии и проституции
феминистка Андреа Дворкин
из-за своей конституции?

22.7.2015.

Богема

К вам тянутся люди со всем забралом,
вы же плюёте на них как верблюд,
вы-бесчувственные зубоскалы,
без вас всюду ад, подарите уют.

Соизвольте от рюмок своих одиночеств

отковырнуть ничтожный часок.
О мои выросшие подростки,
дайте общения вашего ток.

18.11.2015.

Юг

Я устал вновь стучаться в закрытые двери,
отвечать на вопросы ничтожных людей,
без особых сомнений неистово верить
и держаться гниющих корней,

забывать о людских недостатках,
улыбаться без меры в квартирах чужих,
неумело другим притворяться,
что нормален я, что я из них,

будто я понимаю, что здесь происходит,
будто я в теме, будто я свой,
будто бы современный, будто бы в моде,
будто б с весёлою я головой.

4-5.11.2015

Черт

Учителя вредней фашистов-
ведь получить у них зачёт
сложнее чем, у тракториста
купить исправный огнемёт

15.9.2015.

О стихах Scum Swamp

Вообще, тинейджерский (используем этот уже забытый, но бывший когда-то общеупотребимым слова «подросток») шовинизм — это явление настолько нормальное, что даже более чем. Диапазон ощущений от собственной ничтожности (так называемый «сам-шовинизм», общеизвестный термин хорниевской психологии) до надморального снобизма по отношению к социуму, от ужасающего своей пустотой чувства отдельности до тошнотворного «такой же, как все» (и - тут же: «нет, я не с вами! своим напрасно и лицемерно меня

зовёте...») – болтанка для ранней юности очень типичная, как типичен результат подросткового обращения с опущенным забралом (т.е. враждебным отношением) к кому-то в надежде на тёплый контакт, и затем - полученный в результате этого обращения холодный ожог (закономерно для взрослого человека, но не очевидно для подростка).

Типична же любовь этой юности к В.В. Маяковскому с его «Я великим не чета. / Я над всем, что сделано, / ставлю «nihil» и с «Мой крик в граните времени выбит, / И будет греметь и гремит...» , и конечно, в стихах Scum Swamp - без всяких-всяких - Маяк стоит в полный рост (для чтобы разглядеть это, не понадобится даже вставлять в «растопыренный глаз солнце-монокль»). Нам неизвестен возраст поэта, да и к чему это знать? Он - в душе, это общее место. Маяковская интонация, запал, мольба и презрение, дёрганный, словно через скакалку, ритм, будетляновские игры со словом – всё крайнее, отмерянное крайней мерой, всегда любопытно.

Станислав Богданович

Александр Сочнев

Студент 4 курса Волжского университета имени В.Н. Татищева, специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности». Пишет стихи с восьми лет. Неоднократно участвовал в школьных поэтических конкурсах. Победитель конкурса «Неделя поэзии 2011», проводившегося в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова, по теме «Философия жизни».

ДРУЗЬЯМ

Мы ещё обязательно встретимся,
Когда будет угодно Судьбе.
И как сотни свечей мы засветимся,
Не тая нашу радость в себе.

И наполнятся чаши бездонные,
Потекут разговоры рекой.
Соберут всех нас ночи бессонные
В кулачок своей нежной рукой.

А пока километры проклятые
И стена из непрожитых дней
Нас изводят неважными датами,
Чтоб при встрече обняться сильнеей.

Раннее утро. Бессонная ночь позади.
Тяжкие думы отбрось и к окну подойди.
За окном капают пресные слёзы с небес.
Может, Ангел о чем-то горюет. А, может, Бес.
Ветер ветви деревьев качает вперед-назад.
Тучи сверху на влажную землю угрюмо глядят.
По стеклу запотевшему капли устало бегут.
След хотят за собою оставить. Никчемный труд.
С рамы падают вниз — и дороги назад уже нет.
А Прохлада нещадной рукою стирает их след...

* * *

Как много в этой жизни было боли.

Как много в жизни было неудач.

И я бы рад их все забыть - но не видать мне воли,

Если не память - верный мой палач.

И вот однажды выявил я средство,

Что пользуется гуляющий народ.

Долой все отговорки и долой всё лицедейство-

Нет памяти у тех, кто водку пьет.

Ну что же делать, коль такое дело?

Решил себя я водкой угостить.

Гляжу - и разум задремал, и разогрелось тело,

А мы ведь только начинаем пить.

И понеслась жизнь как на карусели:

Весь день мечтаешь только об одном.

А как доделал все дела - за стол толпою сели.

Сидим, гудим, поём да водку пьем.

И каждый день всё веселей и легче.

И, как поведал мудрый нам Хайям:

Зачем, коль Истина в вине, откладывать на вечер?

Все сутки напролёт я буду пьян.

Опять пустая тара разобьётся,

А я из полной стану наливать.

Я думал, что я буду пить, покуда сердце бьется,

И горя больше в жизни мне не знать...

.....

Нет денег, нет друзей и нет работы.

Ах, как я мог так глупо поступить?
Хотел я позабыть все беды, горести, заботы,
Но позабыть - не значит устранить.

Так вот каков тот результат искомый,
О коем я не слыхивал извне.
Недаром говорил один мудрец, мне незнакомый:
Отлично горе плавает в вине...

О стихах Александра Сочнева

Философский дискурс автора не оставляет сомнений в его духовных исканиях, здесь и обращение к гуманисту, восточному эпикурейцу Хайяму, и трагические есенинские мотивы, когда почва уходит из-под ног, и надежда, неистребимая великая надежда автора на новые встречи, новые судьбы... Неуёмный человеческий дух обращается и к ангелу, и к бесу, лирический герой автора в разлуке с самим собой, и только воля удерживает его на краю жизни, на краю бытия, но парадокс- разлука рождает и новые стремления, и веру в свои силы, новый образ самого себя, и демиургические переживания... О одиночество, ты великий творец!

Мартин Иден

Сергей Сумин

Поэт, критик, гл. редактор альманаха «Графит»

Представь – лишился зрения – и круто
Жизнь повернулась, а верней – погасла
И все, что ты скопил по дням, минутам
Теперь горит во мраке, будто масло

И резко вдруг повернутые звенья
Цепочки дней вдруг хрустнули как стекла
И дальше потянулись поколенья
Существованье медленно и блёкло

Нет, лучше не гадать и не перечить
Полету лет – и что случится – видеть!
И как земля распахивает детям
Ворота рая, лето жизни выпить

А если свет и тьма равновелики?
А если тишина и гул сольются?
И с темных досок золотые лики
Глядят на нас, пытаясь улыбнуться.

Пока зеленые не пели
А красные устали петь
Чуть-чуть затихли, присмирели
А лучше б сразу умереть

Окно открыто, свет неясен
Любви или не было иль нет
И жизнь – томительно-прекрасна
И свет, стихающий, но свет.

И все летело и сияло
И кто-то тихо плыл и пел
И что та песня обещала?
И кто был тот, что жил и пел?

Сквозь бабочку проглядывает время
И в сад несется, усмотрев угрозу
Но летнее не утомляет бремя
А тихо шепчет про вино и розу.

Зайду, пожалуй, на скамью присяду
Увижу снова бабочку ограды
Пускай я гость, но большего не надо

Я восхищен, и нет другой награды

Что мы сидим? Ведь и у нас есть крылья
Лишь сон нейдет, в котором мы летаем
Избавившись от гнета и бессилья
Парим свободно, возродившись в мае

Здесь сотню лет назад цвела Самара
И девы тут примеривали платья
И в ту эпоху бала-маскарада
Ворота - бабочка, раскрывшая объятия.

Если что спросил волшебный Гудвин
На себя переводить не стоит
Лучше затеряться, пьяный Урфин
Солдатню древесную построит

И когда неведение бликует
И полки штурмуют кромку леса
Я пойму вдруг, наш столяр тоскует
И толпу ведет без интереса

Быть вождем – нелепая отрада
И ведомым – слабая защита
Это никому вообще не надо
Нитками подгнившими подшито

Если быть – то быть первопроходцем
Проходя по снегу в рост сажени
И таким свободным иноходцам
Не нужны ни цели, ни мишени

Стихи для А.Горенко

1.

в саду где затемненная рука

играет вальс любви наверняка
как в том раю где ветер снов утих
и где танцует воздух, тонет стих
в протянутой ладони черный снег
играет вальс уставший человек
мелодия так дивна это сон
нежнейший голубь, листьев перезвон
в саду любви где ветер имена
вышептывает тихо – ты ли? Я
весна играет в крыльях голубых
и голубиных, легких, молодых
поток звенящий, легкий водосток
я жил там год, но более не смог

2

в лесу есть некто кто меня зовет
громадный свод отвесный небосвод
в его глазах внезапный явлен мир
как листьев хоровод, осенний пир
восторг невинен снова и везде
я вижу отражения в воде
он говорит, его слова тяжки
как гири, как огромные мешки
зову его, не видя долгий час:
зачем я здесь? а ты один из нас?
с ответом медлит темный проводник
и в зелень лета прячет тайный лик
здесь тишина преступна и пуста
как ветви облетелого куста
но голос вновь, и он зовет меня
брошаю все, бегу в кольцо огня

3.

какой в апреле праздник, маскарад?
слоны идут, слоны идут назад

х-хромосомы, мамонты-слоны
куда они идут? не знаем мы

когда они пройдут, решимся мы?
зачем нам дом, зеленые холмы?

отныне ложе нам – утихший сон
и шелест ног, идущих в унисон

зачем оврагу – ветер? свет – земле?
к чему нам свет, огонь - родной золе?

мы будем дети, дети, но потом
теперь же ночь и дождь, уставший гром

слоновий ход почти что миновал
в апреле будет праздник будет бал

4.

Свет начинавшейся немоты
Режет утра картон
Медь воссияла, горят цветы
Снова будет погром

Лето вернется уже на днях
(Нам приносили плеть)
Только встречать его – долгий страх
Как в подземелье петь

Желтые вены цветов в саду
Вмиг удивленных лиц
Можно ли верить в любовь одну?
Или в небесных птиц?

Тьма улыбается пустоте
Сыплет черный крахмал
Кто только это берет себе
Тот говорит: познал

5.

Это неведение напоминает смерть
Блики огня бесятся – не успеть

Их сосчитать, что ж, соберем немоту
И подсчитаем высоту-долготу

Ветер в ладонях пробует улететь
Ветер тревоги, снов ледяная плеть

Версий огня сотни – он многолик
Он накопитель смыслов, любитель книг

Чтобы пропела молодость не моя
Долго глядеть надо на острие копья

Бездна раскрыла зев, долгую пасть
Нет вариантов – взлететь, не упасть

Ветер молод, бьется в ладонях свет
Я говорю? не я? снова и да и нет

Версия человека – огонь оставляет прах
Версия ветра – мы походим на птах

Это немного лестно: огонь и я
Я улетаю, небо возьмет меня

Зачем молчание горит?
Ручей скрипуч и стыл
Мой давний пращур говорит
Горой большой застыв

Но лес покоен и несом
Волнением в крови
И жизни пустотелый сон
Приводит всех к любви

К чему надежды ураган
В неизвестной ночи?
Слова – спасительный капкан
А потому - молчи!

В моем начале мой конец...

Т.Элиот

В моем начале скрыт уже финал

Каких бы я ответом не искал
Я жив сейчас, хотя по сути, мертв
Старуха время ищет новых жертв

Круг времени разъять не суждено
Смотрю на жизнь в открытое окно
Но что я вижу? Стену или дверь
Закроет ли кто перечень потерь?

Листва молчит, ответа не дает
Что будет дальше? Пламя или лёд?
Но знает свет и понимает тьма
Что мир огромен, прочна тишина

В моем начале скрыт уже финал
И сколько б я ответов не искал
Есть жизнь и смерть, начало и конец
Но что над ними: жезл или венец?

О творчестве Сергея Сумина

Философские размышления — это всегда размышления на грани: на грани знания и незнания, на грани противоположностей, это попытка соединить прежде несовместимое, перекинуть мост между мирами. Стихотворения Сергея Сумина - тот самый мост, сотканный из образов. Но путь по нему содержит сомнение, какое-то чувство тревоги или неопределенности, и потому вырываются новые вопросы, порождающие новые образы. Движение не дается без усердия, словно пробираешься через заросший лес из образов. Возможно, это то место, докуда еще не добирался человеческий разум, чувствуется дух первопроходца. И вместе с тем в стихотворениях присутствует стихия огня, как угроза, способная уничтожить эту естественную природную красоту. А что или кто скрывается в этом лесу? То в одном, то в другом стихотворении мелькает ответ на этот вопрос. Там есть некто, кто зовет меня. Там играет музыка любви. А ветер – символ времени, несется туда сквозь ворота раскрывшие объятья. Это ворота в рай. Самое страшное на этом пути – ослепнуть, не видеть свет. Ведь свет – это яркие эмоции жизни. Они вот-вот угаснут, как будто бы тратятся на слова и образы, сопровождающие жизнь. А потому их стоит экономить, чтобы достичь по истине желаемого.

«Слова – спасительный капкан / А потому - молчи!»

Ильдар Листопадов

Геннадий Сутковой

Студент 4 курса юридического факультета Волжского университета имени Татищева. Для него стихи – это не простое выражение чувств, это «дверь» в особый мир фантазий. Он пишет и читает стихи с наложением их на музыку попадая в бит- рэп. Занимается баскетболом.

ХРАНИТЕЛЬ ЗНАНИЙ

Сквозь время, сквозь года,
Стоит истории свидетель.
Он не молод и не стар,
Это останется в секрете...

Все слышал он, все ощутил,
Умирал, когда горел весь мир,
Под летним солнцем расцветал,
А ночью в поднебесье он мечтал
И в тиши спокойствии земном
В даль отправиться по ветру лепестком...

И мудр он, и честен и правдив,
Он есть история земли...
Ему ни шепотом сказать, и не закричать,
Только листья опадают и распускаются опять.

СЕДЬМОЙ ОСТРОВ

Обдувает легкостью без
штормовой
Властитель солнца, волн и неба,
Седьмой по счету берег
островной

Чему завидует богиня Феба..

Идет борьба границ у моря
За эйфорию чувств бесценных,
И кажется все время спорят
Сколько в них сердец там
пленных!

Но их ценность всех нас греет,
А я смотрю в просторе воли
На нагретый солнцем золотой
берег
И прозрачный с тайным миром
море...

ЗАБЫТАЯ СПОСОБНОСТЬ

Пронизывает холодом сознание,
Окоченели руки от мороза,
Огонь уже бессилён в этом крае
Последние слова приятные
сказали.

Здесь настигла участь всех,
От бедного бродяги до амбала,
Нависла на законе - единица треф!
Совести утрата, результатом стала
кара.

НЕПОКОРЕННЫЕ ВЕРШИНЫ.

Несокрушимая броня
обволакивает скалы,
Кузнец ковал для вечности
защиту,
С конца земли напротив, видны
два великана,
И взором их весь путь просчитан.

Истина познания мира, таится на
вершинах,
Одно из множества сокровищ
потаенно ждет.
Ее почти не видно в облачных

перинах,
Только крохотный просвет нам
всем дает..

Слух и ложь скитаются в
подгорье,
И я борюсь, бросая громкий клич!
О чистой правде, будто
посторонний,
Что до нее надо добраться и
достичь!

ПЕЧАЛЬ

Любви взаимной в мире нет
В том объеме чувств, ее не
существует,
Что драматург, писатель и поэт
Изображают с древних лет...
Роль играют золото, монеты
Девушки внезапно нежные
кокетки...
Печаль в груди сжимает сердце,
Что только корысть не надежда,
Питает любящих людей..

23:23:16

Правда лезвием меча пронзает
тело,
Пелену убрали с моих глаз..
Секунды циферблата она
остановила,
Вспыхнув пламенем, мой дух не
гас!
Может больно, может стало легче
В этот миг стоит осознать,
Борьба огня и льда яростно
бушует,
И только воздух помогает мне
дышать..

О стихах Геннадия Суткового

Застывшее мгновение души-23:23:13... Некий пифагорейский смысл скрывается к этих строках, как тургеневское ощущение беды в белых стихах,, и признак меча-правды освещает внутренний мир автора, в архетипе героев которого застыли протуберанцы минувших эпох, и остановившееся время, и вихрь событий, что-то тревожное, надмирно-блоковское звучит в строках о «просторе воли», о золотом берегу своих наитий, и тут же горькая ирония рисуется единицей трэф напрасных и опасных надежд, а автор всё ищет истину в жизни, в смерти, в любви, как Жак Паганэль, ищущий неизвестный остров капитана Гранта, во многих знаниях которого многие печали ...

Мартин Иден

Мария Тарадова

Прозаик, художник, член литстудии

Волжского университета имени В.Н.Татищева, выпускница юридического факультета ВуиТ, специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности». Иллюстрировала альманах «Графит». Публиковалась в изданиях: «Город», «Графит», «Между строк», «Стрежень». Финалист международного конкурса «Новые детские сказки — V».

Крылья

Она жила на окраине города где лето еще могло вдоволь наиграться с изумрудной листвой развешивая влажное дыхание дождя по веткам стройных берез. Легкая дрёма земли словно увлекала за собой весь остальной мир погружая летнюю жару в непревзойденную безгласность. Все так же летали бабочки но теперь они казались всего лишь бликами на цветном ковре палисадника. Приветливо качались березки в утреннем тумане притворяясь заколдованными девицами. Передразнивая хозяйку?

Её бетонный кокон глядел прямо на буйное пестростишие сада. Удобно было

сравнивать красочные иллюстрации из энциклопедии с живыми цветами. В жару она слышала как землеростные души звенят от напряжения. Хлесткие этюды дождя при открытых окна обглаживали комнату до кровати сердцевины создавая впечатление бурного моря. В такие минуты она боялась покидать скрипучее ложе словно под ногами вились пенные волны. Грозные ночи особенно уютно было посвящать чтению книг нелепых сказок или легенд. И засыпать на полуслове вливаться в мягкое повествование под раскаты грома. Крепче всего спится когда снаружи хозяйничает буря дом словно сжимается до древесной духоты пытаюсь сохранить кусочки тепла. Кажется что следующая молния стрелой ворвется в пыльный мрак комнаты. Этого момента боишься но как будто в тоже время ждешь с нетерпением...точно перезрелого яблока с ветки. Иногда она зажигала свечи. Белый караван на исчерченной столешнице улаживал взор восковым плачем трепетом беззащитного огня. Чудилось что за окнами тени бродят просят на ночлег. «Мы к тебе. Мы за тобою!» - это всего лишь ветер шутит. Она не спит а тает в свечном переливе. Зато утром какая благодать! Раскрывать окна впуская остатки ночного озноба в серость четырех углов и тихонечко танцевать под трели просыпающихся птиц пока дом еще полон волшебством. Никто его не разогнал торопливостью капризами ссорами...Верно смеялся Антоша: «Мир твой — теплица не более». Его внимание редкость как бриз с моря спешащий. Даже летом старший брат хронически занят постоянно тревожит дисковой телефон. Возится с бумагами и спорит с домработницей. Амалия Карловна здесь скорее царица домашнего хозяйства ухаживающая за птицей да держащая в подчинении весь дом. Горластее ее только Женька тоже старшая но в голове ветер гуляет. Непоседа поскакушка хвастающаяся огненной гривой. По идее она должна сидеть с Лией заботиться о ней ибо сестренка и вправду домашний цветок. После злополучной аварии робкий мираж в повзрослевшем мире. Но Лия интересна только Амалии Карловне будто вечный цыпленок живущий под опекой. Как легко порой превратиться в куклу...объект жалости и вины. Порой в голосе старших особенно ярко полыхали нотки боли. Хотя сама девочка была лишена этого чувства. Наверное потому что видела глубже...А ведь два года назад вряд ли она смогла бы предсказать такой штиль. Хористка и без году выпускница...Лия выбирала по каталогам праздничное платье и краснела услышав одно заветное имя. Девочка загодя поставила на уши весь дом. Старший брат вечно занятый Антон едва успевал улавливать полет девчачьих мыслей поданными под соусом очередного каприза. «Это у нее от первой любви крышу снесло. Ты не обращай внимания» - отшучивалась Женька студентка иньяза и хроническая чудачка. Ее скромный чемоданчик редко отдыхал от поездок, а стол ломился от тяжести словарей. По графику между учебой дурачеством и покатушками рыжая непоседа успевала заниматься переводом неказистых дамских романчиков на русский язык. «Когда ты в одиннадцатом классе влюбилась все закончилось путешествием на Кубу в разгар выпускных экзаменов» - ворчал брат не вылезая из мира графиков и финансовых отчетов. Сестра лишь пожала плечами. Как тут возражать генеральному директору...

И надо же именно в это промежуточное время случится грозе. Она ехала на всероссийский конкурс хорового пения, вместе с классом. Жаркий денек, апрель-чудак глядел в автобусные окна солнечным светом. Лия сидела рядом со своей закадычной подружкой, вечно смеющейся Таней. Они всю дорогу играли в одну тайную игру. Называлась она «Сочини руками стих про любимого». Нужно было жестами рассказать, как он, твой возлюбленный. Первой жестикулировала Лия, сбивчиво указывая пальцем, то на законное небо, то на свои глаза, а потом вовсе стала изображать какие-то завихрения. «Ураганный, что ли?» - хмыкнула Танюшка косясь на задние сидения, где группа мальчишек, что-то бурно обсуждала. «Сама ты ураганная!» - у Лии же не хватало смелости обернуться в ту сторону. Слишком уж волновалось сердце, пульс ощущался в области затылка как трепещущая струна. Вдруг буянившая ватага парней решила разбавить путевое ожидание согласным пением. И выбор их в тон весеннему сезону пал на старинную заморскую песню. *Ev chistr 'ta, laoc*, увлечение фольклерным мейнстримом было вполне естественно для всего коллектива. Лия же щеголяла тем, что при помощи старшей сестры сумела грамотно перенести русский перевод на ноты. Но сейчас это не главное... Главное..., как там в песне? Любите своих девушек. Поистине весенний призыв. Грянули басом, даже стекла затряслись от ярых, кельтских напевов. «Хвастуны!» - зашебетали девчонки, наигранно изображая недовольство. А Лия же густо покраснела все-таки взглянув на голубоглазого запевалу. Может быть эта песенка посвящалась именно ей... Не суждено узнать. Последнее, что она запомнила перед той аварией была улыбка Димы. А дальше... Ничего. Кроме резкого столкновения, криков и тьмы. Дальнейшее восприятие напоминало жесткую смену ракурса, когда смотришь на хор со стороны зрителя... Лия иногда наблюдала за репетициями из глубины актового зала, примеряя роль слушателя. Но хватало ее не на долго, подобное наблюдение было слишком открытым удовольствием. Приятнее всего было стоять во втором ряду, прислушиваясь к его дыханию... Ощущать волнение Танюшки пальцами, подружка будто вибрировала выдыхая слова как порывистые лозунги. Теперь же Лия снова стала зрительницей. Пребывая в глухом коконе, точно после кантузии она видела как в голубом мерцании неизвестного ей пространства проявляется чередующаяся белизна карет скорой помощи. Старинная кельтская песня тонет в истошном вопле сирен, становясь звуковой пыткой. А те кто пел уже лежали вереницей на носилках. Черная полоса, когда тело накрывают тканью, чтобы не видеть смерти, эдакая черточка поверх лишнего слова. Будто паря в воздухе Лия поочередно выкликала имена друзей. Но ответить было уже некому. Лишь одно звуковое обозначение еще не утратило силу в этом мире. «Лия!» - сестра молнией огненной бросилась к белому призраку, лежащему на кушетке. Забавно, но девушка не узнавала свое лицо. Она вообще не соотносила себя с этим телом. Зато Лия особенно четко различала цепь зреющих событий. Именно тогда, за булатным спокойствием брата она разглядела едва заметную тень. Та кто увела ее друзей, уже стояла за плечами Антона. Лия даже слышала диагноз, голос врача, будто несозревшее будущее раскрывалось перед ней. Рядом с Женькой наоборот крутился золотой клубочек.

И сколь реальна была скорая смерть растущая из мужского сердца, столь же явственно рядом с девушкой стояла невоплощенная жизнь. Лия понимала, что равновесие сие неустойчиво по своей природе. Антон еще не был болен, вернее сказать недуг еще мог отступить. Женькин малыш мог родиться, а мог и умереть. По крайней мере Лия видела несколько возможных вариантов. Это все, что она запомнила из своего недолгого парения. Но и этих крупниц было достаточно, для одной просьбы. « Я могу вернуться?».

После той аварии в которой погибли все ее друзья Лия стала особенно явственно осознавать необходимость своего ухода. Необходимость крыльев временной опеки над домом семьей пока не достанет сил выкупить их благополучие. Разве не ради этого она навеки замолчала. Разве не для этого превратила свою юность в тепличное существование. Все правильно. Кому-то нужно защитить Женьку когда она придет домой с округлившимся животом. Антон ведь сгорает на работе не в силах бросить отцовское дело столько детдомов на попечении подумать страшно...Где им взять столько сил. Обидно все же до слез жгущих веки что станут они для нее ничейной травой. Больно терять эмоции привязки людские дрязги клочки и черепки прошлого из коих произрастают думы твои. А может и крылья. Лия часто воображала сколь быстро будет лететь над садом полем люпинов живущих за оградой. Будет ли легок ее полет? В любом случае она знала что рано или поздно ей придется улететь. Покинуть своих домочадцев сколь сильно бы она их не любила. Просто крылья еще не прорезались и кто знает когда случится это событие. Лия считает что нескоро еще год успеет обернуться сад окрепнет после недавней засухи.

Поздний завтрак...А до него всех взбаламутила Евгения прилетев из турне с распухшими от подарков чемоданами. Вроде бы начинались ее покатушки с Испании, а закончились на острове Свободы. Антон привез сестру домой и покорно таскал ее багаж, точно дел у него других не было. Амалия Карловна причитала: «Ох, да что ж ты не предупредила! Я бы пирог...». Женя вместо ответа звонко рассмеялась и вручила домоправительнице яркий маракас. А затем стремглав рванула разбирать уже пригнездившиеся у дивана чемоданы. В гостиной вокруг дивана теснился целый караван разномастной поклажи. Тубусы скатывались с круглых коробок, увлекая за собой причудливые свертки, откуда выглядывали упаковки конфет. Из полурасстегнутого саквояжа торчал ворох цветных одеяний, а -ля походный набор кабаре с обилие перьев и блессток. Самое смешное, что багажник вздохнул лишь на половину, а на заднем сидении валялась какая-то ручная мелочь, в бумажных пакетах. Антон туго засучил рукава и убрал смоляные пряди в хвост, терпеливо следуя указанием Женьки какую поклажу надо принести первее. Лия попыталась было помочь ухватившись тонкими руками за одну из спортивных сумок, но сил хватило лишь на то, чтобы доволочь ее до порога. «Не дергайся, Ли, я сам — брат ловко забросил поклажу на плече громко обращаясь к домоправительнице — Амалия Карловна, накройте нам через часик». Женщина тоже хотела было помочь в чемоданном деле, но Антон был непреклонен, строго выговаривая шустро

скачущей туда-сюда Жене: «Дорогая моя, я конечно понимаю, что в честь того, что ты у нас умница и великая добытчица гранта от университета, можно обогатить нашу таможенную дутой пошлиной... Но хотя бы ради приличия возьми хоть бы один чемодан в рученьки». «Я без года аспирантка — бюджетница, мне можно перед дипломом и полентяйничать!» - Евгения торопливо раскладывала на диване какие-то наряды причмокивая языком. «Брата-то загоните!» - сокрушенно сказала Амалия Карловна торопливо возвращаясь к кухонным заботам. В знак согласия Лия подняла руку, салютуя сказанному слову. Словно просыпаясь ото сна Женька разом перечеркнула ситуацию. «Баста! Остальное я все равно ребятам в испаноязычный клуб повезу! Как раз через пару часов Семен придет!» - заявила девушка расправляя в руках белую рубашку. «Надо думать на самосвале подъедет?» - не без иронии поинтересовался Антон кидая на диван пакет с огромными леденцами. «На фуре! - ловко парировала Женька — А теперь чур разбирашки!». «Это без меня! У меня сейчас селекторное!» - Антон поспешил убежать в кабинет. Евгения бросила ему вдогонку: «Ну и иди! А мы красоту всякую мерить будем!». Лия радостно взболтнула ногами сидя на одном из чемоданов.

Женька долго возилась с платьем наряжая сестренку точно куклу. Многовато обновок для этой комнатки. Маракасы будто перезревшие плоды валяются под ногами обиженно откликаясь на неловкое движение хозяйки. Карнавальные перья по белизне напоминают снег укрывший пружинную кровать. А уж от обилия блестящих мелочей болят глаза Женька то и дело поправляет свою огромную шляпу. «Ты прямо как живая беседка» - засмеялся брат стоя в дверном проеме. «Погоди мне! И тебя наряжу! Вон костюм тореадора лежит!» - хихикнула рыжеволосая хитрюга поправляя пышные рюши платья. Наряд беспокойной Кармен был явно великоват для хрупкой Лии. Парадное дефиле закончилось неудачным спотычком ибо тяжелый подол мешался под ногами. «Эй! Карменсита! Что же ты падаешь?» - рассмеялась старшая сестра помогая Лие подняться. «Неудачного персонажа выбрала...» - критично отозвался Антон помогая сестренке устоять на ногах. Девочка уткнулась затылком в могучее плечо вновь наступив на длинный подол. «Зато наряд красивый!» - хихикнула Женя выхватывая из коробки широкополую шляпу укротителя быков. После долгих уговоров девушке все же удалось приобщить покровителя дома к своей карнавальной братии. «Ты опять с размером не угадала! Я же согнуться боюсь!» - смеялся Антон поправляя постоянно сползавший головной убор. «Ну совсем чуть-чуть...» - неохотно согласилась сестра застегивая пуговицы на жилете. Лия с улыбкой наблюдала за мышинной возней развернувшийся среди полу разворошенных тюков. Сначала пестрящее шутками действие казалось ребячьей игрой... Повторение пройденного так сказать... Но когда вертлявая Женька поправила последнюю петельку на слепящем взгляд костюме откуда-то из подпола проскользнула непрошенная мысль. Словно коварная воронка стремящаяся утащить надуманное веселье. Яркий наряд выявлял первые признаки старения. Осунувшееся лицо, слабая улыбка, думающая складка на лбу.

Слишком явно подчеркнутое увядание...За внешними признаками тут же выскакивали внутренние. Чернота зреющая за спиной. Лия старается не замечать этот контур можно подумать что сие панацея. Но нет...Ведь даже дом в такие минуты уподобляется пересыхающему пруду где звук драгоценная редкость. Лия слышит как за окном в раннем смаковании жары еле слышно шуршат деревья.

Улыбается...Сегодня за завтраком весело. Женька нарядилась будто на карнавал и еще пританцовывает с тарелками супа в руках. «Fiesta!- ложки звенят в тон. «Я приехала! И по сему быть вечером ужину праздничному!» - смеется сестра поправляя рубиново-зрелые ягоды тяжелых бус. Лия в плену сковывающей немоты может лишь улыбаться в ответ. И улыбка ее похожа на солнечный блик подаренный осенним утром. На цветной камушек в сером песке. На конфетный запах в замкнутом пространстве. Охалка тюльпанов ложиться на стол теряя росу. Антон привычно болтает по телефону ограничиваясь лишь общим словом «привет». Высокий точно тополь среди цветущих яблонь а глазами стареющий ворон. Голос низкий грудной ...верно дрожь земная перед бурей. Женька рядом с ним аки заря брызжащая острой медью. Поджарая хоть в полях на бег переходит чтобы шальной стрелой обратиться. Лия же где-то по середине, чернокосяя и зеленоглазая, хрупкая словно ранний ветерок силящийся потревожить дубравы. Нынче так легко, будто весь мир открыт перед тобой. И такое пугающее спокойствие внутри, как будто осталось лишь шагнуть в летнюю страду...Разлиться небо над этим пристанищем и все болевое, тянущее вниз бессильно отступит пред тобою...После завтрака брат с сестрой чрезвычайно резво разлетелись по своим делам, подарив младшенькой пару поцелуев в лобик, словно оберег.

В блаженном безделье она гуляла по саду думая о предстоящей зиме которая теперь казалась выдумкой завистников. Наверное уже в ноябре белая пушистость станет главным смыслом этого уединенного местечка. И засохшие призраки былого цветения станут уродливо выглядывать из ранних сугробов пробуждая ощущение бессилия в замерзших руках. Ну а пока хотелось собрать пышный букет летних впечатлений от птичьих трелей до круглоблости ранних яблок и замариновать их в пузатую банку — предварительный подарок на рождество. Благолепно кивали пионы и девушка присела рядом с ними на пробковую дорожку любясь белыми лепестками. Невзначай попробовала повторять внутри себя стихи. Странно все же...На яснооких вирши Пушкина пионы реагировали едва уловимым трепетом. Нежные мотивы есенинской лирики будто усыпляли их. Когда же Лия вдруг зачерпнула из памяти стусеванные строки даже не помня автора: «Могучий взор смотрел ей в очи. Он жег ее во мраке ночи...» и следом порывистое «Как пери снежная мила» цветы также тихонько начали клониться к земле. Жалуюсь или тоскую от стихотворной заповеди...Лия испугалась такой перемены словно она сама начала незримо чахнуть вместе с нежными цветами. Мысленно ища светлую зацепку она аккуратно погладила пушистые головки пальцами. Над свежим днем неожиданно громко прозвучало: «Вы дружите с

цветами?». Голос незнакомый раскатистый точно сучающее эхо в пещере. Среди душного островка клумб возвышалась монументально — грозная тень. Как дико что она приняла незнакомца за черного духа — бродяжника потерявшего свой дом. В следующую минуту наваждение развеялось и призрак оказался высоким господином ровесником брата. Слово «господин» возникло само собой ибо самое незначительное движение виделось приказом скрытой волей... Взгляд похожий на дождь сверкающих кинжалов и Лия не могла увернуться от этой разящей силы сердце будто коснулось душистого дна коробки с пряностями сладко сгорая и тут же устремляясь к невнятной черноте. Она зрела где-то внизу живота расплывалась от фиксированного внимания. Аромат цветов перебил маятник жесткой мяты и тмина жгущего ноздри. Этот ореол вязкости медленно заползал под камушки навесы зелени пыльное крыльцо. Черные глаза остекленевшая буря с огоньком начинающегося пожара. Почему он улыбается? Девушка слышала напряженный звон наверное сад взбунтовался против чужака ... Или от чего вдруг такие мелодичные звуки сплелись в сумасшедший лязг. Из дома волчком выскочил Антон держа под мышкой папку с бумагами. «А! Линар! Рад тебя видеть! Не ждал!» - брат спешно поздоровался с гостем. «Обещание дороже денег. Собственно по этим вопросам я к тебе приехал. Осенью ведь опять по командировкам пропадать будешь» - слегка укоризненно отозвался Линар. «До завтра останешься? Как раз отчет из филиала придет. А сегодня я бумаги просмотрю» - голос спадал до хрипа. Торопливость застряла в нелепых жестах. «Конечно. Куда я денусь» - взгляд упал к ногам Лии. Обожгло как в морозный день огнем по спине. Девушка не спеша подошла к брату и точно подавляя пробивающийся страх обняла его. Антон вздрогнул словно возвращаясь из внутренних волнений в реальность. «Что ты Ли? Я скоро приеду. А Женька вообще тут же обернется. Проследи чтобы она Амалию Карловну не вздумала наряжать!» - теплая рука мягко разомкнула объятия. Линар сладко улыбнулся подчеркивая тем самым позицию наблюдателя. Девушке захотелось спрятаться от этой улыбки и она по — детски порывисто отвернулась. «Милый птенец» - мягко отозвался гость оценив увертку. «Младшенькая...» - растерянно сказал Антон погладив сестренку по голове. «А это ваш соловей?!» - шпилька учтивости в диалоге но звучит странно. «Наш соловей молчит. Авария. Ехали с классом на всероссийский конкурс» - мужчина побледнел словно возвращаясь в тот раскаленный день. «Как зовут такую милую мадмуазель?!» - гость поспешно сменил тему стараясь загладить случайно брошенную фразу. «Лия» - ответил брат касаясь губами теплой макушки. Линар нагнулся к притихшей девушке словно через именной маячок пытаюсь подобраться к мыслям притихшего «соловья». Лия захотела отступить к садовой прохладе, скорее спрятаться от этого жалящего взгляда. От бессилья вновь прижалась к брату и Антон будто бы понял волнение девушки глядя в угольные глаза Линара. Но внезапно на встречу летнему деньку выпорхнула дико разряженная девушка, тараторя по пути немыслимую скороговорку: «Антон, доведи! Срочно надо! Тебе все равно в город!». И на этой цепочке повторяющихся слов началась кутерьма из скользких упреков: «Я только через полчаса собирался, ко мне коллега

зашел...», «Ну раньше поедешь!». И тысяча инвариаций на эту же тему завертелась в воздухе, как рой пчел. В конце концов Антон сдался, извиняющиеся обращаясь к Линару: «Видишь, какая спешка?». Гость бархатно улыбнулся, словно растворяясь в брошенных словах: «Ничего страшного. Я прогуляюсь по городу. Надо же когда-то отдыхать». И словно в мультяшной сценке, все персонажи легко сорвались с места, вновь оставляя дом в блаженной тиши. Лия почему-то испуганно сжала руки на груди, пытаясь отогнать навязчивое волнение...Как-то все слишком быстро, как на галопе в неизвестную сторону.

Рассеяно следила за отъезжающей машиной потом словно следуя веревочной подсказке направилась к занятой домохозяйке. Любые гости для Амалии Карловны были вроде снежного завала. Вот и сейчас она пребывала в хлопотах гремя столовыми приборами. На бумажную просьбу: «Я схожу к фонтанам?» бросила лишь наставительное «Ветровку накинь». Удивленная столь легко добытым разрешением девушка взяла с тумбочки пуховую паутинку сестры оставленную на случай вечернего променада и поспешила покинуть взволнованный дом. Город жил буднично не замечая появление одинокого персонажа. От обветшавших домов пахло гнилью недостаток реставрации тоже болезнь. Лия все еще ощущала слабую дрожь будто волновались струны лютни. Но пройдя пешком один квартал немного успокоилась пряча нос в пушистые узоры шали пахнущие приторными женскими духами. Название вроде... «Сеньорита!» - крикнул проезжающий на велосипеде мальчишка корча уморительные рожи. Лия звонко рассмеялась и смех ее уткнулся в золотые луковицы церкви.

Свечка долго не загоралась трижды затухая в руках...Долго смотрела она на отражение огненных цветов аугающеся из стеклянного обрамления иконы. Неупиваемая чаша...

И внезапно кто-то заглянул в ее спокойствие как будто вознамерившись похитить тайную молитву. Свечка капнула слезой заостряясь подобно маленькому копыю. Кто-то стоял сзади смотрел сквозь нее сквозь белые стены церкви сквозь свечное марево. Все мысли затрещали от этого взгляда. Но мираж быстро рассеялся. Переступая порог церкви Лия все еще ощущала себя целой...Кто бы знал что последний ее шаг утонет в мареве совсем другого мира. Унылый перелив города расцвел золотом. Но по вкусу какая фальшь ибо старые улочки даже сквозь дурман ныли зловонием. Лия уже хотела убрать рукой навязчивый мираж как вдруг по картиночно-сладким перспективам прокатился дружный смех. Июньская пора затрепетала от бурной радости молодых людей. Красные ленты — знак отличия хотя бы на один день. Сколько бравады в детских...неокрепших от наивности рассказях. Вчерашние школьники не успели повзрослеть за один день. Все тот же выпендрож и перестрелка остротами изредка ласковые воспоминания об общем детстве. Цепочка из рук да еще шарики на запястье почти драгоценное украшение. Выпускное платье в шампанском...И кажется у

одной из смешливых девушек сегодня первое свидание. У ее подруги слетает туфелька очень страшно ее потерять. Одна из прелестниц влюблена...милая хористка ей бы петь о своем чувстве. Да только в горле пересохло. От усталости или просто он слишком близко...обернуться страшно. В этой девушке Лика узнала себя. Потерянную гордость гимназии почти медалистку. А ведь эта была ее мечта. За год до окончания школы...она умерла. После аварии не было сил вернуться в школу...немой дикаркой потерявшей все привязанности. Лию страшили не учебные нагрузки или смешки о ее неполноценности. Скорее терзала пустая папка с нотами. Закрытый класс пения...куда будет страшно зайти в гости. И за соседней партой будут сидеть другие люди. А она будет помнить тех друзей...ту веселую поездку. А еще звук амбулаторных сирен...«Какая дивная картинка» - голос завибрировал низко будто поднимаясь с земли. Лия не побоялась обернуться. Лианар улыбался...Она ни капельки не удивилась увидев сего персонажа. Почему-то от него пахло порохом. За спиной же плавно выростали две черные горы...видимо крылья. «Хочешь туда? К ним?» - спросил Лианар прислушиваясь к болтовне молодых людей. Вопрос с двойным дном. Лия отрицательно покачала головой пытаясь найти слабую точку миража. Но увы воскресшая мечта плотно прицепилась к восприятию. «Зачем же так быстро отказываться? - настаивал Лианар — Разве не об этом ты мечтала?». Юношеский смех звенел практически за спиной. Лия побоялась обернуться...искушение уже липло к спине. Она закрыла глаза едва заметно качая головой то ли отвечая на вопрос то ли отгоняя видение. «Странно. Ведь разве ни к этому ты так рвалась...и не об этом утраченном моменте мечтала лежа на больничной койке?» - мужчина улыбался медленно подходя к испуганному ребенку. «А взамен я лишь попрошу отдать мне зреющие крылышки»- елеинно озвученные слова больно ужалили. Лия вдруг поняла к чему тянулся этот разговор. Отпрянула резко проваливаясь в явь из ловко сплетенной приманки. Церковь все так же оставалась за спиной как оплот уверенности. Город истратил всего пару секунд времени пока девушка находилась под властью напускного дурмана. «Пошел вон!» - мысль почти обрела звук. Ярость брызнула беглой прохладой отражаясь ветром по притихшим деревьям. Лианар не дрогнул но тень злобы проявилась на лице в виде сиюминутного оскала. Впрочем демон быстро зачерпнул нужную мысль из девичьей рассеянности. Смакуя полудетскими порывами мужчина нараспев произнес издевательски дребезжащую фразу: «Мнишь себя защитницей...Ну надо же...Какой резкий перепад настроений. А что за песенку ты пела год назад? Накануне игры в молчанку». Новое видение молниеносно выросло перед глазами настолько реалистично воспроизводя ушедшее прошлое что даже дышать было страшно. Мягкими касания прорисовывался уютный домик балующийся чаепитием. Мятный запах больно щекотал ноздри. Белеющее спокойствие лилось из кухни где отдыхали брат Антон и Женька. Спокойствие разорвала внезапно ворвавшаяся в блаженную тишь стрела. Загорелая девчушка шалая будто только сейчас вырвалась из объятий дикой пляски или долгой охоты. Резкие контуры тела еще ищут свою окончательную линию. Глаза холодные даже ранняя весна щедрее на тепло чем сие подрастающее дитя. Крикнула порывисто аки молодой

петушок: « Антон! Ты почему деньги на поездку не сдал?!». Брат чувствуя что вот-вот наружу вырвется огненное недовольство попытался смягчить высказанную претензию. «Соловушка, ведь ваш коллектив не прошел в финал. Раз так то зачем зря тратить деньги и время. К тому же пока что наш финансовый лимит исчерпан. Я уже оплатил ваше с Женей обучение и ремонт городской квартиры. В ближайший месяц лучше обождать с крупными тратами» - Антон старательно округлял слова нащупывая ненадежный брод. «Ли! Зачем тебе эта поездка?! Ваша гимназия такую сумму загнула чтобы тридцать человек туда и обратно свозить будто вы на Каннский фестиваль ехать собираетесь, а не на Всероссийский конкурс хорового пения! А мы как раз на морей собирались этим летом! Да и к тому же ты забываешь про обязательства Антона перед фондами» - Женька назидательно кивнула перехватывая эстафету брата. Девушка слушала длинные разъяснения не тратя эмоций ибо все вышеперечисленные причины по ее мнению лишь прикрывали эгоизм старших. «Фонды...фонды. Я всю жизнь это слышу. Зачем нужна эта филантропия?! Из-за парочки детдомов влетаем в лишние расходы. Миссионерство прям!» - желчно заметила певчая птичка. «Что значит зачем?! Лия этот фонд основал наш отец. Еще будучи простым общественным деятелем и начинающим предпринимателем. Это его память, его дело. И маму он встретил в одном из детдомов. Если ты помнишь она работала волонтером...» - плавная речь споткнулась об недовольное фырканье. «Бла-бла-бла! Я эту вашу проповедь слышу едва и не каждый день! Этого человека уже нет в живых! Вы его помните по фотокарточкам в альбоме! А я же его не знала вовсе!» - последнее слово утонуло в хрипе. Возмущение или забродившая обида. Впрочем на тот момент Лия не очень-то стремилась оценить ситуацию. Просто опрокинула чайный поднос словно закрепляя свою правоту действием. Финальный аккорд и девушка так же порывисто ускользнула из объятий уютного домика.

Треснувшая тишина выдавала только одну ноту...Будто свист в голове. Антон обхватил лоб руками пытаясь изгнать прочь звуковую боль. Женька глубоко вздохнула: «Избаловал-таки...». Брат слабо улыбнулся: «Кто же если не я...Не переживай Женчик. Мне бы еще немножко продержаться». Запах мяты стал резким...неприятным. Словно пролезал в болевые потуги. «Ты о чем?» - девушка собирала осколки фарфора на полу. «Так не о чем...Устал наверное...» - прозвучало из белой пелены. Лия еще долго вспоминала эту вскользь брошенную фразу...И черную тень скользящую за братом по пятам. А тот выпад разрушивший спокойствие родного домика...Отражение пришедшее из зазеркалья... «Забавно! Ты уже забыла какой «милой» девочкой была раньше? Так интересно...нагло выбивать деньги чтобы поехать с друзьями...на их похороны» - Линар радостно улыбнулся видно нащупал нужную ниточку. Девушка могла возразить лишь в мыслях... «Я изменилась...» - возражение на уровне школьного оправдания. Ей самой оно показалось ложным...на какой-то момент. «Неужели...Знаешь выше показанная сцена лично для тебя является точкой не возврата. И даже наличие крыльев уже не изменит ситуацию» - демон постепенно растворялся в окружающем мире и от того голос его точно звучал в

голове Лии. «Для меня нет...Но это не важно» - попытка переспорить. Или оправдаться. «С тех самых пор...Конечно. Этот залп эмоций и был твоим выбором» - мурлыча ответила Линар проявляясь за спиной девушки, проводя рукой по плечам. Лия ощутила как к лопаткам приливает волна боли, словно тысяча игл впились в кожу. «Давно ли ты был человеком?» - отозвалось в сознании. Демон вздрогнул, словно кто-то вдруг вытряхнул его из очерневшего кожуха, где он навечно поедает сам себя. На миг умолкнув он, будто взвешивал услышанное и отойдя от внутреннего сна, наполненного воспоминаниями зло ответил: «Так же как и ты». «Уходи и не возвращайся. Уходи и не возвращайся. Уходи и не возвращайся» - Лия повторяла сию петлю, желая связать ею искусителя. «Всего-то? - усмехнулся Линар, лениво отбрасывая эти слова прочь — Это все, что ты противопоставляешь своей темноте?». «Нет ее во мне и не было» - запальчиво откликнулась девушка, чувству как внутри сплетаются боль и страх. Она убежала прочь растворяясь в обрывках молитв, с перепугу все они слились в одну просьбу, а город стал напоминать океан, старея с каждым ее шагом, с каждым вздохом.

Она вбежала в дом точно умирающая буря выкрикивая болезненное: «Няня!». Звуковая волна тянущаяся с губ стала реальной возможностью. Ответом послужили теплые объятия. Запах мужского одеколona и шепот щекочущий макушку: «Соловушка! Что случилось? Мы тебя давно ждем». Антон улыбался...свежий и подтянутый как отстрелявшийся майский денек. В белом костюме хоть сейчас на бал красавиц смущать. Глаза лукавые с поволокой и голос звенит. «С чего бы это тебе вздумалось пропадать в день окончания школы?! Мы уже боялись что с вами что-то случилось» - брат повел девушку на кухню. Дом светился молочным оттенком словно притомился под солнечным взглядом. Из кухни пахло патокой а щебечущая подружка выскальзывала из этой сладости как яркая карамелька в шуршащем фантике. Танюшка выглядела краше обычного кукла куклой. Тут же обняла Лию заговорчески подмигивая. «С кавалером загулялась! А мы-то их с Димкой ищем по всем беседкам да паркам!». «Болтушки! Идите на верх к остальным! Пока что легкие угощения а чуть позже Евгения привезет свой помпезный торт!» - Антон вручил девчушкам подносы с кексами и бокалами лимонада. Лия все еще боялась дышать мысленно выкарабкиваясь из происходящего. Но тактильная определенность сбила ее с толку. Танюшка бойко стрекотала каблучками забрасывая подругу новыми вопросами: «Ну как тебе речь директора? А Щукину видела? Кавалер у нее ничего...Кстати что шептал тебе этот спортсмен из параллельного? В любви признавался? Ох Лиек я ведь за ним весь год бегала!». С этими словами они проскользнули в комнату. Правда вместо веселого чаепития ее ждал больно жалящий свет. И ряд жестко очерченных носилок. Бледные лица с кровавыми подтеками и пустые взгляды. Финал неудавшейся поездки.«О ребята нас не дождались...» - рассеяно сказала Танюшка. Лия уронила поднос...Казалось, что звук разбивающегося фарфора доносится из побелевших тел. Подруга будто услышав чей-то приказ покорно легла рядом с уснувшими ребятами, теряя

летнюю яркость. Из общего безмолвия и статики вырвался едва сдерживаемый порыв. «Встретимся под дубом!» - Дима поднялся с носилок, подобно кукле повторяя лишь одну фразу. Лия ощутила приступ удушья...Боль вернула ее к реальности. Жесткость впиалась в позвоночник. Что-то мешало подняться...давило на колени. Нашупав руками холодную гладкость Лия попыталась подняться. Оказалось что она опрокинула на себя столик с почтой. Конверты разлетелись по полу. Первым желанием было собрать письма. Но из складок платья будто приманка вспыхнула красная печать. И два крепко сцепленных слова... «Онкологический центр». Лия тут же разорвала хрустящий конверт будто пытаясь заглушить тысячу не умолкающих опасений. От волнения непривычный стиль письма распадался на отдельные буквы. В сухом остатке лишь несколько понятных маячков. «Курс химиотерапии», «возможна госпитализация для вашего же блага», «с уважением М.А. Бажев». Заведующий городской онкологией, это имя часто всплывало в разговорах, задевало тему благотворительных фондов, больных детей.

По телу разлился холод и дрожь идущая от плеч спустилась к пальцам. Казалось что внутри разрастается огромная дыра. Из кабинета вышел Антон. Он испуганно подлетел к сестренке, будто поднимая птенчика с земли, бережно и аккуратно помог сестренке подняться. «Ну, что?Что?» - от волнения дрожали губы, ем все казалось, что Лия вот — вот растает в слезных мотивах. Однако испуг скатился с него как с гуся вода, как только в руках сестренки сверкнул распечатанный конверт. Волнение неожиданно быстро переросло в гнев. «Я же просил не трогать мою корреспонденцию!» - крик переходящий в шипение. Взмах руки остался на рюшах платья. Бумага еще помнила тепло девичьих ладошек. Лия смотрела на брата растерянно...О, если бы сейчас вернуть голос...Если бы...Но сцена сия так осталась немой с ее стороны. Антон не нашел в себе сил как-то объяснить содержание письма. Да он и не хотел...не видел смысла. Из кабинета точно гром послышался голос Линара. И брат ушел...Она осталась одна а в голове все еще перекатывались прочитанные слова. «У меня нет времени...» - мысль медленно оседала на плечах. Выскочила из дома, ощущая как стены его обрастают чужим, грудным смехом, точно зловонной плесенью. Одно движение, но сколько в нем мыслей, чувств, как если бы стрела летящая к цели могла бы спеть о своем полете.

В этот момент она стала ветром растворяясь среди пышности млеющего сада. Ногами не чувствуя земли...От заборной бреши к волнуемому полю люпинов пропадая в сем цвете как в море в убежище...Собственно душа разве не была столь же глубока чиста подобно этому царству полевых вольников. Но вот почему — то казалось Лие что она все еще горит под взглядом этим. Будто суть ее осталась на его горячих руках похищенная вторжением. Страшно обернуться...остановиться. Он верно растворился в летнем мире ранним загниванием пугая. Центр поля рассекал могучий дуб подпирающий небо. Он хранитель этого края дом для уставших птиц. Вся сила земная спряталась под корой и Лия обнимая широкий ствол слышала как под этими доспехами бьется сердце. «Защити Отче. Он меня похитить хочет. Силой увести. Я ведь прогнала

его да он остался. Пламени твоего не боится». Дуб молчал ибо не было в его ветвах страха. Он-то видел грядущее...

Это место...Живая шкатулка воспоминаний. Если провести рукой по грубой броне старого дерева...кончики пальцев наткнуться на следы от перочинного ножичка. «Я тебя...». Какое терпкое название и под ногами вырастают теплые перекаты моря подхватывающие тысячи взъерошенных мыслей. До сих пор этот неудержимый хмель юности будто вырвал ее из обыденного ритма жизни. Это как порыв ветра срывающий с тела оковы. Дима вырезал эти три слова во время их первого и последнего свидания. Хотя что за глупости...свидание. Сплошное смущение и болтовня ни о чем. Танюшка раньше жила по соседству...И они оставляли друг другу записочки в тайничке. Ямка под мощными корнями пряталась за травными пучками. Девушка привычно нырнула туда рукой...но нашла только пустоту. Порой так не хватает хороших новостей. Будто желая заточить свою досаду в этом земляном кармашке, Лия еще раз зачерпнула ладонью пустоту, но вместо воздушного пространства наткнулась на что-то холодное. Свиток тетрадной клетки слишком глубоко прятался.Его скрывало стеклянное брюхо пузатого флакончика. С нетерпением разворачивая изрядно послание, Лия старалась не дышать, чтобы не спугнуть маленькое чудо. Знакомый подчерк, все буквы в ряд. «Я тебя люблю». И хвостик сердечек...А под ними инициалы Д.М.

Лия залилась слезами, ощущая, что сердце хочет выскочить наружу.

Сумерки хвастались голубой каймой горизонта. А купол иссиня- черный падал на спящий город каменной шапкой. Она сидела под дубом боясь вернуться домой. Столько отчаяния скопилось у горла во век не испить. Земля остывала холод выплывал из цветочной гряды вместе с черной тенью. Лия пожелала стать частью могучего дерева спрятаться за жесткой корой. Но могла только отвернуться...От алого купола, что зрел над тем местом, где стоит ее дом. Ей казалось, что внутри будто проснулся процесс увядания, в быстрой фазе поедающий все мысли и чувства пересыханием дум, позывов...Мир живущий под сердечными сокращениями свертывался в сухие кудры, которыми деревья стараются умилостиливать стынущую землю. Вы когда-нибудь падали в кучу засохшей листвы? Ощущали этот разящий хруст, как будто в атмосфере ломаются шестеренки? В этот момент обычно смотришь на небо и как бы внутрь себя пытаешь понять какой именно механизм пришел в негодность.Он скакал по веткам даря ей раньше времени умершие сердечки, еще секнду назад почивавшие на ветках. Лия чувствовала как за ним будто шлейф тянулась тьма. Голодная, подобно собаке, что вот-вот рванет к гаснувшим краскам дня стремясь вобрать в себя все визуальные скрепы, что так берегла девушка. «Приди же ко мне...» - голос тонул в вечерней жалобе на зреющий в небесном стане холод. Грядущая ночь не принадлежит этому миру. Вместе с этой мыслью прише дождь. Сначала он представился робким странником, но Лия тут же поняла, что он тоже слуга этого демона. Дуб будто трещал изнутри, берег накопленный за день свет. Небесная слеза упала на чернильное признание. Лия подняла голову вверх. В

густой листве она увидела тьму, что обвила могучие ветви. «Нет» - она прижала руки к груди. Дождь сорвался в жестокую пляску холода утягивая за собой все воспоминания о дивном, летнем деньке. Лия мгновенно промокла под этим разящим перезвоном капель, все еще пытаюсь прогнать эту ненавистную тьму. Но не было внутри нее равновесия. По рукам текли черные струйки. Все, что осталось от бумажного признания.

В сгущающейся синеве под натиском огромных туч несущих зерна бури сторающий дуб как меч архангела пытался разогнать царствующую тьму. Но тщетно...болезненно тщетно. Языческая чернь вилась вокруг него скалилась, пытаясь завладеть солнечной кладовой. Лия наблюдала за этим действие из комнаты, ощущая всю хрупкость своего убежища. Дом напрягся, точно парус под натиском ветра, намереваясь выстоять. Девушка прибежала домой в разгар ужина, точно возвещая о буре. За столом, рядом с Антоном и Женей сидел Линар. Он словно черный туман окутывал дом липким пологом. Запах гари...он больно скользнул по горлу въедаясь в ритм испуганного сердца. «Сестренка!» - Женя отбросила телефонную книгу прочь. Обзвон больниц так и не состоялся... Горячие объятия немного согрели ее. Она провалилась в это тепло...как в небытие. Будто наблюдала со стороны за тем как над нею сомкнулся круг домочадцев она слышала едва уловимый смех демона, который сливался с вибрацией грозы.

Амалия Карловна уложила ее спать. Заштормила окна стремясь не пустить алчную бурю в место сна. Лия все еще дрожала горячей душ не смыл ледяных капель с тела. Домоправительница накрыла ее ватным одеялом шепча: «Сейчас согреешься! Эка мерзлячка! Мы — то за тебя переживали! Весь сад обошли, к соседям заглянули! Ты уж больше нас так не пугай!». Девушка обессилено упала на подушку все еще ощущая на языке привкус гари.

Сон ее был слабым налетом усталости поверх грохочущей ночи. И явь виделась сквозь сменяющиеся образы как грубый холст с жесткими касаниями угля. Смеялся Линар...Антон улыбался грустно, расплываясь в дождевой тоске. И так же дрожали свечи в храме...Так же безмолвно стоял обгоревший дуб. Все вновь повторялось...В ее голове или в реальности искаженной...

Она проснулась...от запаха свежести что у полки книжной обратился высоким деревом. Белый ствол по — лунному ярко сиял в черном покое книжных баррикад. Ветви стремились вверх своим сплетением превращая потолок в молчаливое небо. Под пухлыми облаками плавно проявлялось неторопливое шествие. Странники повинующиеся вожаку...ведь это дерево белый страж сна распугало грозную тьму. Слабое тело не пускало девушку в разрастающийся сон цепляясь за пленительное ощущение одеяльного тепла.

Странники в широких одеждах как солнечные разливы утреннего неба...Когда холод еще силен в своих пределах но уже видна первая гряда холмов. И одиночный крик птицы острее меча...Лия не могла разглядеть их лица узнавала лишь по мелодичному перезвону голосов. Вслед за знакомым звуком приходили ранее отжившие образы. На ватную мягкость кровати падали замершие яблоки и

словно ледяная волна вырывала вырывала предательское бессилие из девичьего сердца. Зимняя пробежка по саду...где смеха больше чем упавших яблок. Последнее день рождение проведенное с друзьями. А потом душный класс в путях морозных...узорах оконных. И дети поющие «avemaria» как робкие голоса музыкальной шкатулки. А после июньский зной и переводные экзамены. Первый поцелуй оставшийся на губах как прикосновение бабочки. И забавная распевка по пути на конкурс...куда дети так и не приехали. Эти обрывки неожиданно четко проявили лица странников стерегущих покой девушки. Старые друзья пришли навестить Лию. Смеющаяся Танюшка неуклюжий Валька сонная Олеся ...и Дима. Такой же восторженный...как порыв весеннего ветра. «Ребята...» - не хватило сил на многословность. Да и вдруг ночные гости растворяться от наплыва радостных восклицаний. Друзья улыбались перешептывались друг с другом показывая руками на спящую подругу. В какой-то момент Лия поняла что стоит рядом с ними и смотрит на себя со стороны. Бледное тело а под спиной слабое мерцание. Девушка не могла понять что именно так порадовало друзей...Они же обступили ее кольцом и по очереди обняли. И от каждых объятий она будто становилась сильнее. Друзья прогоняли ее страх, даже ночь испугалась...Стала линять до синевы. Дима поцеловал ее в щеку. После чего ребята увлекли его обратно к Великому Древу. Друзья вновь стали светом. А Лия проваливаясь в кратковременный сон ощущала за спиной легкий трепет.

Крылья белые точеные крылья по перышку. Огарковая луна в линиях небе подглядывала за девушкой. Каким маленьким кажется сад. Тесным и остывшим как оброненный сказ. Она видела весь дом не открывая глаз. В ракушечно-круглой комнате почивает Женька перебирая во сне свои бусы. Антона заботы не покидают и в чертогах покоя. Видятся бесконечные бумаги изредка мелькают воспоминания из детства. Амалия Карловна спит под скудным пледом. Кто же его подарил? Старый кокон ждет солнца будто питья. Его стены слабы однако корни крепко цепляются за землю. Цветы поредели от града и яблоки россыпью тонут в травяной душистости. Завеса утренней мутности — мелкая пакость гостя. Лия видит его блуждающим среди уставших яблонь. Не созревший плод в руке его то чернел то золотом покрывался. Слабо пробивается заря небо все еще костное невнятное. Ни день ни ночь. Половинчатость. От того ли кажется что одного слова довольно и хрупкий покой обернется неприглядной изнанкой поношенного пальто или опаленным крылом ворона. Ходит как хозяин. Лия скривила личико — признак разгорающейся смелости. Крылья ее надежно защищали дом от злого лукавства. Вот почему Линар по саду гуляет войти боится. Только просит мягко...почти бархатно : «Приди-приди ко мне...». Лия слабо улыбнулась произнося вслух: «Ну жди...». Но отклик звуковой никак не задел оппонента. Нет не насторожился демон от такого проявления силы. Только улыбнулся как-то ядовито-приторно когда девушка спустилась к нему...Сад медленно и неохотно наполнялся солнечным светом. Один из лучей прятался за листвой, подмигивая явившейся хозяйке. Лия же не подала вида, что

есть у нее помощник. «Решилась таки?» - усталый смех, выброшенный в едва зреющее световое торжище от слабости. Линар чернел, как угольная картина отпечатавшаяся в сырой извести. Лия вдруг разглядела в этой тьме некогда светлый человеческий лик. Но впечатление это тут же сгнуло, видимо сам демон не желал показывать свою мертвую сущность. Девушка вдруг поняла... Не осталось в ней страха или жалости к этой заблудшей черни. Ведь все так и должно быть. И пришел он сюда не за ее крыльями, как бы не вились его мысли в эту сторону. А за пустотой... «Решилась!» - вслед за словом пучок солнечных лучей ловко опутал сад. Выжег всю тень как сорную траву в зное уничтожает солнце. Казалось, что кроме яркого света нет ничего больше. Да и не нужно. Лия увидела как из сего белого вихря словно вновь выростал ее дом. Но уже свободный, чистый как выдох по утру. Девушка видела над крышей шапку спящих снов. Липнущая тень ушла из комнат, покинула опочивальню брата, убежала от огненных прядок Женьки. Муть иссякла в этих кладовых. Лия видела впереди только хорошее. И не только для себя...

Обгоревший дуб уродливо жался к проясняющемуся небу. Люди скажут: «Мертвое дерево! Надо спилить!» А ведь по весне траурные ризы могут обернуться зелеными листьями что подобно нелепым клокам будут плясать по изломам ветвей. Лия коснулась ствола... В раненном дереве тихо свербилась жизнь. Все еще... Каким же теплым и безмятежным будет этот день. Девушка осеклась будто натыкаясь на россыпь стекла. Порывисто обернулась к поредевшему морю люпинов. Долго ждала зажмурившись хотя бы маленького... незначительного звука. Но дом не позвал ее... Не позвал и сад... Люди досматривали последние сны особенно яркие схожие с явью. А над городом плавно пронеслась двукрылая тень легкая точно свечная слеза. Дуб проводил ее утробным вздохом а потом забылся в солнечном томлении разгорающегося дня.

О рассказе Марии Тарадовой

Красноречие, разнообразие образов и стилистических приемов, лексическое богатство - все это ценилось и будет цениться в художественной литературе, ведь это настоящее искусство, которое не каждому под силу. И данный рассказ является подтверждением того, что Мария Тарадова способна на это.

Чтение рассказа подобно просмотру изменяющейся картины, будто искусный художник рисует ее перед читателем, тонко подбирая и смешивая оттенки слов. Поначалу сложно разобраться в обилии красок и переходов от одних героев к другим, неизвестно, что же получится в конце, к чему все идет. Есть люди, которым даже нравится такая непредсказуемость. Видимо, это придает живости и естественности произведению.

Несмотря на сравнение с , повествование не ограничено только лишь рамками зрительных образов. В рассказе присутствуют также описания нетривиальных

ощущений, глубоких психологических (даже метафизических) переживаний и живое эмоциональное, с нотками юмора общение. Несомненно, автор живет полной и насыщенной жизнью, и, вероятно, рассказ выражает желание поделиться этим счастьем с другими.

«Кажется что следующая молния стрелою ворвется в пыльный мрак комнаты. Этого момента боишься, но как будто в тоже время ждешь с нетерпением...точно перезрелого яблока с ветки»

Ильдар Листопадов

Слава Трошин

Поэт, художник, член литстудии
Волжского университета имени В.Н.Татищева

Кисти Краски

Вижу: примат пишет портрет.
Кисть обмакнёт, кисть проведёт.
Он говорит: ба, бу, бы, бо.
Начал пейзаж; небо, ей-бо!

А где-то дельфин с кистью в зубах
Тоже творит, ростром- жах!

В Индии слон в шоу своём
В хоботе кисть, над чистым холстом..

Так же и мы: каждый - творец.
Сказке конец. Всем раздать холодец!

Прозрачные

Не надо сегодня прятаться,
Нынче спрятаться не получится.
Всё равно мы прозрачные люди
И идём спокойно по улице.

Как-то странно и есть не хочется,
Да и пить; и тому подобное..
Ведь мы в зеркале не отражаемся -
Это, видимо, свойство прозрачности!

Вон ещё прозрачные движутся.
Видишь, где в луже дом отражается?
Или мне это просто чудится?
Дорогие, вам так не кажется?

Вдвоём с дружкой, пригнувшись, на полусогнутых ногах, гусиными шажками мы пробежали железные ворота и сразу залегли в высокой траве пустырника, росшей вдоль пешеходной асфальтированной тропы, ведущей к автомобильной трассе, идущей вдоль жилого квартала. Победительно переглянулись-мы же уже в бурьяне и недруги нас не видят! Надо продвигаться дальше. По-пластунски проползли метр или два и тут нас окликнули. Отпираться смысла не было: две взрослые тётеньки уже стояли над нами. Воспитательницы детского сада. Видимо, нам с товарищем не удалось ускользнуть незаметно, нас вернули обратно за железный забор. Зато мы получили восхищённое внимание других детсадовцев и до конца прогулки рассказывали всем желающим, как организовывали и осуществляли побег.

Конь речной

Вот про кого это, а? И ведь всё про одного:

Эукариоты, животные, эуметазои, двусторонне-симметричные, вторичноротые, хордовые, позвоночные, челюстноротые, четвероногие, млекопитающие, звери, плацентарные, парнокопытные, бегемотовые, бегемоты, бегемот обыкновенный.

Такими многими словами, должно быть, характеризуется что-то очень большое, объёмное.

И что значит, скажите пожалуйста, "обыкновенный"? А я вам скажу, что сам тот человек, кто это написал, сам он обыкновенный!

Да вы посмотрите на них, на речных лошадок то есть.

Сразу видно, какие они необыкновенные. Вам нравятся речные лошадки?

Что до меня: я в них души не чаю. Разрешите высказать моё личное мнение об этих братьях наших бо'льших:

Обратиться к ним хотелось бы так: "Здравствуй, душечка-тушечка!" Или короче: "Привет, душка-тушка!" Нравятся мне почему-то эти кони речные. Все они разнохарактерные, если один гиппо-, другой уже поппо-. А кто, кроме бегемотов, может широко-широко раскрыть пасть, чтобы показать, что он или она- королева(король) бензоколонки или небольшого болотца? Да никто шире них рот не сможет раскрыть, хоть тресни! Нравятся они мне, хоть лягушку он скушай, хоть травкой животик набивай. Плотненькие они, толстоморденькие-гиппопотамчики, симпатичные.

Я так считаю: хорошего млекопитающего должно быть много! Кто не согласен-пишите опровержение.

Частушки шуточные штатовские

Ветер бурей завывает
Роща воеет вьюгою
Клинтон Билл в санях, на тройке
Катается с подругою.

Гондолиза, Гондолиза,
Мурка ты таганская,
Ждёт тебя на выходных
Дивизия таманская.

Вот Обама входит в кухню
Важный, в галстук-бабочке
Незаметно финик спрятал
В майонезной баночке.

Эй ты! Кто там ходит лугом?
Кто там кочевряжится?
Ты что ль, Трамп? К нам подгребай
Глянь, дружба и завяжется.

Галатар

Геоплазма плавит платы,
Мозг как плавленый сырок.
Текто-плиты вплавь, как пазлы,
Как разломленный пирог.

Полетели на планету, а планета далеко,
Мы на маленькой тарелке
Подлетаем к НЛО.

Там завис корабль огромный,
Галатар*, большой фрегат.
Лазер, гиро, нано, бластер:
Прям наукокосмоград.

Яркий свет, открылись шлюзы,
Внутрь затянут наш виман.
Вкруговую сканим стены,
Закрепляет на лавсан.

Карантин в кислотной ванне,
Ванна как большой бассейн.
Трое суток окисляли наш корабль,
Спаси, Хусейн.

Терминация процесса, выход был у нас один:
давим джойстик до упора, вдруг закончился бензин.
На урановых брикетах вылетаем
Через борт, в три секунды два
Парсека и в ближайший космопорт.

Тонну веганских припасов обменяли на гидрит,
починили оболочку, вся как новая блестит.

Вот в стеклянные стаканы наливаем оранж-фреш.
Все веганы на виманы позапрыгивали, трэш.

Грянул гром, набрали молний,
Зарядили токомак,
Погрузили в холодильник:
Тмин, кунжут, арахис, мак.
Галанавты в оболочки застегнулись, чтоб лететь.
Наведён курсор на точку,
Старт.
И отключилась сеть..

*галатар - галактическая тарелка.

О творчестве Славы Трошина

Что может служить источником вдохновения для поэта? Природа, лес, любовь, красота, небо, космос? И то, и другое, конечно же, но в большей степени – личность самого поэта. Я поэт – этим и интересен – писал 100 лет назад В.В.Маяковский! Это верно и по сей день.

В текстах Славы Трошина зримо присутствует время, наше время, а также собственное восприятие мира, то есть авторская мифология. Исходя из нее – слон – это священное животное, основа Вселенной, крот и обезьяна – необходимые составляющие жизни горожан, а летающие тарелки – единственный способ передвижения. В стихах много веселья, буйства, событий, многие из них – просто интересно рассказанные истории!!

Язык – современный, яркий, не без модных «фишек» и «примочек», поэт на своем задорном и нестандартном языке говорит с читателем о насущных делах и проблемах. Пир и праздник становящегося бытия, растущего из света и радости! Встречаются и отсылки к советским песням, мультфильмам, известным литературным текстам, киноцитаты и т.д. Ну, и конечно, космос, пришельцы, межгалактические полеты, летающие тарелки – вся эта романтика покорителей космоса нашла отражение в творчестве Славы Трошина.

Сергей Сумин

Игорь Царьков

Кандидат юридических наук, профессор кафедры «Конституционное и международное право»

Волжского университета имени В.Н.Татищева. Его афоризмы, краткие высказывания и «РасСказочки», которые являются смесью рассказа и сказки можно прочитать в его книге «Мысли вслух».

Сущность театрального искусства скрывать изнанку своего искусства.

Видеть не Россию в себе, а себя в России.

Презумпция враждебности дает право на враждебность и нетерпимость.

Презумпция открытости дает шанс на доверие и любовь.

Рожденный просить, требовать не может.

Вчера от власти уходили в лес, в тайгу, к костру, к гитаре.
Сегодня на футбольный стадион похулиганить.

Единственный риск театральной жизни – неудачно сыгранная роль, которую можно оправдать плохим настроением и переиграть заново.

Петр I строил рабскую Россию, Александр II – свободную.
Память о Петре I увековечена в художественных полотнах и произведениях, в памятниках и кинофильмах.
Об Александре II вспоминаем только на уроках истории.
- Боготворим тех, кто делал из нас рабов, и забываем о тех, кто пытался сделать нас свободными.

Дети смотрят на взрослых и чему-то учатся.
- На кого должны смотреть взрослые, чтобы хоть чему-то научиться?

Вере и свободе необходимо учить и не просто учить, а учить, учить, и учить.

Душу рвут перед телекамерой, перед взором других, - перед Богом ее открывают.

Любовь без милосердия – страшная штука.

Говорят: «Власть портит людей».

- Если власть испорчена.

Революция как песня,- или одна лишь песня.

Почему мы всегда воротимся от Запада?

- Потому что солнце восходит на востоке.

Стремясь оставить след в истории, – не наследиди!

«Не верю!» - воскликнул Станиславский и совершил революцию в театральном искусстве. От искусства подражания к искусству проживания, чтобы невозможно было отличить реальную жизнь от имитации жизни.

- Люди, испорченные театром.

С искренней страстью мы готовы отдаться кино, театру, сцене.

Считая, что любой тебе готов напакостить, обязательно сам всюду будешь пакостить.

Демократия это бакалейная лавка. Если в ней что-либо отсутствует, то это не смертельно.

Тоталитаризм – свалка. Найти можно все что угодно, но в не рабочем состоянии..

Наследники патриотической харизмы.

Мы не заметили, как чрезвычайно обеднели, когда душа трансформировалась в психику.

Наш русский либерализм развивался на уровне «не плохих, но никчемных идей».

Не трудом созданную собственность и утратить не жалко.

Тоталитаризм это искусственная история.

- Делает вид, что что-то происходит.

Демократия – искусство истории.

-Происходит то, чему необходимо свершиться.

Уже не будет Всемирного потопа и разрушения Вавилонской башни, не будет разрушения Содома и Гоморры и Вавилонского пленения, но будет Страшный суд.

А, если и Страшного суда не стоит ожидать?

- Тогда наступит конец света.

Либо ведомо, что есть добро и не ведомо, что есть зло, либо ведомо, что есть зло и не ведомо, что есть добро.

-А третьего не дано.

Как справедливо судить?

По «букве» Закона или по «духу» Закона?

Конечно, по «духу», если он там есть.

Христианство:

Человечество арендатор божьего виноградника.

Как только отвергают Бога, так тут же в жизнь врывается судьба-злодейка.

Правда обычая утверждается через неправду другого обычая.

Может ли фарс закончиться трагедией?

Да. Если кто-то не подозревает, что это фарс.

Истина не передается, истина открывается.

Я не знаю, что значит быть морально совершенным существом, но я точно знаю, что значит быть моральным уродом.

И бандиты могут быть романтиками.

Или бандиты только и могут быть романтиками?

Сущность искусства:

Либо демонстрировать то, что в жизни не столь очевидно;

Либо скрывать то, что очевидно.

А третьего не дано.

РасСказочки.

ЛЕКАРЬ

Настоятель высокогорного уединенного монастыря был великим лекарем. Слава о его возможностях простиралась очень далеко, и все жители деревень,

расположенных у подножия гор, совершали трудный и опасный путь по узкой и извилистой высокогорной тропе, чтобы встретиться с ним. Жители шли к нему по разным поводам. Шли старики, чтобы лекарь продлил их дни; шли неизлечимо больные, веря, что выздоровеют; родители несли своих новорожденных детей, чтобы он их благословил и предсказал их будущее. За это они отдавали лекарю самое дорогое, что у них было, и ничего не жалели. Жители деревень доверяли лекарю, вверяли ему свою жизнь и жизнь своих детей, были уверены, что он делает добро, и после каждой встречи с ним вера их множилась.

Иногда лекарь спускался с гор и сам обходил близлежащие деревни. В этот день все жители бросали свои дела и стремглав бежали, чтобы повстречаться с великим человеком и дотронуться до его одежд. Лекарь благосклонно позволял это делать. Некоторые жители, осмелев и с надеждой, что он не откажет, приглашали его к себе в дом. Кому-то он не отказывал, и тогда осчастливленная семья, гордая и радостная, выставляла на стол все, что было, и спрашивала лекаря обо всем, о чем можно только спросить, и просила излечить все, что только можно было вылечить.

В один из таких приходов в деревню лекарь единственный раз не смог ответить на вопрос, дать совет и излечить больного.

На следующий день его тело нашли у ворот монастыря.

ДУБ

В лесу стоял вековой дуб. Обитатели леса были убеждены, что именно с него началась их жизнь – он был первым в их лесу, и поэтому дуб занимал особое привилегированное положение среди других деревьев.

В его ветвях никто из птиц не вил гнезд, белки не селились в дупле, а кабаны не рыли почву своими пяточками в поисках желудей, все обитатели леса считали своим долгом защищать дуб от всяческих возможных напастей.

Поэтому звери установили очередь охранять дуб, в строго установленное время караулы сменялись, и все выглядело как четко отлаженный механизм.

Потом что-то сбилось в их устоявшейся жизни, кто-то без умысла, или с умыслом подверг критике надежность охраны дуба.

Дуб засох. Пока звери спорили, кто из них лучше охраняет дуб.

СУДЬЯ

Жители деревни были очень сварливыми людьми, их вечно что-то не устраивало, они спорили, споры постоянно превращались в ссоры, ссоры переходили в драки, а драки нередко заканчивались смертельным исходом. Так было испокон веку. В конце концов всем это надоело, жители деревни осознали, что так дальше жить нельзя и решили назначить Судью, который бы по справедливости разрешал их споры, а все они безукоризненно выполняли бы его решения. Первым Судьей выбрали самого мудрого и уважаемого жителя деревни, к которому всегда ходили за советом и который никому никогда не в нем отказывал, был добр и внимателен к каждому.

Теперь к мудрому и уважаемому человеку приходили не только советоваться, но и разрешать конфликты. Судья старался вникать в суть спора, всегда внимательно и непредвзято выслушивал претензии и аргументы сторон, показания всех возможных свидетелей и, прежде чем принять окончательное решение, взвешивал его со всех сторон. Он старался быть справедливым.

Мудрый и уважаемый человек стал еще известнее, чем раньше. Он был постоянно у всех на виду. Его имя не сходило со страниц местной печати, его решения обсуждались и критиковались. Часто проигравший в суде оставался недоволен тем, что решение было принято не в его пользу, а выигравшего дело в суде не устраивал размер компенсации. Постоянно стороны спора оставались чем-то недовольны, и свое неудовлетворение возмещали на Судье.

Вскоре Судья стал замечать, что отношение сельчан к нему изменилось. Сельчане стали сторониться мудрого и уважаемого человека и, завидя его на улице, переходить на противоположную сторону. Через какое-то время Судья стал совсем одинок. К нему перестали приходить в гости и испрашивать

жителей советов. Общественное забвение его сильно угнетало, он долго размышлял о том, кто в этом виноват и что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию. Наконец придумал. Судья стал выносить решения от имени народа и закона, и жители стали принимать его решения смиренно, даже тогда, когда он от имени закона и народа приговаривал обвиняемого на десять лет без права переписки.

Судья вновь стал мудрым и уважаемым человеком. Он стал богатым, счастливым и незаметным.

О творчестве Игоря Царькова

Любая мысль незакончена. Любая мысль недодумана. Это не наш грех, это грех самого мышления как такового. В этом смысле короткое изречение, сентенция или афоризм имеют одно важное преимущество – недоговоренность и незаконченность есть ее их родовое свойство.

В подборке Игоря Царькова наблюдается попытка мыслить о самых предельных, важнейших человеческих понятиях – закон, свобода, истина, государство, слово. Предельность эта похвальна прежде всего тем, что над этими вещами в нынешний период развития капитализма в России не принято думать всерьез – а лишь упоминать, когда нет другой возможности. Но от этих раздумий никуда не убежать. Они в природе человека.

Если в афоризмах можно увидеть помимо европейской, отточенной как рапира, анализирующей мысли и восточные методы – дзен, чань, то в Рассказочках (скрещенный жанр, притча плюс сказка) – мудрость всеохватная, уходящая в глубины подсознательного, близкая мифу. Игорь Царьков хочет схватить главное, то, что всегда ускользает из наших рук, утекает как песок. Но что? Время, жизнь, истину? Иногда кажется, что автору удается задержать то, ради чего мы все и пишем – смысл происходящего с нами!!

Сергей Сумин

Алла Шаклеина

Специалист по связям с общественностью,
художник Волжского университета имени В.Н.Татищева.

БЕЛОЕ НА БЕЛОМ

Вновь белизна слепящего холста
Уводит мои мысли за пределы
Я в сотый раз опять начну с листа
С названием вида «белое на белом»
За матовым рождаются стеклом
Фантазий призрачных
Таинственные клики
И на листе, осыпанном дождем
Черемуховый ворох белоликий.
С пути пытаюсь млечного свернуть
Пройти черту ненужных, терпких знаний
В снах белых раствориться и уснуть
И смыть фиаско разочарований
В топленом мареве
Кристалльного холста
Рождаются видения не смело
Я в сотый раз опять начну с листа
И жизнь вдохну я в «белое на белом».

МЕТЕЛЬ

Распался лед на тысячи снежинок.
Батистом- жаткой стелется плато,
Вмиг белой и зеркальной паутиной
Украшено Вселенское пальто.
Шар кружится, догнать метель не может
Резистором вплетаясь на лету,
Игра теней искрящихся похожа
На бабочек парящих на свету.

Рождение стихов

Рождаясь и волнуя душу

В ночном эфире, наугад
Парады строк, покой нарушив
В полете квантовым парят.
Не обращая на приметы
Проходят сквозь парад планет
Храня в себе, в безмолвье этом
Фосфорицирующий свет.

АНГЕЛ

Так пусть всегда твой Ангел будет рядом,
Пусть греет и хранит Ашрама свет!
Жизнь снова принесет тебе в награду,
Из тех краев затерянный билет.
Коль женщина, то только лишь желанна!
В мечту - воздушный, но реальный мост.
И пусть счастливые случайности вне плана,
Тебя осыпят фейерверком звезд!

ЗВЕЗДА

Средь суеты сует...
У всей Вселенной...
Подняв глаза в ночную высоту,
В особый день и необыкновенный,
Я для тебя прошу упасть Звезду!
Уже летит...
Ты обрати внимание!
Несет с собой признание мое,
Загадывай ты все свои желания
Не догорит!
Я задержу ее!

КУНДАЛИНИ

Добавлю в чай морских ветров микстуру,
Плесну заката белого вина.
Наворожу в бокал зари акупунктуру,
И выпить попрошу тебя до дна.
И Клеопатрой возгордится кундалини,
Воспрянет коброй, свет и полутень
И на распутье трех заветных линий,
С твоей ладони вновь начнется день.

О стихах Аллы Шаклеиной

Странное, невозможное сочетание белого на белом рождает невероятную палитру ярких, и в то же время и нежных красок сияющей тихим светом души, вдруг вспыхивающей неукротимым жарким огнем стремления к постижению истины, озаряющим своим негасимым пламенем зияющую глубину будущего, оставляя в прошлом отпечатки своей души на картинах, чьи сюжеты заставляют забыть о настоящем, превратиться на миг в репродукцию фантазии художника, испытать сквозь слепящую люминисценцию взлёт и падение, восторг и разочарование, а после раствориться в биллионе мелких льдинок, разлетающихся от тихого, чуть слышного дыхания автора, женщины, отдающей в своих стихах любовь своего сердца, каждый день, каждый час, в ожидании упавшей с пылающим хвостом звезды, приносящей чудо, присутствуя везде, как ангел снов, ангел мечты, ангел предвкушения открытий, когда в интермеццо трёх заветных линий с ладони вновь начнётся день, её день, его день, наш день...

Мартин Иден

Елена Шустрова

Поэт, член литстудии Волжского университета имени В.Н.Татищева.

За окнами сыро и серо,
И вечер опять молчалив.
Чуть теплится старая вера
Под ветошью рваных молитв.

И новая вера не лучше,
И не во что спрятать души.
А сумерки глуше и глуше.
Не страшно ли в этой глуши

Подолгу глядеть не мигая
В окно, где не видно ни зги?

А темень-то, темень такая,
Что Господи нам помоги

Хотя бы дожить до рассвета
В своём ли, в чужом ли уме,
По запаху чистого снега
Узнать о пришедшей зиме

Здесь развлекаются играми воображения,
Выигрыш делится поровну на игроков.
В правилах воображаемого движения
Ни одного параграфа про любовь.

Видимо я из тех, кто отмечен галочкой
(может быть с краю, может быть на краю).
Вежливый голос мне говорит: - Гражданочка,
Вам предлагают в этой игре ничью.

Ничей покой не нарушен.
Никто из нас не в долгу.
Июньское солнце сушит
последнюю влагу с губ.

Никто не выпил отравы
Ни красной, ни золотой.
Мы правы, мы оба правы
Бесцветною правотой.

Старайся дышать пореже,
Пожалуйста, не спугни
Прозрачное слово "нежность"
И плюшевое "усни".

Всё сказано, и осталось
Не более пары слов,
Как вдаль уходящий парус
Из прошлых не вещей снов.

Кому-то и грош – не цена,
Кому-то и вёрсты – не крюк,
А фокус во все времена
Зависит от ловкости рук.

Три сотни краплёных стишков
Ты прячешь в своём рукаве,
И мир, безусловно, таков,
Каков он в твоей голове

Привычен, как старая боль,
Как утренний чай натошак.
Напрасно себя не неволь,
Тебе всё простится и так

До мелочи, до ерунды,
И память как в детстве легка.
Ты видишь сквозь толщу воды
Крупинки речного песка

И если прижаться сильнее
К твоей одинокой мечте,
То можно не думать о ней,
А жить в ней, как рыба в воде.

О творчестве Елены Шустровой

Есть такая точка тишины, внутри которой слова приобретают особый сакральный смысл. Это возможно только в том случае, если произносящий (пишущий) слова осознает подлинность мира, о котором говорит, относится серьезно и внимательно к тому, что происходит в его жизни. Вот такая точка сосредоточенности, особого любящего взгляда частенько наблюдается в текстах Елены Шустровой. Точка эта непостоянна – и сам автор, и его читатель частенько утрачивают ее, теряют в хаосе и какофонии внешнего шума. Но то, что поэт стремится к этой точке - совершенно очевидно.

От этого и неяркий и простой набор образов, не то чтобы аскетичный, но любовно и тщательно отобранный. Вещи, о которых тут говорится – важны и сами по себе, даже если мы их не замечаем. Они просто существуют, вовсе без

нас. Но поэт находит их - и открывает в слове, мягко, тихо, осторожно... Слова эти: память, молитва, нежность, детство, мечта, парус, влага, боль, покой...

Прислушаемся к словам поэта. Они важны. Они подлинны. А значит – остается надежда, что и наша жизнь – не выдумка, не набор цитат, не насмешка, не иллюзия. После этих стихотворений хочется верить – жизнь – настоящая!!

Сергей Сумин